

М. Алихановъ-Аварскій

ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ

(КАВКАЗСКИХЪ ОТРЯДОВЪ)

1873

СТЕПЬ И ОАЗИСЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Паровая скоропечатня Я. И. Либермана. Фонтанка, № 86

1899

М. Алихановъ-Аварскій

ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ

(КАВКАЗСКИХЪ ОТРЯДОВЪ)

1873

СТЕПЬ И ОАЗИСЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Паровая Скоропечатня **Я. И. Либермана**, Фонтанка, д. № 86

1899

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Іюня 1898 года.

Бглавлєніє.

	СТР.
Предисловіе.	
I. Встрѣча съ лейтенантомъ Штумъ и прибытіе въ Темиръ-Ханъ-Шуру	1
II. Морской переѣздъ. — Токмакъ. — Киндерлинскій заливъ. — Общій видъ лагеря Кавказцевъ	4
III. Обѣдъ у начальника отряда. — Лица штаба. — Общее нетерпѣніе. — Причина сформированія отряда и его цѣль. — Порсубурунскіе колодцы. — Первый вечеръ въ лагерѣ. — Театръ. . .	11
IV. Киндерлинская жизнь. — Комары одолѣли! — Охота за фламинго. — Санеръ и его Оффенбаховщина. — Ауль. — Киргизскія женщины: ихъ болѣзнь и предсказаніе нашей гибели. — Вліяніе Хивы, бѣгство мангышлакцевъ, недостатокъ верблюдовъ и ихъ распредѣленіе по ротамъ. — Набѣгъ на Киргизовъ. — Снаряженіе людей. — Сила отряда. — Парадъ и молебствіе. Напутственныя слова начальника отряда. — Выступленіе 1-й и 2-й колоннъ. — «Ребѣчество».	21
V. Наше выступленіе. — Кабакъ. — Слѣды войскъ. — Легенда о семи башняхъ. — Дезертиры. — Озеро Каунды и киргизскій Кавказъ. — Ночлегъ на мѣшкахъ и утро у колодца Артъ-Каунды	32
VI. Безводная степь и навѣкъ степняковъ. — Миражи. — Случайная встрѣча съ войсками и ихъ критическое состояніе. — Промакъ штаба. — Оплошность начальника и катастрофа. — Походный порядокъ въ степи. — Убыль верблюдовъ. — Слѣды первой колонны и ея бивуакъ въ Сенеклахъ. — Аварскій и ночлегъ у Апшеронцевъ	41

	стр.
VII. Утро слѣдующаго дня и лихорадочная жизнь у колодцевъ. — Характеристика Киргизовъ. — Сенеки. — Послѣдствія 18-го числа. — Исправленіе ошибокъ и уменьшеніе отряда. — Извѣстіе о результатѣ набѣга и слухъ объ отравленіи колодцевъ. . . .	58
VIII. Осторожность солдатъ. — Дорога въ Бешъ-Окты. — Саксауль. — Возня съ верблюдами. — Соединеніе съ авангардомъ. — Бешъ-Октинскій редутъ, вода и ея вліяніе. — Песчаные холмы и ихъ обитатели. — Ураганъ. — Добыча и минеральная вода. . .	66
IX. Шиферныя горы и желѣзистый ручей. — Гигантская скала и сланцевые шары. — Сѣрные колодцы. — Снова пески и отсталые. — Киргизское кладбище. — Наши карты. — Чакырьмы. — Сай-Кую. — Мавзолей степнаго витязя и образецъ киргизской скульптуры. — Бусага и его гротъ.	76
X. Подъемъ на Усть-Юртъ и дальнѣйшій путь. — Колодезь-монстръ. — Находка Незабвеннаго и признаніе «единовѣрцу». — Прибытіе въ Ильтедже.	86
XI. Ильтедже и сюрпризъ изъ его колодца. — Редутъ и судьба его гарнизона. — Значеніе опорныхъ пунктовъ. — Стоянка въ степи. — Развлеченіе 1-го мая и первая почта. — Послѣдствія жары.	98
XII. Путь до Алана и общее впечатлѣніе Усть-Юрта. — Табынь-Су и недоразумѣніе. — Первые плѣнные и первое извѣстіе объ отрядѣ Вережкина. — Измѣненіе маршрута съ цѣлью сближенія съ Оренбуржцами — Барса-Кильмась. — Аланъ и его цистерна. — Туркменское преданіе о походѣ князя Бековича-Черкаскаго.	103
XIII. Первая кровь и добыча авангарда. — Недостатокъ продовольствія. — Песчаный буранъ. — Духъ отряда и отзывъ о немъ иностранца. — Предписаніе о соединеніи и письмѣ генерала Вережкина. — Въ положеніи утопающихъ.	115
XIV. Выступленіе изъ Алана. — Пески Барса-кильмась. — Горькій щенокъ и новый видъ саксаула. — Киргизскій «Терекъ». — Джакши-Ербасанъ. — Ночное блужданіе и «гадкая впадина». — Несостоятельность форсированныхъ движеній.	126
XV. Двѣ неожиданныя картины и слухъ о миролюбіи хана. — Вторая попытка ночнаго движенія и новая неудача съ чортовою дюжиной. — Учъ-Кудукъ. — Послѣдній переходъ и первые признаки оазиса. — Чинкъ, бассейнъ Айбугира и Кара-Гумбетъ. . .	133
XVI. Переходъ черезъ Айбугирскую впадину. — Каразукъ и два часа въ кибиткѣ зажиточнаго Каракалпака.	144

XVII.	Погоня за Оренбуржцами. — Сѣверныя окрестности Кунграда и башня сумасброда. — Кунградъ и Киргизъ-комендантъ. — Первые Оренбуржцы. — Домъ губернатора, дыни, одиннадцать обезглавленныхъ труповъ и участіе въ экспедиціи судовъ аральской флотиліи.	151
XVIII.	Южная окрестность Кунграда. — Генераль Веревкинъ и Оренбургскій отрядъ. — Ночлегъ на Огузъ и «финалъ» степнаго похода.	162
XIX.	Соединеніе отрядовъ. — Кіятъ-Ярганъ и дальнѣйшій путь. — Ночной плѣнъ и утренній смотръ. — Войска Инака, камыши и непріятельскій лагерь. — Восточная красавица. — Встрѣча съ Хивинцами и первое дѣло. — Окрестности Ходжали и состояніе мѣстной агрикультуры. — Ходжалинская депутація, сдача города и кавказскій вечеръ.	171
XX.	Поѣздка въ Ходжали. — Базаръ и туземная мельница. — Гробница ходжалинскаго святого и необыкновенное кладбище. — Мечеть и медресе. — Священный городъ и его привилегіи. — Дневки и сношенія съ жителями.	189
XXI.	Путь до Мангита. — Депутація Чоудуровъ. — Первые извѣстія объ отрядѣ Туркестанскомъ и о возвращеніи полковника Маркозова. — Свѣдѣнія о Туркменахъ. — Ночная тревога у Аму-Дарьи. — Киргизы съ повинною. — Бентъ и причина осушенія Айбугира. — Мангитъ и «черная страница».	199
XXII.	Движеніе къ Китаю. — Первые перебѣжчики. — Профессія Текинцевъ и невольники Персіяне. — Сосредоточеніе непріятеля у Горлена и оцѣнка русскихъ головъ. — Дѣло подъ Янги-Япомъ. — Письмо и посолье Хивинскаго хана. — Извѣстіе о переправѣ черезъ Аму генерала Кауфмана и рѣшеніе военнаго совѣта	214
XXIII.	Извѣстіе о намѣреніи непріятеля и два конверта на имя Маркозова. — Неожиданная остановка. — Клычъ-Ніязъ-бай и кавалерійская экскурсія на его лѣвомъ берегу. — Неудачный мостъ. — Дальнѣйшее движеніе и старое русло Аму. — Кятъ-Кунградъ и его крѣпость.	226
XXIV.	Нѣмецкая записка. — Движеніе къ Кошъ-купыру и къ ханскому саду. — Авангардная стычка. — Ночное нападеніе и угонъ верблюдовъ. — Авангардныя развлеченія подъ Хивой . . .	236
XXV.	Движеніе къ Хивѣ и общее настроеніе. — Первые трофеи-пушки. — Неудачная погоня за третьимъ орудіемъ и мои впечатлѣнія. — На перевязочномъ пунктѣ. — Оригинальная пули	

	и хивинская депутация. — Революція въ городѣ, новый ханъ и бѣгство стараго. — Отвѣтъ генерала и пересуды офицеровъ. — Письмо генерала Кауфмана	247
XXVI.	Прибытіе туркестанцевъ, встрѣча генерала фонъ-Кауфмана и его условія. — Послѣднія дѣйствія генерала Веревкина. — Свита главнаго начальника экспедиціи и его торжественное вступленіе въ Хиву. — Обращеніе къ войскамъ и къ депутациі. — Телеграмма Государю. — Достопримѣчательности Хивы	269
XXVII.	Размѣщеніе отрядовъ и первые дни подъ Хивой. — Возвращеніе хана, уничтоженіе рабства и судьба освобожденныхъ. — Двѣ тревоги. — Юмутскій походъ и дѣло близъ Чандыра. — Слухи, толки, военный совѣтъ и движеніе всѣхъ отрядовъ къ Юмутамъ	278
XXVIII.	Положеніе оставшихся подъ Хивой. — Послы Бухарскій и Коканскій. — Свиданіе съ Хивинскимъ ханомъ. — Письма Кауфмана и его возвращеніе въ Хиву	288
XXIX.	Мирный договоръ, новое политическое положеніе ханства и обратное выступленіе войскъ. — Головачовъ и Кауфманъ. — Недѣля на каюкахъ и заложеніе Петро-Александровска. — Финаль	297

Предисловіе.

Въ началѣ 1873 года возгласъ «въ Хиву!» раздавался въ средѣ военной молодежи Кавказа точно «за Рейнъ!», облетѣвшій всю Германію предъ войной семидесятаго года. Возбужденіе было необычайное. Мѣсяца еще за два до похода, въ клубахъ, въ ресторанахъ и въ гостиныхъ Тифлиса только и слышалось о Хивѣ, и офицеры пускали въ ходъ всѣ пружины, чтобы только добиться назначенія въ одинъ изъ экспедиціонныхъ отрядовъ. По обыкновенію, многіе стремились, конечно, въ такъ называемый «крестовый походъ» или походъ за крестами. Но предстоявшее движеніе нашихъ войскъ представляло интересъ и помимо этого. Я помню въ одномъ домѣ такой эпизодъ:

— Поздравьте, бѣду сегодня же!.. Какъ вы думаете, куда? воскликнулъ офицеръ, влетая въ кабинетъ съ необыкновенно сіяющею фізіономіей.

— Въ Петербургъ? спросилъ хозяинъ, пожимая руку своего пріятеля.

— О, нѣтъ, гораздо дальше, — въ Хиву!

— Ну что-жъ, конечно, привезете оттуда, быть можетъ, и нѣсколько крестовъ... Но неужели вы серьезно рады?.. Вѣдь

вы мѣняете, быть можетъ, цѣлый годъ жизни на какое-то цыганское шатанье по безлюдной пустынѣ!.. Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю вашу радость...

— А понять меня, замѣтилъ гость, — не трудно, или по крайней мѣрѣ такъ же легко, какъ медика или всякаго другаго специалиста, ищущаго практики... Ну что такое, скажите пожалуйста, военный, никогда не бывавшій на войнѣ, какъ не архитекторъ, напимѣръ, который ничего не построилъ въ своей жизни?.. У такихъ военныхъ жажда дѣятельности болѣе существенной и разнообразной тѣмъ болѣе должна быть понятна, что, вѣдь, вы знаете, что такое офицерская жизнь въ мирное время!.. Да помимо этого, труды и опасности, сопряженные съ боевою жизнью, составляютъ даже приманку для тѣхъ, кто не успѣлъ еще разочароваться въ своихъ надеждахъ. Но въ настоящемъ случаѣ это далеко не все. Весьма простая, повидимому, военная задача нашихъ отрядовъ усложняется предстоящею имъ борьбой съ природой... Если же припомнить тѣ неудачи, которыми сопровождались наши прежнія экспедиціи въ Хиву, новая попытка къ рѣшенію старой задачи, еще до сихъ поръ кажущейся для многихъ неразрѣшимую, представляетъ не малый интересъ... Затѣмъ, несмотря на три военныя экспедиціи и одиннадцать дипломатическихъ агентовъ, отправленныхъ нами въ Хиву съ начала XVII столѣтія, что мы знаемъ о ней кромѣ того, что зналъ еще Петръ Великій?... Слѣдовательно предстоитъ увидѣть новый край, новый народъ со своеобразною культурой. На нашихъ, такъ сказать, глазахъ будетъ сдернута та завѣса, подъ которою скрывается эта страна, какъ terra incognita... Все это дѣлаетъ понятнымъ даже желаніе многихъ въ качествѣ туристовъ участвовать въ предстоящемъ походѣ... Согласны? Что касается лично меня, — мои бродяжническіе инстинкты возбуждены на этотъ разъ какъ нельзя болѣе; мое воображеніе рисуетъ въ заманчивыхъ краскахъ даже тѣ испытанія, безъ которыхъ я не представляю себѣ похода въ безводной пустынѣ. Словомъ, меня непреодолимо тянетъ въ полудикую Среднюю Азію, какъ въ Афри-

ку, въ Австралію, какъ всюду, гдѣ я не былъ, и годъ, который, быть можетъ, я проведу тамъ, будетъ для меня не потеряннымъ, а настоящимъ годомъ жизни...

Я привелъ эти слова именно потому, что они довольно вѣрно формулировали то, что было на устахъ или въ мысляхъ военнаго люда, стремившагося въ Хиву. Я также всецѣло раздѣлялъ этотъ взглядъ, и главнымъ образомъ трудности, сопряженныя съ движеніемъ въ эту заколдованную страну, мнѣ казались тогда, въ бурные дни молодости, заманчивыми въ такой степени, что наконецъ въ числѣ другихъ и я почувствовалъ себя какъ бы назлектризованнымъ и рѣшился проситься въ походъ...

Я состоялъ тогда для особыхъ порученій при Е. И. В. Главнокомандующемъ Кавказской арміи, который былъ временно въ Петербургѣ. Поэтому я обратился съ своей просьбой къ его помощнику, ген.-ад. князю Д. И. Святополкъ-Мирскому.

— Я васъ совершенно понимаю, отвѣтилъ князь, — и, будь я молодой офицеръ, охотно принялъ бы участіе въ предстоящемъ движеніи на Хиву... Походъ обѣщаетъ быть далеко не легкимъ, но зато и интереснымъ... Протелеграфирую Великому Князю, дай Богъ успѣха!..

На другой же день было получено разрѣшеніе Его Высочества командировать меня въ составъ Мангышлакскаго отряда. Объявляя мнѣ эту радостную вѣсть, князь прибавилъ:

— Но смотрите, вамъ нельзя терять теперь ни одного часа: отрядъ выступаетъ изъ Киндерли 2 апрѣля. Осталось, слѣдовательно, 5 дней, и за это время вы должны перебраться черезъ Кавказскій хребтъ и переплыть море, т. е. пролетѣть съ лишнимъ тысячу верстъ. Иначе опоздаете.

— Я не потеряю, ваше сіятельство, ни одной минуты; выѣду сегодня же, черезъ нѣсколько часовъ, и буду летѣть днемъ и ночью.

— Прекрасно. Кстати, я прикажу отправить васъ курьеромъ

и передать вамъ, для доставленія князю Меликову *), только-что мною подписанныя послѣднія распоряженія относительно Мангышлакского отряда.

Затѣмъ, откланявшись князю, я получилъ изъ штаба нужныя бумаги и подъ вечеръ уже мчался по военно-грузинской дорогѣ...

Такимъ образомъ мнѣ пришлось быть участникомъ незабвеннаго Хивинскаго похода, по установившемся мнѣнію, — одного изъ труднѣйшихъ, извѣстныхъ въ военной исторіи, и тягости котораго вызвали въ свое время удивленіе даже лицъ враждебныхъ Россіи, какъ Вамбери, которыя ставили его выше знаменитыхъ походовъ Ганнибала и Наполеона. Вся европейская печать, военная и общая, съ живымъ любопытствомъ слѣдила за каждымъ шагомъ нашихъ войскъ, интересуясь результатами похода, которые, безъ всякаго преувеличенія, превзошли самыя смѣлыя ожиданія...

Отправляясь въ этотъ походъ, я рѣшился вести путевыя записки, въ которыя и заносилъ, почти съ педантическою аккуратностью, все выдающееся и заслуживающее вниманія. Такъ составилось у меня довольно полное описаніе Хивинскаго похода, или вѣрнѣе, — участія въ немъ отрядовъ Кавказскаго и Оренбургскаго, на долю которыхъ выпало пройти, почти съ ежедневными битвами, все ханство отъ Аральскаго моря до столицы. Однако цѣль этихъ записокъ, или писемъ, если хотите, заключалась главнымъ образомъ въ передачѣ моихъ впечатлѣній и результатовъ личныхъ наблюденій. Само собою разумѣется, поэтому, что они не имѣютъ ничего общаго съ «исторіями», составленными на основаніи реляцій и штабныхъ документовъ, и не могутъ претендовать на полноту, которую можно требовать отъ трудовъ кабинетныхъ.

*) Ген.-адъют. князь Л. И. Меликовъ былъ тогда командующимъ войсками Дагестанской области.

Въ 1879 году записки эти были напечатаны въ номерахъ «Русскаго Вѣстника» подъ заглавіемъ «Степь и оазисъ». Тѣмъ не менѣе, рѣшаюсь вновь предложить ихъ читателямъ, въ виду вниманія, вызваннаго къ нашему походу по случаю исполнившагося на-дняхъ 25-ти-лѣтія со дня покоренія Хивы...

7 іюня 1898 года.

Гори.

I.

Встрѣча съ лейтенантомъ Штумъ и прибытіе въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

7 апрѣля 1873 года. Шура.

...На почтовой дорогѣ по Тереку грязь была непролазная. Около станицы Шелковой я наткнулся на завязшій точно въ болотѣ громаднѣйшій тарантасъ шестью лошадьми. Цѣлая груда чемодановъ и ящиковъ была выложена на землю и недалеко стояла съ багажомъ еще и перекладная. Человѣкъ шесть ямщиковъ и прислуги силились сдвинуть экипажъ, но тщетно...

Нѣсколько въ сторонѣ отъ экипажей, на краю дороги, стоялъ въ венгеркѣ иностранный офицеръ. Онъ наблюдалъ за происходившимъ предъ его глазами, а его молодое красивое лицо выражало отпечатокъ крайняго нетерпѣнія...

Когда я поравнялся, офицеръ, какъ бы направляясь ко мнѣ, изыячно взялъ «подъ козырекъ»; въ его лицѣ не трудно было прочесть желаніе сказать что-то, и я остановился. Подойдя ко мнѣ, иностранецъ назвалъ себя и началъ горячо рассказывать о своемъ критиче-

скомъ положеніи: онъ ѣдетъ дни и ночи, чтобы не опоздать ко времени выступленія русскаго отряда изъ Киндерли, но, несмотря на массу бумагъ отъ всевозможныхъ столичныхъ и нестоличныхъ начальниковъ, его везутъ «не такъ быстро какъ русскихъ офицеровъ», которые то и дѣло перегоняютъ его и пролетаютъ мимо на своихъ почтовыхъ телѣжкахъ...

Признаюсь, я удивился этой массѣ вещей, когда узналъ, что мой собесѣдникъ—лейтенантъ Вестфальскаго гусарскаго полка Штумъ, отправляющійся также въ Хивинскій походъ... Мы рѣшили проѣхать вмѣстѣ до первой станціи, съ тѣмъ чтобъ оттуда выслать за его экипажемъ свѣжихъ лошадей.

Усаживаясь въ мою телѣжку, лейтенантъ въ свою очередь удивился. Онъ странно оглядѣлъ небольшіе сакъ и чемоданъ, валявшіеся въ моихъ ногахъ вмѣстѣ съ крошечною складною кроватью.

— Это весь вашъ багажъ? спросилъ онъ,—и вы съ нимъ отправляетесь въ Хиву?

— Да... Здѣсь необходимое платье и нѣсколько книгъ, и я буду очень радъ, если мнѣ не придется бросить и это... Вы, я полагаю, встрѣтите большія затрудненія, если не облегчите себя: вашъ багажъ потребуетъ не менѣе десяти верблюдовъ.

— *Я ничего не брошу*, отвѣчалъ Штумъ.—Я не ѣду сражаться, и потому желаю окружить себя возможно большими удобствами... Во Францію во время войны я выѣхалъ съ меньшимъ багажомъ, но тогда я зналъ, что пускаюсь не въ дикую степь, гдѣ ничего себѣ не

достану... Скажите, неужели въ походѣ всѣ русскіе офицеры отказываютъ себѣ во всѣхъ удобствахъ?

— Мы отказываемся отъ многихъ мелкихъ удобствъ жизни, чтобы пріобрѣсти одно крупное удобство похода: быть налегкѣ, имѣть поменьше вещей, слѣдовательно поменьше и хлопотъ... Тѣмъ не менѣе, мы оставляемъ за собою достаточно, чтобы считать свою обстановку гораздо комфортабельнѣе солдатской: мы будемъ, быть можетъ, на солдатской пищѣ, но съ прибавленіемъ къ ней всего, что можно найти въ походной лавкѣ маркитанта; мы поѣдемъ верхомъ, ничѣмъ не обремененные, въ то время когда солдатъ съ ружьемъ, съ тяжелою сумой пройдетъ сотни верстъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Наконецъ, у насъ найдется хоть кожаная подушка на ночлегѣ, когда солдатъ не найдетъ зачастую и камня подъ свою голову... Полагаю, что этого достаточно.

Дальнѣйшій путь мы совершили вмѣстѣ и 29 марта прибыли въ Шуру. Здѣсь мы узнали, что вслѣдствіе разныхъ затрудненій по снабженію отряда перевозочными средствами, онъ выступитъ только послѣ 10-го апрѣля. Торопиться, значитъ, не за чѣмъ. Пользуясь временемъ, мы пріобрѣли здѣсь хорошихъ лошадей и весьма удобно снарядились къ походу...

Штумъ купилъ на большую сумму издѣлія Дагестана и дорогое оружіе для кабинетовъ императора Вильгельма, наслѣднаго принца и короля Баварскаго. Первому изъ нихъ онъ прямо телеграфировалъ о своемъ пріѣздѣ въ Шуру и о дальнѣйшихъ предположеніяхъ.

II.

Морской переѣздъ. — Токмакъ. — Киндерлинскій заливъ. — Общій видъ лагерьа Кавказцевъ.

13 апрѣля. Лагерь у Порсу-Буруна.

Къ отходу послѣдней шкуны мы переѣхали въ Петровскъ.

Пристань была полна массой самой разнородной публики. Въ гавани уже шумѣли разведенные пары *Тамары*. Среди телѣгъ, лошадей и озабоченнаго люда, сновавшаго по всѣмъ направленіямъ, я съ трудомъ пробрался къ краю пристани, гдѣ группировались офицеры и дамы, провожавшіе въ походъ родныхъ и знакомыхъ. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, здѣсь глаза полные слезъ, едва слышный шепотъ, тамъ беззаботный, раскатистый смѣхъ... Что говорили, что чувствовали эти близкіе другъ другу люди подъ вліяніемъ разнообразныхъ оттѣнковъ душевнаго настроенія, въ виду скорой и, быть можетъ, роковой для многихъ разлуки... дополните вашею собственною фантазіей.

Погода стояла превосходная. Море словно замерло!

На шкунѣ размѣщались послѣднія части экспедиціоннаго отряда. На палубѣ и въ трюмѣ—массы военныхъ всякаго вида. Все занято, спѣшить и суетится: артиллеристы привязываютъ къ бортамъ свои орудія, казаки и Лезгины-милиціонеры устанавливаютъ лошадей или перетаскиваютъ громадныя кипы прессованнаго сѣна; солдаты, вмѣстѣ съ мѣшками сухарей, бережно переносятъ куличи—былъ третій день Пасхи...

Около буфета оживленная группа офицеровъ всѣхъ оружій съ любопытствомъ оглядываютъ и слушаютъ лейтенанта Штума, котораго убѣдили наконецъ оставить въ Петровскѣ большую часть своихъ чемодановъ и который рассказываетъ теперь, что отправляется въ Хиву въ тѣхъ самыхъ чакчирахъ, въ которыхъ былъ подъ Гравелотомъ... Издали посматриваютъ на эту группу неизбѣжные всюду сыны Израиля, чающіе быть маркитантами, и судя по маслянымъ глазамъ заранее таютъ отъ мысли, что карманы этихъ офицеровъ будутъ выворочены въ ихъ собственные.

Наконецъ нагрузка кончена, раздались свистки... Шкуна тронулась, обогнула молъ и, провожаемая прощальными знаками съ берега, плавно вышла на открытую зеркальную поверхность моря.

Это было въ полдень 10 апрѣля.

Все предвѣщало пріятный переходъ по Каспію и, оставаясь на палубѣ, веселый нашъ кругъ невольно любовался картиной быстро удаляющихся отъ насъ береговыхъ горъ Дагестана. Постепенно суживаясь и блѣд-

нѣя, скрылась наконецъ изъ виду послѣдняя ихъ полоса, и гладкая блестящая поверхность моря слилась со всѣхъ сторонъ со свѣтлою лазурью безоблачнаго неба. «Прости, дорогой край! Быть можетъ, послѣдній разъ я видѣлъ причудливыя очертанія твоихъ горъ!..»

Погода точно манила насъ только въ ожиданіи этого «прости». Голубыя полосы все чаще и чаще начали прорѣзывать блѣднѣющую поверхность моря, спустился туманъ и вскорѣ задулъ свѣжій, рѣзкій вѣтеръ. Будто разбуженный имъ старый Каспій шевельнулся какъ бы нехотя, нахмурился, а тамъ, разгнѣванный, тряхнулъ сѣдыми кудрями. Съ шумомъ разсѣкая неотступныя волны и какъ бы изнемогая въ неравной борьбѣ, *Тамара* все чаще переваливала съ боку на бокъ, все шире размахивала громадныя мачты.

Говоръ умолкъ. Веселые еще недавно собесѣдники съ блѣдными лицами разбрелись по каютамъ, да и мнѣ уже становилось нестерпимо... При помощи матроса я побрелъ къ срединѣ палубы, свалился какъ трупъ и пролежалъ здѣсь до самаго утра 12 числа. Вокругъ меня между привязанными орудіями въ безпорядкѣ валялись артиллеристы. Ихъ стоны и проклятія раздавались поминутно, составляя рѣзкій контрастъ съ веселою болтовней счастливицевъ, не страдавшихъ отъ качки.

— Скоро ли, братцы? заговорилъ одинъ изъ моихъ сосѣдей, лежавшій какъ пласть съ самаго Петровска.

— Часовъ черезъ пять будемъ, отвѣтилъ проходившій мимо матросъ.

— Черезъ пять... Ахъ ты татарское море!

Не смѣя встать на ноги и вполнѣ раздѣляя без-
сильный гнѣвъ бѣднаго сосѣда, я только плотнѣе
закрылся плащомъ...

— Ишь какъ орудія-то закачало, замѣтилъ одинъ
изъ балагуровъ,—гляди, стрѣлять не будутъ...

— Небось, отвѣтилъ другой,—какъ жарнемъ изъ
голубчиковъ, такъ твой Хивинскій царекъ подберетъ
халатъ, да и пятки покажетъ!..

— Какой онъ, чучело, царекъ?..

— А то какъ же его... нешто нѣтъ у нихъ?..

— Хивинскій ханъ... а по - нашему, по - русски,
просто хамъ.

Долго не умолкала бесѣда солдатъ, прерываемая
дружнымъ хохотомъ. Наконецъ кто-то крикнулъ «бе-
регъ, ребята!» Точно магическое слово раздалось надъ
грудой мертвыхъ тѣлъ, всѣ ожили и приподнялись...

Вдали, за синевой моря, виднѣлась узкая желто-
ватая полоса. Вскорѣ, какъ бы вынырнувъ изъ моря,
всталъ передъ нами скалистый Токмакъ, сѣверный,
возвышенный берегъ у входа въ Киндерлинскій за-
ливъ, а тамъ показался и южный, песчаный берегъ,
косою врѣзавшійся въ море, почти не возвышаясь
надъ его уровнемъ; на берегу опрокинутая лодка,
жалкая, покосившаяся кибитка Туркмена-рыболова и
вдали, какъ ползущія по раскаленному песку тѣни,
два тощіе гиганта-верблюда. Вотъ та безотрадная кар-
тина восточнаго берега, которая представилась нашимъ
взорамъ.

Пройдя мимо Токмака, *Тамара* вошла въ обширный заливъ, который по своему очертанію могъ бы считаться превосходною гаванью для цѣлаго флота, еслибы не мелководье, позволяющее судамъ двигаться только ощупью, описывая громадную дугу по фарватеру. На сѣверномъ побережьи показались бѣлыя пятна постепенно выяснявшагося лагеря нашего отряда, и туда устремились всѣ взоры и бинокли...

— Вонъ онъ, вонъ онъ, ребята, слышались возгласы повеселѣвшихъ солдатъ, точно они приблизились къ обѣтованному краю...

Лагерь, между тѣмъ, обрисовывался все яснѣе; въ немъ уже зашевелились люди, казавшіеся муравьями, и вскорѣ предъ нами раскинулся цѣлый холщевый городъ...

По заливу, сажень на сто отъ берега, тянулась импровизованная пристань, деревянные мостки на козлахъ, построенные саперами для облегченія выгрузки. Нѣсколько десятковъ солдатъ, стоя по поясъ въ водѣ, еще продолжали эту работу, а нѣсколько лодокъ съ офицерами, далеко отдѣлившись отъ пристани, качались на водѣ въ ожиданіи нашей остановки. Было около одиннадцати часовъ, когда, наконецъ, раздался «stop!» и съ грохотомъ полетѣлъ якорь. Мы остановились саженьяхъ въ двухстахъ отъ берега, рядомъ со стоявшею въ заливѣ шкуной *Иранъ*.

Пока подѣхавшіе офицеры рассказывали объ ужасахъ береговой жизни, со всѣми ожидавшими насъ «удовольствіями», зашумѣла паровая лебедка и началась выгрузка. Ящики, орудія и лошади, перехвачен-

ные канатами, поминутно взвивались высоко надъ палубой и медленно опускались въ лодки... Вскочивъ въ одну изъ нихъ, въ которой уже стояли, понутивъ головы бѣдные измученныя животныя, я и Штумъ направились къ берегу...

Я недоумѣвалъ все болѣе по мѣрѣ приближенія къ лагерю. Зная, что прошелъ только мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ зародилась мысль о сформированіи нашего отряда, я невольно задавалъ себѣ вопросъ: когда успѣли перебросить сюда всю эту груду вещей, покрывающихъ огромное пространство?.. У самого берега возвышаются чуть не цѣлыя горы всякаго провіанта, прессованнаго сѣна, дровъ, бочекъ и т. п. Нѣсколько далѣе, вокругъ штабныхъ кибитокъ и походной церкви, сколоченной изъ досокъ и обтянутой войлокомъ, по всѣмъ направленіямъ тянутся линіи французскихъ палатокъ, съ рядами составленныхъ ружей. Направо, обращенныя въ поле орудія, ракетныя станки, зарядные ящики; налѣво, коновязи съ сотнями лошадей и вокругъ лагеря огромныя табуны верблюдовъ... Все это рельефно выдѣлялось на желтоватомъ песчаномъ фонѣ.

Лагерь кишитъ жизнью, но, говорятъ, только по случаю прихода шкуны. Вездѣ снуютъ пѣшіе и конные, между которыми особенно характерно выдѣляются здѣшніе степняки. Вы видите поминутно какъ здѣсь въ группѣ загорѣлыхъ солдатъ во всемъ бѣломъ братается съ ними, оскала зубы, неуклюжій Киргизъ въ безобразной волчьей шапкѣ, изъ-подъ которой едва выглядываютъ крошечныя плутовскіе глаза съ лосня-

щимися, точно темно-бронзовыми скулами; тамъ пробирается между кибитками полусонный его собратъ, мѣрно покачиваясь на спинѣ косматаго верблюда, или съ гикомъ проносится на маленькой обросшей лошаденкѣ темная фигура рослаго Туркмена...

За лагеремъ, на горизонтѣ, съ одной стороны море, съ другой — необозримая равнина, окаймленная гдѣ-то въ непроглядной дали едва замѣтнымъ подъясомъ Кара-Зенгира. Ни одной травки, ни одного холмика на всей этой обширной прибрежной полосѣ! Все желто, все залито яркимъ палящимъ солнцемъ!...

III.

Обѣдъ у начальника отряда. — Лица штаба. — Общее нетерпѣніе. — Причины оформиrowанія отряда и его цѣль. — Порсу-бурунскіе холодцы. — Первый вечеръ въ лагерь. — Театръ.

14 апрѣля.

Завтра отходитъ одна изъ шкунъ и потому спѣшу подѣлиться съ вами впечатлѣніями хотя перваго дня, проведеннаго въ Киндерлинскомъ лагерьѣ.

Начальника отряда полковника Ломакина мы, то-есть Штумъ и я, встрѣтили при самомъ выходѣ на берегъ. Представившись ему тутъ же, мы получили разъ навсегда любезное приглашеніе къ его столу и затѣмъ отправились въ отведенную намъ просторную кибитку... Черезъ часъ позвали обѣдать.

Въ особой кибиткѣ къ незатѣйливому столу радужнаго хозяина собрались человѣкъ двѣнадцать самой разнородной военной публики: здѣсь вы бы нашли всѣ переходы отъ мелкаго затертаго офицера какого-нибудь штабъ-квартирнаго захолустья до патентованнаго аристократа съ береговъ Невы, прилетѣвшаго участвовать въ экспедиціи въ качествѣ *фазана*, — терминъ, хорошо

извѣстный еще со временъ Кавказской войны. Между ними я съ радостью встрѣтилъ нѣсколько старыхъ знакомыхъ...

Вы, конечно, знаете, что въ походѣ забывается отчасти та рознь, которая существуетъ въ общественномъ положеніи людей и они знакомятся и сближаются очень скоро. Черезъ четверть часа мы всѣ сидѣли вокругъ стола, почти какъ старые друзья, — кто на складномъ табуретѣ, кто на опрокинутомъ боченкѣ, — занятые общею оживленною бесѣдой. Меню перваго нашего походнаго обѣда, — обѣда *штабныхъ*, слѣдовательно наиболѣе счастливыхъ въ отрядѣ, — было для меня настолько ново, что передаю здѣсь на вашъ гастрономическій судъ: супъ изъ консервовъ, шашлыкъ изъ молодаго верблюда и что-то кисло-сладкое изъ жестяныхъ коробокъ.

Усердно запивая этотъ во всякомъ случаѣ оригинальный обѣдъ, мы просидѣли за столомъ нѣсколько часовъ. Бесѣда вращалась, конечно, вокругъ предстоящаго похода. Но прежде, чѣмъ резюмировать все, что было здѣсь говорено о предметахъ, имѣющихъ прямое соотношеніе къ походу, я слегка познакомлю васъ съ нашимъ обществомъ.

Начальникъ отряда, какъ я уже говорилъ, полковникъ Ломакинъ, человѣкъ пожилой и простой въ обращеніи. Бросивъ еще въ молодости службу въ артиллеріи, онъ перешелъ въ военно-народное управление Дагестана и послѣдніе годы былъ приставомъ мангышлакскихъ Киргизовъ. Ему порученъ отрядъ,

какъ болѣе знакомому со здѣшней степью и ея населеніемъ.

Замѣняющій начальника штаба, подполковникъ Гродековъ, производитъ впечатлѣніе серьезнаго и способнаго молодаго человѣка. Надо только пожелать, чтобъ его неопытность не повліяла на серьезное наше предпріятіе.

Два подполковника генеральнаго штаба—два рѣзкіе контраста. Первый изъ нихъ, Пожаровъ, имѣетъ видъ ученаго архиваріуса, да онъ и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ ученый: окончилъ университетъ и двѣ академіи, и авторъ нѣсколькихъ математическихъ сочиненій.

Другой, Скобелевъ, напротивъ, красавецъ мужчина, лихой наѣздникъ и хотя оригиналъ нѣсколько, но человѣкъ военный съ головы до пятокъ. Пройдя чрезъ Военную Академію, онъ уже побывалъ въ Средней Азіи, на Кавказѣ и, чуть-ли еще не въ Испаніи у Донъ-Карлоса... Добровольно бросивъ роскошную жизнь на берегахъ Невы, онъ прилетѣлъ въ Киндерли, буквально, въ чемъ былъ, не позабывъ только неизмѣннаго своего Михаила, бывшаго двороваго человѣка. Здѣсь, примѣняясь къ климату, онъ сбрилъ свою голову, замѣнилъ сапоги кавказскими чувяками и въ такой степени переломилъ свою избалованную натуру, что на самомъ дѣлѣ смѣется надъ тѣми лишеніями, которыя отравляютъ жизнь и самага неприхотливаго изъ армейцевъ. Всѣ того мнѣнія, что онъ очень способенъ и имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы сдѣлать

блестящую карьеру, если только не свернетъ себѣ шею раньше... О его оригинальностяхъ много говорятъ и, конечно, не безъ ироніи, но... дай Богъ побольше такихъ людей.

Начальникъ артиллеріи, подполковникъ Буюмскій, почтенный человѣкъ, вымирающій типъ старыхъ кавказцевъ.

Начальникъ кавалеріи, полковникъ Теръ-Асатуровъ, человѣкъ, которому остается только пожелать, чтобъ и на этотъ разъ не измѣнило ему его завидное счастье.

Затѣмъ, шарообразный адъютантъ Шкуринскій, почему-то прозванный «ананасомъ», князь Меликовъ, прекрасный товарищъ и добрейшій малый, молоденькій саперный офицеръ Масловъ, котораго всѣ называютъ «отряднымъ соловьемъ» и, наконецъ, отрядный врачъ —ичъ. Послѣдній говоритъ, что онъ изъ «забраного края», но въ этомъ, по меньшей мѣрѣ, можно сомнѣваться, — въ такой степени его рѣчь, ужимки и самый типъ напоминаютъ классическіе образцы сыновъ Обътованной земли.

Прибавьте еще обознаго офицера, германскаго нашего гостя и вашего покорнѣйшаго слугу, — и вотъ вамъ весь сонмъ такъ-называемаго штаба Мангышлак-скаго отряда.

Духъ строевыхъ офицеровъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Да и штабные всѣ, за исключеніемъ впрочемъ эскулапа, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждутъ и не дождутся *выступленія*; всѣ на этотъ разъ

даже безъ исключенія готовы перенести съ полнымъ самоотверженіемъ всевозможныя лишенія и въ то же время всѣ боятся придти въ Хиву къ «шапочному разбору». Эта боязнь, къ сожалѣнію, имѣетъ свои основанія. Первая телеграмма о представленіи соображеній для сформированія нашего отряда получена на Мангышлакъ 3 марта, въ то время когда большая часть колоннъ прочихъ отрядовъ, Оренбургскаго, Туркестанскаго и Красноводскаго, уже выступила въ степь; слѣдовательно, отряды эти *уже больше мѣсяца въ движеніи*. Между тѣмъ, вслѣдствіе поздняго снаряженія и недостатка въ перевозочныхъ средствахъ, мы можемъ подняться еще только черезъ нѣсколько дней; а судя по картамъ, намъ предстоитъ самый дальній путь отъ нашихъ предѣловъ до Хивы.

Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе подстрекательствъ изъ Хивы въ семидесятомъ году, поголовно возстали наши мангышлакскіе Киргизы и, между прочимъ, убили своего пристава полковника Рукина. Войска наши быстро подавили это возмущеніе, но тѣмъ не менѣе въ ноябрѣ прошлаго *) года былъ рѣшенъ Хивинскій походъ, какъ слѣдствіе тѣхъ неудачъ, которыми сопровождались всѣ попытки нашего правительства установить съ Хивой добрыя отношенія. Мангышлакскій отрядъ не входилъ въ составленный тогда общій планъ экспедиціи. Только вслѣдствіе того, что недостатокъ перевозочныхъ средствъ не позволилъ одному изъ от-

*) 1872.

рядовъ, именно Красноводскому, выступить въ предположенномъ составѣ, рѣшено было для движенія къ хивинскимъ же предѣламъ сформировать еще новый отрядъ на Мангышлакъ *). При этомъ исходнымъ пунктомъ для его операций избранъ Киндерли **), какъ мѣсто, откуда идетъ кратчайшій изъ полуострова караванный путь на Хиву и въ то же время пунктъ наиболѣе удобный для стоянки судовъ и высадки войскъ.

Отрядъ нашъ долженъ отвлечь на себя часть nepřительскихъ силъ и движеніемъ среди многочисленныхъ киргизскихъ кочевій парализовать усилія Хивинскаго хана къ поддержанію между ними безпорядковъ и вообще враждебнаго къ намъ настроенія. Подобное движеніе не можетъ не вселить между Киргизами довѣрія къ нашей силѣ и тѣмъ самымъ упрочить нашу власть надъ ними, которая до сего времени признавалась только номинально. Затѣмъ, конечная цѣль отряда — соединеніе съ войсками идущими изъ Оренбурга и совокупное дѣйствіе противъ Хивы подъ общимъ начальствомъ генерала Веревкина. Вотъ суть всего того, что было высказано за нашимъ обѣдомъ.

Послѣ обѣда я обошелъ Порсу-бурунъ, — такъ называется та часть Киндерлинскаго побережья, на которой раскинутъ нашъ лагерь. Онъ весь покрытъ желтоватымъ пескомъ, перемѣшаннымъ съ мельчайшими

*) Мангышлакъ, по-киргизски, — *Мынъ-кышлакъ*, что значить *тысяча зимовокъ*.

**) По-киргизски *Кынъ-даралы* — пески впадины.

раковинами; вѣроятно еще недавно воды Киндерлинскаго залива покрывали эту мѣстность. Трудно ходить, нога вязнетъ, корпусъ невольно наклоняется впередъ и вслѣдствіе этого у всѣхъ какъ будто измѣнилась походка.

Въ районѣ лагеря войска выкопали до 25 «колодцевъ», говорили мнѣ. Приближаясь къ нимъ, я надѣялся увидѣть если не настоящіе колодцы, то по крайней мѣрѣ что-нибудь въ этомъ родѣ; но я былъ разочарованъ при всей скромности моихъ ожиданій. Представьте себѣ круглыя, воронкообразныя ямы, въ которыхъ едва могутъ спрятаться три человѣка. На днѣ ихъ, въ уровень съ поверхностью залива, виднѣется неопредѣленнаго цвѣта жидкость, перемѣшанная съ пескомъ и обломками раковинъ, — морская вода, нѣсколько опрѣснившаяся вслѣдствіе естественной фильтраціи чрезъ песчаный пласть. Она имѣетъ до того непріятный вкусъ и запахъ, что невозможно пить.

«Тухла маленько, проклятая!» говорятъ бѣдные солдаты и... пьютъ эту, драгоцѣнную здѣсь, мерзость, вокругъ которой они толпятся съ манерками и баклагами и просто не дождутся очереди, такъ какъ ея просачивается такъ мало въ воронку, что въ полчаса едва наполняется ведро...

Пока пароходы въ заливѣ, мы, счастливые, пьемъ прѣсную кавказскую воду или сельтерскую, а тамъ... что будетъ.

Осмотрѣвъ нѣсколько колодцевъ, я поспѣшилъ въ кибитку, — такъ нестерпимо жарко было даже въ

китель! Почти отвѣсные лучи солнца жгли и ослѣпляли; приходилось чисто по-киргизски морщить физиономію, чтобы выносить убійственно яркій свѣтъ. Между тѣмъ теперь только середина апрѣля, —какая же адская температура ждетъ насъ среди лѣта, вдали отъ моря, въ безводной пустынѣ?..

Едва догорѣли послѣдніе лучи солнца, съ береговыхъ тоней прилетѣли въ лагерь цѣлыя тучи разныхъ мошекъ, зажужжали необыкновенно крупные комары, и мы всѣ поневолѣ выползли изъ душныхъ кибитокъ и направились къ единственному мѣсту прогулки, къ пристани...

Огни раскинулись по всему берегу. Въ заливѣ, на высокихъ мачтахъ, какъ яркія звѣзды горѣли фонари, длинными огненными змѣйками отражаясь на гладкой водяной поверхности. Надъ лагеремъ парилъ неясный гулъ, въ который соединились всѣ разнородные звуки говора и движенія. По временамъ громко раздавался гдѣ-нибудь здоровый голосъ, перекликающійся черезъ весь лагерь, и замиралъ въ отдаленіи... Слышался глухой стукъ топора или протяжный крикъ верблюда, жалобный, словно плачь ребенка... Чудный былъ вечеръ, но мошки отравляли всю его прелесть...

Раздалась повѣстка вечерней зори. Люди выстроились предъ своими палатками и среди торжественной тишины, воцарившейся во всемъ лагерѣ, полились стройные звуки русскаго гимна. Нельзя было въ эту минуту не любоваться видомъ солдатъ съ обнаженными головами, при фантастическомъ освѣщеніи сотни

костровъ, и на заднемъ планѣ картины, за темными силуэтами озадаченныхъ Киргизовъ и верблюдовъ, — заревомъ громаднаго костра, предъ которымъ, залитые яркимъ свѣтомъ, стояли въ глубокомъ безмолвіи казаки и Лезгины конно-иррегулярцы...

Послѣ зори мы отправились... куда бы вы думали? Въ театр!

— Вѣрно солдатики «ломаютъ комедь»? спросилъ я Ломакина, который любезно роздалъ намъ «билеты въ театр».

— Ничуть не бывало, спектакль какъ слѣдуетъ, играютъ актеры и очень миловидная актриса.

Сюрпризъ былъ самый неожиданный.

Намъ рассказали, что одна изъ шкунъ Общества «Кавказъ и Меркурій», захвативъ пассажировъ, собиралась уже отплыть изъ Баку въ Астрахань, какъ вдругъ получилась телеграмма объ отправленіи ее къ отряду въ Киндерли. Туда же направилась, не долго думая, и бывшая на шкунѣ странствующая труппа актеровъ. Приѣхали, вбили въ песокъ нѣсколько жердей, обтянули ихъ кошмами отъ кибитокъ и вмѣсто занавѣса, накинули пароходный брезентъ, — театръ готовъ!

Пришли. Нѣсколько рядовъ досокъ на бочкахъ занимали офицеры, а вокругъ плотно сомкнулась пестрая, разноплеменная толпа солдатъ, Киргизовъ, казаковъ, Лезгинъ, Туркменъ и Армянъ. Давали *Водевиль съ переодѣваньемъ* и еще что-то съ безконечными куплетами. Въ концѣ спектакля на эстрадѣ появился ка-

кой-то бойкій господинъ и торжественно пожелалъ «христолюбивому воинству избить врага и заслужить всякихъ подвиговъ и лавровъ-съ!»

Послѣ этого прелестнаго напутствія всѣ побрели въ свои кибитки, но я еще любовался картиной лагеря при свѣтѣ догорающихъ костровъ, пока все не исчезло предо мною въ непроницаемомъ мракѣ темной степной ночи.

IV.

Киндерлинская жизнь. — Бомары одолѣли! — Охота за фламинго. — Саперъ и его Оффенбаховщина. — Ауль. — Киргизскія женщины: ихъ болѣзни и предсказаніе нашей гибели. — Вліяніе Хивы, бѣгство мангышлаццевъ, недостатокъ верблюдовъ и ихъ распредѣленіе по ротамъ. — Набѣгъ на Киргизовъ. — Снаряженіе людей. — Сила отряда. — Парадъ и молебствіе. Напутственныя слова начальника отряда. — Выступленіе 1-й и 2-й колоннъ. — „Ребячество“.

16 апрѣля.

Прошли, наконецъ, четыре дня въ томительномъ ожиданіи похода. Киндерли опротивѣли. Съ каждымъ днемъ становится все жарче. До заката солнца всѣ ищутъ тѣни и безвыходно сидятъ въ своихъ кибиткахъ. Лагерь кажется покинутымъ, напоминаетъ царство тѣней. Изрѣдка проберется между палатками чья-нибудь прокисшая, полусонная фигура, а тамъ... снова томятся на солнцѣ одни лишь страдальцы часовые.

Въ кибиткахъ духота и несносныя мошки. Палатки кажутся сѣрыми отъ ихъ сплошной массы; всѣ руки и лица обезображены ими. Нигдѣ нѣтъ спасенія отъ этихъ маленькихъ, назойливыхъ нашихъ мучителей!

Скука смертельная! Зѣвота какъ нарочно неотступно преслѣдуетъ васъ, но не дай Богъ зѣвнуть безъ нѣкоторыхъ предосторожностей—цѣлый десятокъ маленькихъ враговъ какъ будто ждутъ только этого случая, чтобы ворваться въ ротъ незваными гостями.

Днемъ въ жару мы задыхаемся, закупоренные подъ разными бурками и плащами, въ надеждѣ заснуть или, по крайней мѣрѣ, избавиться отъ страшныхъ кровопийцъ; потъ валитъ градомъ. Едва одолѣетъ дремота, уже прокрались, жужжатъ вандалы и страшное жало моментально впивается куда-нибудь въ пятку или кончикъ носа. И это непрерывно днемъ и ночью, просто отчаянье овладѣваетъ!

Нельзя ни читать, ни писать, ни придумать что-нибудь, чѣмъ бы наполнить или сократить дни, кажущіеся безконечными отъ совершенной праздности. Радъ бы выйти изъ кибитки, несмотря даже на адскую температуру, еслибы тамъ, вокругъ лагеря, на всемъ этомъ безпредѣльномъ пространствѣ можно было увидѣть хоть кустикъ зелени, деревцо или какую-нибудь торчащую глыбу камня, чтобы остановиться на нихъ и отдохнуть утомленному взору. Здѣсь можно позавидовать даже Киргизамъ, у которыхъ не можетъ быть этихъ странныхъ желаній, потому что они не имѣютъ понятія о другомъ пейзажѣ, кромѣ неизмѣнныхъ песковъ, которые стелятся предъ ихъ глазами сегодня, какъ вчера и завтра, какъ сегодня...

Лейтенантъ Штумъ вздумалъ было развлечься охотой за прелестными фламинго,—ихъ очень много въ за-

ливѣ,—но его первая же попытка, хотя и увѣнчалась успѣхомъ, сопровождалась такимъ ожесточеннымъ нападениемъ цѣлой тучи мошекъ и комаровъ, что Пру-сакъ вернулся съ охоты съ твердымъ намѣреніемъ не возобновлять своей попытки.

Послѣ заката солнца струи живительной прохлады несутся съ моря и лагерь нѣсколько оживаетъ. Утом-ленные люди, какъ тѣни выползаютъ изъ своихъ норъ и тогда сотый разъ слышится одинъ и тотъ же вопросъ: «Господа, когда же наконецъ мы тронемся изъ этого ада?..»

По вечерамъ же насъ развлекаетъ порядочный хоръ аншлеронской музыки, но чаще — нашъ саперъ «отрядный соловей». Онъ страстный поклонникъ Оффенбаха и хотя съ грѣхомъ пополамъ, поетъ, и главное неустомимо, почти весь каскадный репертуаръ. Едва замолкнетъ музыка, какъ тотчасъ же несется изъ какой-либо кибитки его звонкій голосъ:

О да о жеее... ницины, — ахъ! проклятый комаръ!..

О да о жеее... ницины у васъ

Найдуу... тся, — опять, подлый!..

— Bravo соловей! раздается изъ другой кибитки,— молодчина! Не унывай! И одинъ за другимъ, цѣлая гурьба ищущихъ развлечения направляется къ Маслову и вскорѣ, вмѣсто соло, слышится импровизованный хоръ, непрерываемый никакими комарами. Выходить, если не особенно музыкально, то, во всякомъ случаѣ, забавно.

Но помимо этого и вечеромъ голова обречена на

полное бездѣйствіе. Невозможно зажечь свѣчу,—цѣлый рой насѣкомыхъ жужжатъ вокругъ пламени, масса ихъ погибаетъ на фитилѣ и свѣча гаснетъ...

Въ порывѣ отчаянья, разъ днемъ я сбросилъ покрывавшую меня грудь, выбѣжалъ изъ кибитки, вскочилъ на лошадь и поскакалъ въ степь по направленію небольшого киргизскаго аула, виднѣвшагося вдали, за цѣпью часовыхъ.

Пять-шесть закоптѣлыхъ и ободранныхъ кибитокъ разбросаны на небольшомъ пространствѣ и въ тѣни ихъ пріютилось нѣсколько козъ и больныхъ верблюдовъ. При моемъ приближеніи огромныя собаки съ оглушительнымъ лаемъ кинулись ко мнѣ навстрѣчу и въ то же время фигуры людей, которыя я видѣлъ еще издали, поспѣшно скрылись въ одну изъ кибитокъ, изъ которой теперь выглядывало только чье-то сморщенное лицо. Подѣхавъ къ ней, я слегка приподнял войлокъ и среди убогой обстановки киргизскаго жилища увидѣлъ группу испуганныхъ молодыхъ женщинъ и дѣтей, скупившихся вокругъ одной дряблой старушки.

Попытка ободрить ихъ удалась мнѣ какъ нельзя болѣе, благодаря языку *) и нѣсколькимъ мелкимъ монетамъ. Черезъ минуту вышли изъ всѣхъ кибитокъ и

*) Киргизскій языкъ—исковерканное нарѣчіе общаго татарскаго языка. Особенность его составляетъ, между прочимъ, быстрое, отрывочное, горланное произношеніе и звукъ *джа*, которымъ, въ большинствѣ случаевъ, замѣняются татарскія *я, е, и*. Такъ напримѣръ, татарскія *якши, яманъ, йокъ, иттъ* Киргизы произносятъ: *джакши, джаманъ, джокъ, джиттъ*.

довѣрчиво столпились вокругъ моей лошади полунагія дѣти и женщины.

Я видѣлъ первый разъ киргизскихъ женщинъ, правда самыхъ бѣдныхъ, но онѣ были едва прикрыты невозможными лохмотьями, грязны, безобразны и обезображены еще болѣе страшною болѣзною, свирѣпствующею между ними... Къ одной молоденькой Киргизкѣ я обратился съ вопросомъ о болѣзни, которая оставила ужасные слѣды на ея лицѣ. Въ отвѣтъ она стыдливо опустила голову и что-то невнятно пробормотала...

— Куда Урусъ идетъ? спросила меня, между прочимъ, старушка, — зачѣмъ? Васъ мало, Хивинцевъ много, они злы. Погибнете... васъ перерѣжутъ.

Не знаю, удалось ли мнѣ увѣрить этихъ женщинъ, что мы побѣдимъ Хивинцевъ, сколько бы ихъ ни было, если только поборемъ степь, но слова старушки выражаютъ общее убѣжденіе всего степнаго населенія.

Часто бесѣдуя съ Туркменами и Киргизами, которые состоятъ при отрядѣ и будутъ служить нашими проводниками, я могъ убѣдиться, что у нихъ еще довольно свѣжи преданія о походахъ Бековича и Перовскаго, и что все ихъ племя не сомнѣвается въ предстоящей намъ гибели. Съ одной стороны это убѣжденіе и съ другой боязнь возмездія Хивинскаго хана за содѣйствіе русскому отряду вынуждаютъ степняковъ уклоняться отъ исполненія нашихъ требованій, между которыми самое важное доставка необходимыхъ верблюдовъ.

По словамъ начальника отряда, десять тысячъ *) кибитокъ мангышлакскаго населенія должны имѣть только для перевозки имущества и домашняго скарба во время своихъ перекочевокъ не менѣе 40 тысячъ верблюдовъ. На самомъ дѣлѣ цифра эта гораздо значительнѣе, такъ какъ рѣдкій изъ здѣшнихъ номадовъ не считаетъ своихъ верблюдовъ десятками. Теперь вся эта масса людей и верблюдовъ какъ бы провалилась сквозь землю. Все это бросило обыкновенныя мѣста своихъ ауловъ вслѣдъ за первыми извѣстіями о намѣреніи Русскихъ двинуть къ предѣламъ Хивы новый отрядъ изъ Мангышлака, и удалилось за сотни верстъ отъ насъ, частью на окраину полуострова, къ Кайдакскому заливу, а частью на Усть-Юртъ къ хивинскимъ предѣламъ.

Между тѣмъ, верблюды—все для насъ. Они въ значительной мѣрѣ обусловливаютъ успѣхъ всего дѣла и для того только, чтобы подняться съ мѣста съ двухмѣсячнымъ продовольствіемъ намъ необходимо ихъ до 2.500 головъ. Но добыть верблюдовъ при настоящихъ условіяхъ оказывается больше чѣмъ трудно, и до сего времени мы пріобрѣли всевозможными путями только 900, изъ коихъ одна треть слабыхъ и ненадежныхъ.

Такое положеніе дѣла вынуждаетъ, конечно, безот-

*) Туркменскій старшина Машрикъ полагаетъ кочеваго населенія на Мангышлакѣ гораздо больше, именно: 300 кибитокъ Туркменъ и до 25 тысячъ кибитокъ Киргизовъ.

лагательно приступить къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, и вотъ, между прочимъ, 12 апрѣля посланъ майоръ Навроцкій съ двумя сотнями для отбитія верблюдовъ путемъ внезапнаго нападенія на киргизскіе аулы, кочующіе у Кайдакского залива.

13 числа происходило новое для насъ зрѣлище. Рано утромъ пригнали въ лагерь огромное стадо всѣхъ нашихъ верблюдовъ для распредѣленія ихъ по ротамъ и сотнямъ, и на цѣлый день это послужило развлеченіемъ для солдатъ. Каждая часть, получивъ 30—40 головъ, накладывала на нихъ свою мѣтку: бѣднымъ животнымъ то выстригали лбы, то на разныхъ частяхъ тѣла, дегтемъ или краской, выводили изображеніе креста, луны или цѣлую надпись въ родѣ *4 стр. р.*, и затѣмъ съ триумфомъ вели ихъ къ палаткамъ, потѣшаясь надъ своимъ малярнымъ искусствомъ.

Всѣ верблюды чрезвычайно худы, такъ какъ они сжегодно изнуряются къ веснѣ, вслѣдствіе зимней безкормицы на Мангышлакѣ, и совершенно поправляются въ маѣ. Насъ же необходимость заставляетъ пользоваться ими въ самое тяжелое для нихъ время.

Вечеромъ принесли приказъ.

— Наконецъ-то!.. Слава Богу!.. Ура!! кричали офицеры, прочитавъ извѣстіе о томъ, что «завтрашняго числа и т. д. выступаетъ первая колонна». Мгновенно всѣ просіяли, забывъ и воду, и мошекъ, и адскій жаръ, точно за предѣлами Киндерли ихъ ждутъ всѣ блага земныя...

Утромъ 14 числа происходило напутственное мо-

лебствіе и для этого войска *) построились въ общес-
каре, на песчаной равнинѣ на краю лагеря, имѣя своихъ
верблюдовъ во второй линіи.

Люди молодые. *Бывалые* проглядываютъ только
между казаками и конно-иррегулярцами, среди кото-
рыхъ не мало испытанныхъ, даже стариковъ, обвѣшан-
ныхъ крестами и медалями. Одежда ихъ легкая и какъ
нельзя болѣе приспособленная къ степнымъ походамъ:
кепи съ фартучкомъ падающимъ на плечи, рубаха и
шаровары, все бѣлое; обувь легкая; на пояскомъ ремнѣ
или черезъ плечо разные сосуды для воды, обшитые
войлокомъ; ружье и двѣ сумочки съ патронами допол-
няютъ все немудрое снаряженіе нашего солдата. Все
остальное идетъ на верблюдахъ.

Проѣхавъ по фронту войскъ, начальникъ отряда
остановился въ центрѣ каре и среди воцарившейся тор-
жественной тишины произнесъ возвышеннымъ и нѣ-
сколько взволнованнымъ голосомъ:

«Братцы! Большое и трудное дѣло предстоитъ
намъ. Много трудовъ и тяжелыхъ лишеній придется
перенести. Но Кавказцамъ ли, закаленнымъ въ мно-

*) Въ Киндерлинскомъ лагерѣ собрались: восемь ротъ Апшеронскаго,
двѣ роты Самурскаго, восемь ротъ Ширванскаго полковъ и команда саперъ.
Двѣ сотни Дагестанцевъ и четыре сотни Кубанскихъ и Терскихъ казаковъ.
Всего: 86 офицеровъ, 2.437 штыковъ, 645 коней кавалеріи, 10 орудій, три
ракетные станка и около 900 верблюдовъ. Сверхъ этого, при отрядѣ состоитъ
сотня Киргизовъ, въ которой числится до 40 конныхъ и столько же пѣшихъ
проводниковъ и вожатыхъ для верблюдовъ. Вообще нужно замѣтить, что, не-
смотря на малочисленность отряда, въ штабѣ нашемъ ужасно суетятся и по-
тому приведенныя цифры едва ли не сомнительной точности.

готрудной и славной войнѣ, прошедшимъ гигантскія горы и дремучіе лѣса, остановиться предъ какими-либо препятствіями въ здѣшнихъ степяхъ?!.. По-молимся Богу, чтобъ Онъ помогъ намъ съ честью вернуться на нашъ дорогой Кавказъ!»

Эти простые, но душевные слова, какъ нельзя болѣе отвѣчавшія общему настроенію, глубоко запали въ душу каждаго изъ присутствовавшихъ. Подъ ихъ впечатлѣніемъ люди молились благоговѣйно, какъ предъ грозною битвой, приготавлиаясь бодро встрѣтить предстоявшія имъ неизбѣжныя роковыя испытанія; молились какъ въ тѣ рѣдкія минуты жизни, когда слышится въ воздухѣ, чувствуется сердцемъ и смутно сознается приближеніе еще невѣдомой грозы...

По окончаніи молебствія и окропленія святою водою, отрядъ прошелъ предъ начальникомъ подъ звуки Гунибскаго марша. Взрывая глубокій песокъ, загорѣлые и обросшіе офицеры и солдаты шли свободно, съ тѣмъ особеннымъ видомъ счастливыхъ людей, которые высились въ собственныхъ глазахъ вслѣдствіе сознанія важности и трудности дѣла, выпавшаго на ихъ долю. Этотъ бравый молодецкій маршъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣми стройными церемоніалами, которые мы такъ часто видимъ на гладко-утоптаныхъ городскихъ площадяхъ, и всю его прелесть составляли не сомкнутость и равненіе, которымъ здѣсь не было и мѣста, но тотъ неподдѣльный, бодрый духъ, который, казалось, брызжетъ изъ каждой пары глазъ...

Наконецъ, съ музыкой и пѣснями вытянулась въ

степь *первая колонна* *) изъ шести ротъ Апшеронцевъ и двухъ сотень казаковъ, подъ начальствомъ майора Буравцова. Завидно было смотрѣть на этихъ счастливицевъ, покидавшихъ Киндерли. Оставаясь на мѣстѣ, мы мысленно провожали колонну, пока вереницы людей и верблюдовъ не слились въ облакахъ пыли въ одну неясную линію и не скрылись за горизонтомъ.

Вчера утромъ по тому же направленію выступила *вторая колонна*, изъ шести ротъ, двухъ сотень, шести орудій и ракетной команды. Несмотря на 409 верблюдовъ, приданныхъ этой колоннѣ, наши кавалеристы, не исключая и офицеровъ, отправились пѣшкомъ, такъ какъ принуждены были нагрузить ячменемъ своихъ верховыхъ лошадей.

Завтра наконецъ тронемся и мы, но дождемся ли этого завтра?

Сегодня послѣ ужина наши штабные разошлись по кибиткамъ ранѣе обыкновеннаго, чтобъ успѣть уложиться и выспаться. С. и я остались вдвоемъ за бутылкой шипучаго, — благо еще есть ледъ на шкунѣ, — и наша бесѣда, странствуя по цѣлому міру, уже не первый разъ подходила подъ самыя стѣны Хивы...

— Надо полагать, дѣло безъ штурма не обойдется?

— По всей вѣроятности... Средне-Азіятцы, какъ показали Самаркандъ, Ура-Тюбе, Джизагъ, упорно отстаиваютъ свои укрѣпленные города.

*) Авангардъ изъ двухъ ротъ со взводомъ кавалеріи, подъ командой капитана Бекузарова, выступилъ изъ Киндерли еще 2 апрѣля и занялъ устройство полевого укрѣпленія у колодцевъ *Бешъ-Акты*.

— Такъ что же? Съ какими-нибудь охотниками
впередъ и... панъ или пропалъ!

— Конечно.

— По рукамъ?

— Идетъ!..

«Ребячество», быть можетъ скажете вы. Пусть будетъ такъ, но я право радуюсь и тому, что моя натура сохраняетъ еще способность ребячиться... Чокнулись стаканы, дружескимъ пожатіемъ руки мы скрѣпили наше обѣщаніе и разошлись. Я вернулся въ свою кибитку счастливый, какъ съ любовнаго свиданія.

V.

Наше выступленіе.—Кабакъ.—Слѣды войскъ.—Легенда о семи башняхъ.—Дезертиры.—Озеро Каунды и киргизскій Кавказъ.—Ночлегъ на мѣшеахъ и утро у колодца Артъ-Каунды.

18 апрѣля. Кол. Артъ-Каунды.

Около полудня 17-го числа выступила изъ Киндерли послѣдняя часть отряда — арріергардная рота съ орудіемъ и съ нею штабный транспортъ, то-есть 20 отборныхъ верблюдовъ, навьюченныхъ нашими вещами. Немного погодя, послѣ небольшого завтрака, за которымъ было высказано множество надеждъ и желаній и не менѣе того выпито шампанскаго, знаменщикъ *Кабакъ* вынесъ и развернулъ бѣлый значокъ начальника отряда съ крупною надписью «Кавказъ» и мы сѣли на лошадей.

Кабакъ—одинъ изъ почетныхъ Киргизовъ, плотный, здоровый и между своими считается красавцемъ. Его лицо съ черною французскою бородкой и съ добрыми глазами, способными, впрочемъ, засверкать порой какъ у разъяреннаго тигра, какъ бы вылиты изъ том-

пака и потускнѣло отъ времени. Въ немъ есть что-то располагающее въ его пользу при первой же встрѣчѣ, и онъ дѣйствительно общій нашъ любимецъ. Между прочимъ говорятъ, что изъ уваженія къ памяти бывшаго своего друга и начальника, полковника Рукина, Кабакъ не задумался устроить поминки на его могилѣ въ то время, когда всѣ Киргизы питали къ намъ самыя враждебныя чувства, и здѣсь, по обычаю своего племени, онъ роздалъ бѣднымъ нѣсколько верблюдовъ и отпустилъ на волю своихъ невольниковъ. Замѣчательно благородная черта въ характерѣ полудикаго номада! О Кабакѣ вообще рассказываютъ не мало интереснаго, но объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ...

Итакъ, вслѣдъ за Кабакомъ мы сѣли на лошадей и тронулись въ путь въ сопровожденіи полсотни Киргизовъ и Туркменъ, и нѣсколькихъ казаковъ. Широкою, изрытою лентой обозначался слѣдъ нашихъ колоннъ на гладкой, словно разровненной поверхности глубокихъ песковъ. Мы двигались въ облакахъ пыли среди общей тишины, какъ будто каждый изъ насъ одинаково сознавалъ и не желалъ нарушить торжественность этой минуты...

Но недолго длилось молчаніе. Едва проѣхали версту, какъ вдругъ испуганныя лошади передовыхъ казаковъ зафыркали и кинулись въ стороны: поперекъ дороги лежалъ трупъ верблюда съ раскрытымъ ртомъ, выпученными глазами и съ казеннымъ сѣдломъ на спинѣ; еще нѣсколько шаговъ—другой и третій. Затѣмъ на каждой верстѣ по дорогѣ или нѣсколько въ

сторонѣ отъ нея, среди то разбросанныхъ, то просыпанныхъ мѣшковъ съ ячменемъ и сухарями валялись по нѣсколько павшихъ верблюдовъ. Нѣкоторые изъ нихъ еще сохраняли признаки жизни и тогда оглашали воздухъ раздирающими душу предсмертными криками.

Впечатлѣніе на первыхъ порахъ было самое тяжелое. Самыя неутѣшительныя мысли тѣснились въ голову, и нѣкоторые изъ насъ невольно заговорили шепотомъ о незавидной участи отряда, который взялъ съ собою только крайне необходимое для того, чтобы какъ-нибудь дойти до хивинскихъ предѣловъ, и теперь на первомъ же переходѣ, на первыхъ же верстахъ принужденъ бросать по негодности верблюдовъ часть этихъ крайне скудныхъ запасовъ.

Жаръ былъ невыносимый. Проѣхавъ верстъ восемь, мы поднялись на небольшое возвышеніе *Кара-зениръ* *), окаймляющій пески Киндерлинскаго побережья, и остановились.

На краю дороги, у самага гребня возвышенья, стоитъ полуразрушенная круглая башня, и далѣе по тому же гребню, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, возвышаются еще нѣсколько такихъ же. На крупныхъ почернѣвшихъ камняхъ, изъ которыхъ сложены башни, напрасно мы искали слѣдовъ надписи или какихъ-либо знаковъ.

— Что это за башни? спросилъ я одного изъ престарѣлыхъ Киргизовъ нашей свиты.

*) Въ переводѣ — Черный завалъ.

— Богъ знаетъ... У насъ это возвышеніе извѣстно подъ именемъ Кызь-Карылганъ *). Разсказываютъ, что во времена давно-прошедшія къ Туркменамъ бѣжали откуда-то семь калмыцкихъ дѣвицъ. За ними гнались. Эти башни, которыхъ тоже семь, могилы тѣхъ дѣвицъ и обозначаютъ мѣста, гдѣ каждая изъ нихъ упала отъ изнуренія и умерла отъ жажды.

Такимъ образомъ, эти башни у самага преддверія степей и соединенное съ ними преданіе служатъ прекраснымъ предостереженіемъ, напоминая, какую грозную силу составляетъ здѣсь безводье; безъ него не обходится даже поэтическія легенды...

Съ возвышенія, на которомъ мы стояли, открывался прелестный видъ въ сторону Порсу-Буруна. Вдали едва виднѣлось море. За то Киндерлинскій заливъ сверкалъ на солнцѣ какъ гигантскій серебряный щитъ, брошенный у песчанаго побережья. Этотъ величавый просторъ, эта безконечная даль, незамѣтно сливавшаяся точно съ бирюзовымъ сводомъ неба, такъ способны были бы вызвать въ другое время и восторгъ, и благоговѣйное созерцаніе; а тутъ, жгучее палящее солнце какъ будто убило отзывчивость сердца къ красотамъ природы. «Издали все хорошо» — вотъ одинокая прозаическая мысль, которая приходила въ отяжелѣвшую голову и вытѣсняла всякую способность восторгаться...

Отдохнувъ нѣсколько минутъ и взглянувъ въ послѣдній разъ на синеву моря, за которымъ остался нашъ дорогой Кавказъ, мы тронулись далѣе. Еще около

*) Погибель дѣвицъ.

десяти верстъ мы ѣхали по слѣдамъ нашего отряда, но Господи, что это за грустные были слѣды!.. На всемъ этомъ пространствѣ такъ много было разбросано овса и сухарей, столько валялось верблюдовъ, что, казалось, мы идемъ по пятамъ бѣгущихъ предъ нами въ паническомъ страхѣ остатковъ разбитой арміи... Оставивъ этотъ путь и свернувъ вправо, мы направились прямо на востокъ, чтобы пересѣчь лежавшее предъ нами большое Каундинское озеро и выйти кратчайшимъ путемъ на колодезь Артъ-Каунды *), лежащій на сѣверо-восточной сторонѣ озера. Колоннамъ нашимъ было указано другое, болѣе удобное, направленіе: идя на сѣверо-западъ, онѣ должны ночевать у колодцевъ, лежащихъ по берегу озера, и затѣмъ, обогнувъ его съ запада, выйти къ тому же колодцу Артъ-Каунды.

Вскорѣ мы оставили за собою возвышенное плато и начали углубляться въ огромную котловину, которая, по мѣрѣ нашего движенія, все болѣе и болѣе пересѣкалась песчаными холмами и рытвинами. Кое-гдѣ и тутъ бродили наши тощіе верблюды, брошенные по совершенной ихъ негодности; между ними встрѣчались, впрочемъ, и здоровые, вѣроятно, ловкіе дезертиры съ перваго же ночлега, которымъ не полюбилась тяжелая казенная служба и, въ особенности, судя по окровавленнымъ ихъ ноздрямъ, безцеремонное обращеніе нашихъ солдатъ.

Киргизы наши разсыпались во всѣ стороны, стараясь поймать бѣглецовъ, но безуспѣшно. Маленькія

*) Задній Каунды.

лошади ихъ вязли въ песокѣ, а верблюды флегматически поворачивались, иногда подъ самыми руками, и уходили, взбираясь на остроконечныя вершины сыпучихъ бархановъ...

Передъ вечеромъ показались вдали неясныя очертанія обрывовъ сѣверо-восточнаго берега озера, а затѣмъ заблестѣла внизу и гладкая поверхность самого Каунды. Мы полагали, что предстоитъ переправиться въ бродъ по огромному мелководному озеру, но приблизившись къ самому берегу увидѣли, къ своему удивленію, что на днѣ озера нѣтъ ни капли воды, что оно сплошь покрыто соляною корой, такъ обманчиво блестящею на солнцѣ, и что Каунды ни что иное какъ обширный продолговатый солончакъ, имѣющій верстъ восемь въ ширину и около ста въ окружности. Солончакъ этотъ служитъ резервуаромъ, куда стекають дождевыя воды съ отлогостей огромной Каундинской впадины, и только въ началѣ весны дно его нѣсколько покрывается водой. Но вслѣдъ за наступленіемъ первыхъ жаровъ вода быстро испаряется, оставляя на днѣ значительный осадокъ соли, покрывающій его остальную часть года подобно только-что выпавшему снѣгу. Въ мелкихъ камышахъ, которыми слегка подернуты края солончака, мы замѣтили нѣсколько болотныхъ черепахъ, составляющихъ, по словамъ Киргизовъ, всю фауну этой впадины.

Солнце уже скрылось, когда мы, не замочивъ даже копытъ, переѣхали озеро и начали взбираться на его обрывистый сѣверо-восточный берегъ. Подъемъ

былъ трудный; нѣсколько разъ приходилось слѣзать съ лошадей и задыхаясь отъ усталости карабкаться на верхъ между громадными глыбами разбросанныхъ камней.

— Ну, хороша степь! замѣтилъ «Ананась», едва переводя духъ и спотыкаясь уже не первый разъ, — хоть Кавказу подъ пару!..

И дѣйствительно, въ темнотѣ, скрывавшей желтые зубцы оставшихся позади песчаныхъ холмовъ, мѣсто это напоминало одинъ изъ тѣхъ дикихъ, безлѣсныхъ и крайне утомительныхъ подъемовъ, которые попадаютъ сплошь и рядомъ во время переѣздовъ по горнымъ тропинкамъ Дагестана.

Но вотъ выбрались на какое-то плато. Свѣжій вѣтерокъ пахнулъ въ лицо, копыта лошадей застучали по твердому грунту, но разобрать обстановку, въ которой мы продолжали путь, не было никакой возможности; глаза уже не служили, темъ стояла чисто степная. Это удовольствіе продолжалось еще часа два, и мы уже порядочно чувствовали всѣ послѣдствія продолжительной и быстрой ѣзды, когда проводники, наконецъ, остановились.

— Что такое?

— Приѣхали, раздался хриплый голосъ переводчика Косума, маленького ожирѣвшаго киргиза, съ глазами едва выглядывающими изъ косыхъ щелокъ сего обрюзгой, вѣчно засаленной фізіономіи...

Слѣзли.

На землѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, едва

замѣтнымъ пятномъ выдѣлялся какой-то бугоръ; то былъ складъ нашего овса, заранѣе перевезеннаго сюда изъ Киндерли. Киргизы, приставленные къ этому запасу, должно-быть предпочли тѣнь родныхъ кибитокъ томленію на солнцѣ и, вмѣсто того, чтобы караулить русское добро, ушли, бросивъ мѣшки на произволь судьбы. Расчитывая переночевать на голой землѣ, мы, конечно, обрадовались этой находкѣ и размѣстились на мѣшкахъ съ такимъ удовольствіемъ, какое едва ли испытываютъ ваши разбитыя на балу красавицы на своихъ мягкихъ бѣлоснѣжныхъ постеляхъ.

Киргизы между тѣмъ бросились разводить костеръ, съ крикомъ и шумомъ, неизбѣжнымъ тамъ, гдѣ сошлись хоть трое изъ нихъ. Кто-то изъ нихъ принесъ и воду изъ колодца.

— Ну что, Косумка, хорошая вода?

— Ничего... немного *хуже киндерлинской*, но пить можно. Попробуйте, отвѣтилъ переводчикъ, оцупью пробираясь между мѣшками и поднося полукруглое кожаное ведро.

Попробоваль... но какъ описать вамъ эту *воду* киргизскаго Кавказа? Еслибы человѣкъ, задавшись самыми преступными цѣлями, вздумалъ перемѣшать все что есть гадкаго въ мірѣ, то и тогда едва ли вышла бы столь убійственная мерзость на вкусъ и запахъ!.. Даже бѣдныя лошади, несмотря на страшную жажду, которая должна была томить ихъ, фыркали и отворачивали головы отъ этой отвратительной жидкости.

Закусивъ холодною бараниной съ солдатскими сухарями и не дождавшись чаю, мы растянулись на своихъ мѣшкахъ и скоро заснули богатырскимъ сномъ.

Я проснулся сегодня въ четыре часа утра, дрожа отъ холода и сырости. На востокѣ, сквозь мглу, покрывавшую степь, едва только пробивались румяныя полосы, но вскорѣ первые лучи восходящаго солнца озарили и гладкую равнину, и высокіе обрывистые берега Каундинскаго солончака, покрытаго длинными тѣнями противоположныхъ утесовъ. Я подошелъ къ самому краю обрыва, который тянулся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего бивуака и широкими извилистыми террасами окаймлялъ соляное озеро съ востока; подо мной, саженой на двадцать ниже, на одномъ изъ уступовъ, который настолько же возвышался надъ поверхностью солончака, какъ муравьи копошились казаки и Киргизы, вытаскивая воду изъ едва замѣтнаго отверстія колодца Артъ-Каунды. На срединѣ озера возвышался отдѣльный утесъ глинистаго песчаника, почти правильной цилиндрической формы и среди блестящей соляной поверхности онъ походилъ на гигантскую башню затонувшаго замка. Далѣе тянулись яркіе песчаные холмы противоположнаго ската, уходя въ даль своими неувлчимо-мягкими контурами.

Я уѣлся на краю обрыва со стаканомъ чаю и пока сѣдали лошадь набросалъ въ свой альбомъ этотъ характерный видъ здѣшней пустыни.

Сію минуту выступаемъ, предстоитъ огромный безводный переходъ.

VI.

Безводная степь и навывъ степняковъ.—Миражи.—Случайная встрѣча съ войсками и ихъ критическое состояніе.—Промажъ штаба.—Оплошность начальника и катастрофа. — Походный порядокъ въ степи.— Убыль верблюдовъ.—Слѣды первой колонны и ея бивуахъ въ Сенекахъ.—Аварскій и ночлегъ у Апшеронцевъ.

19 апрѣля, Сенеки.

Пользуясь дневкой, опишу вамъ подробно и какъ умѣю богатый впечатлѣніями и злополучный день 18 апрѣля, который, я увѣренъ, никогда не изгладится изъ моей памяти.

На востокъ отъ Каундинскаго озера тянется необозримая степь. Она представляетъ твердую глинистую равнину, усѣянную только мелкими кустами бурьяна. Ни одна тропка, ни одинъ холмикъ не оживляетъ ея утомительнаго однообразія.

Мы выѣхали съ ночлега въ шестомъ часу утра 18 числа и должно быть подъ невольнымъ вліяніемъ этой невеселой обстановки ѣхали молча, изрѣдка перебрасывались отрывочными фразами. Слышался глухой топотъ нашихъ коней, да по временамъ кто-нибудь

хлопнетъ отъ скуки нагайкой—вотъ все, что нарушало таинственную тишину обширной пустыни.

По мѣрѣ углубленія въ степь, все чаще и чаще попадались намъ перебѣгавшія между кустами маленькія ящерицы и змѣи такого же сѣраго цвѣта, какъ земля и бурьянъ; наконецъ ихъ стало столько, что многіе сами попадали подъ копыта лошадей и наши казаки забавлялись нѣкоторое время, убивая ихъ на всемъ скаку ловкимъ ударомъ плети.

Я нѣсколько разъ смотрѣлъ на компасъ. Проводники наши, далеко отдѣлившись впередъ, замѣчательно вѣрно держали въ теченіи шести часовъ подъ-рядъ одно и то же направленіе на сѣверо-востокъ. Надо удивляться въ этомъ отношеніи способности и навыку кочевниковъ: степь раскинулась какъ море на сотню верстъ во всѣ стороны и на ней нѣтъ ни одной тропы, ни одного слѣда живаго существа; нѣтъ неровностей,—ни одинъ кустъ не возвышался даже на поларшина надъ прочими; наконецъ, нѣтъ даже звѣздъ на небѣ. При этихъ условіяхъ Киргизы ѣдутъ какъ бы по врожденному инстинкту, вѣрнѣе чѣмъ по компасу, и прямо выходятъ къ надлежащему мѣсту. По какимъ признакамъ они ориентировуются—мнѣ было просто не понятно!..

Занятый этою мыслью, я подѣхалъ къ одному изъ старыхъ степняковъ—къ киргизскому мултѣ и предложилъ ему нѣсколько вопросовъ.

— Мѣста, гдѣ кочуютъ наши аулы, отвѣчалъ онъ,—испещрены тропками. Большія безводныя пустыни которыя тянутся на нѣсколько дней пути и въ кото-

рыхъ не бываютъ кочевья, мы персѣзжаемъ лишь по однимъ и тѣмъ же извѣстнымъ направленіямъ, поэтому Киргизъ всегда найдетъ въ нихъ слѣдъ, который вы, непривычные, пожалуй, и не замѣтите...

— Но по нашему направленію сегодня, кажется, нѣтъ никакихъ слѣдовъ.

— Нѣтъ. Киргизская дорога лѣвѣе; по ней отпировались ваши войска. Въ подобныхъ мѣстахъ, при выстулѣніи, беремъ направленіе по соображенію и строго держимся его, а при выходѣ изъ пустыни смотримъ на показавшіеся вдали предметы и по нимъ соображаемъ куда направиться. Бываютъ случаи, блуждаютъ и Киргизы, но очень рѣдко, — *это стыдно у насъ*; тогда можно взять направленіе по солнцу. Но если ненастный день и не великъ запасъ воды, на лошади въ такой пустынѣ очень плохо заблудившемуся Киргизу; верблюды лучше, онъ можетъ шесть дней не пить, хотя и ему трудно послѣдніе три дня. Но за то въ темную ночь, на примѣръ, если запоздалый Киргизъ не можетъ отыскать колодца, онъ броситъ поводъ и не управляетъ, а только погоняетъ, — верблюдъ привезетъ его къ водѣ, даже въ совершенно незнакомой мѣстности...

Въ 7 часовъ уже запекло солнце. Во рту начало сохнуть, и мы поминутно останавливались, чтобъ утолить жажду остатками соленой киндерлинской воды, но съ каждымъ выпитымъ стаканомъ жажда становилась еще нестерпимѣе.

Немного погода наши взоры съ напряженнымъ

вниманіемъ устремились на край горизонта. Тамъ, точно въ лѣсистыхъ берегахъ, заблестѣли на солнцѣ серебристыя полосы воды; вотъ они слились въ одну сплошную поверхность огромной рѣки съ чернѣющими тамъ и сямъ небольшими островами, поросшими высокимъ камышомъ... Мы уже надѣялись обогатить географію новымъ открытіемъ, но, къ общему разочарованію, дѣло скоро разъяснилось: виды мѣнялись какъ въ волшебномъ фонарѣ, оставаясь неизмѣнно въ одномъ и томъ же разстояніи отъ насъ, несмотря на ускоренное движеніе нашихъ коней. Наконецъ они исчезли совершенно, оставивъ намъ одно только воспоминаніе объ обманчивыхъ степныхъ миражахъ.

Въ тотъ же день, какъ намъ рассказывали, одна изъ частей нашего отряда была въ такой степени обманута этимъ явленіемъ, что выстроила боевой порядокъ и добрую четверть часа *ждала атаки какой-то кавалерійской массы, появившейся на горизонтѣ...*

Въ одиннадцать жаръ сталъ невыносимымъ. Потъ струился по лицамъ и огромными пятнами выступалъ наружу сквозь китель и околышъ фуражки. Мы остановились для привала.

Соскочивъ съ мокрыхъ лошадей и допивъ свою воду, мы съ жадностью кидались къ вонючимъ киргизскимъ бурдюкамъ смазаннымъ внутри верблюжьимъ саломъ, и, дѣлать нечего, тянули тотъ... *каундинскій нектаръ* еще разогрѣвшійся на солнцѣ, отъ котораго только наканунѣ съ такимъ отвращеніемъ отскакивали даже лошади. Многіе изъ насъ готовы были дорого

заплатить за лишній стаканъ этой мерзости, способной, какъ казалось, умертвить живыхъ, а теперь оживлявшей чуть не мертвыхъ... Но, увы, и ся уже не осталось...

Казакъ и киргизы быстро соорудили намъ навѣсъ изъ винтовокъ и пикъ съ накинутыми на нихъ бурками, но въ тѣни этого импровизованнаго шатра едва умѣстились наши головы, а все остальное пекло немилосердное солнце. Несмотря на всю нашу усталость, очевидная бесполезность подобнаго бивуакированія среди палящаго зноя, безъ тѣни и воды, заставила насъ поспѣшить завтракомъ и тронуться въ дальнѣйшій путь. Жаль было усталыхъ и все еще мокрыхъ лошадей, но дѣлать было нечего,—до мѣста ночлега оставалось еще нѣсколько десятковъ верстъ. Мы сѣли и поѣхали тѣмъ же крупнымъ шагомъ.

Проводники взяли на этотъ разъ направленіе прямо на сѣверъ, но спустя какіе-нибудь полчаса они снова остановились и обратили наше вниманіе на крайнюю черту разстилавшейся предъ нами равнины. Удивительное зрѣніе у этихъ людей!

— Тамъ что-то шевелится, кажется видны люди, заговорили Киргизы, когда мы, при всемъ напряженіи глазъ, видѣли предъ собой только чистый, открытый горизонтъ.

Достали бинокли, и только тогда мы могли убѣдиться, что на этотъ разъ уже не миражъ передъ нами, а дѣйствительно что-то похожее на приваль большаго каравана. Мы направились къ нему и вскоре ясно разглядѣли бивуакъ одной изъ нашихъ колоннъ.

Не доѣзжая съ полверсты до мѣста расположенія войскъ, мы были встрѣчены полковникомъ Теръ-А. въ сопровожденіи сотни казаковъ въ однихъ бешментахъ и съ готовыми винтовками въ рукахъ. Онъ рассказывалъ, что принялъ за непріятеля нашу кавалькаду и что собирался завязать дѣло...

Итакъ, мы случайно наткнулись въ степи на второй эшелонъ. Его бивуакъ представлялъ крайне печальную картину. Лишь кое-гдѣ бѣлѣли маленькіе французскіе *tentes d'abri*, а затѣмъ куда ни взглянуть, вездѣ валялись на голой землѣ пестрыя массы людей, лошадей и верблюдовъ. Все смотрѣло изнуреннымъ и обезсиленнымъ до крайней степени. Подъ открытымъ солнцемъ, среди раскиданнаго тамъ и сямъ оружія, валялись исхудалые люди съ помутившимися глазами; въ нихъ трудно было узнать тѣхъ людей, которые такъ бодро выступали изъ Киндерли нѣсколько дней тому назадъ. Нѣкоторыя лошади стояли понутивъ головы и столько страданія выражали глаза этихъ бѣдныхъ животныхъ, что невозможно было безъ боли смотрѣть на нихъ...

Обходя бивуакъ, я поминутно слышалъ стоны, точно на перевязочномъ пунктѣ послѣ битвы, и на каждомъ шагу натыкался на самыя тяжелыя сцены. Тутъ столпились и растираютъ молодаго солдата, пораженнаго солнечнымъ ударомъ. Тамъ, въ тѣни орудія, мечется другой съ посинѣвшими губами и съ остервенѣніемъ рветъ свою рубаху; къ нему подбѣгаетъ офицеръ и даетъ нѣсколько глотковъ теплой, мутной воды; губы несчаст-

наго впиваются въ жестяную крышку, она мигомъ осушена и бѣднякъ, нѣсколько успокоенный, снова падаетъ на спину...

Загорѣлые, запыленные офицеры перебѣгали отъ одного солдата къ другому и раздавали имъ по глотку остатки воды изъ собственной фляги, и этотъ глотокъ производилъ магическое дѣйствіе. Едва наполнялась крышка, какъ къ ней разомъ протягивались десятки рукъ... Я видѣлъ какъ одинъ солдатъ подошелъ къ Лезгину-милиционеру, проходившему мимо съ бутылкой воды, и держа послѣднюю быть можетъ рублевую бумажку *умолялъ взять ее за двѣ крышки воды*. Лезгинъ сжалился, подѣлился съ солдатомъ, но денегъ не взялъ... Мы разсказывали массу не менѣе трогательныхъ сценъ, бывшихъ въ этотъ трагическій для нашего отряда день, но, къ сожалѣнію, я не могу остановиться на нихъ.

Оказалось, что, не встрѣтивъ ни одного изъ Туркменъ, отрядъ уже выдержалъ первую битву съ грозною союзницей этихъ номадовъ, съ неумолимою природой. И пораженіе наше висѣло при этомъ на волоскѣ. Я разскажу вамъ какъ это случилось, и тогда судите сами, кто виноватъ. Въ устахъ доброй нашей половины, конечно, *природа пустыни* служить козломъ отпущенія въ настоящемъ случаѣ, но я того мнѣнія, что она если и врагъ нашъ, то лишь подобный лихому партизану, который держится въ почтительномъ отдаленіи при нашемъ благоразуміи и осмотрительности и напротивъ, налетаетъ вихремъ при малѣйшей оплошности...

Дѣло въ томъ, что войска, по неопытности, вышли въ походъ съ незначительнымъ запасомъ воды, а нѣкоторыя части и вовсе безъ нея, *по неимѣнію сосудовъ*. Какъ это могло случиться просто не понятно, но нѣсколько десятковъ бурдюковъ, нарочно присланныхъ изъ Тифлиса для перевозки воды, не были розданы войскамъ и такъ и остались въ Киндерлинскомъ складѣ.

Но это только цвѣточки.

Выступивъ изъ Киндерли въ воскресенье, 15 апрѣля, полковникъ, ведшій вторую колонну, остановилъ свой эшелонъ для ночлега въ открытой степи, *не доходя восьми верстъ до перваго колодца Каунды*, этимъ лишилъ себя возможности пополнить воду, израсходованную на ночлегъ.

Въ понедѣльникъ колонна остановилась опять въ степи, *не дойдя нѣсколькихъ верстъ до слѣдующаго колодца Артъ-Каунды*.

Въ слѣдующій день для сокращенія пути, полковникъ провелъ колонну напрямикъ, оставивъ въ трехъ верстахъ вправо отъ себя Артъ-Каунды, не смотря на то, что до слѣдующаго колодца не менѣе 80 верстъ отсюда, и пройдя въ сильный жаръ 27 верстъ, въ третій разъ ночевалъ въ безводной степи.

Рано утромъ, 18 числа, въ четвертый день похода, колонна тронулась далѣе, но многія роты уже не имѣли ни капли воды. Солнце между тѣмъ пекло и пекло, поднявъ температуру до 42° R. Безводіе, палящій зной и жгучій удушливый вѣтеръ соединились въ этотъ день

какъ бы нарочно для того, чтобъ испытать людей и лошадей, еще не втянувшихся въ степной походъ.

Подъ вліяніемъ мучительной жажды, разжигаемой еще болѣе адскою температурой, солдаты въ изнеможеніи опускались на землю или отставали десятками и затѣмъ казаки арріергарда подбирали этихъ несчастныхъ и сажали на своихъ лошадей. Офицеры ободряли людей, пока выбившись изъ силъ и сами не падали на землю. Уныніе, овладѣвшее людьми, перешло наконецъ въ какое-то тупое отчаяніе: побросавъ оружіе и сбросивъ все платье, совершенно голые, одни изъ нихъ разрывали раскаленный песокъ, ложились въ образовавшіяся ямы и засыпали себя землей, въ надеждѣ хоть сколько-нибудь укрыться отъ невыносимо-жгучихъ лучей; другіе, не зная на что рѣшиться, безцѣльно кидались въ стороны и какъ сумасшедшіе метались по землѣ...

Ужасный имѣли видъ и тѣ изъ солдатъ, которые еще сохранили силы и плелись на своихъ мѣстахъ. Запыленные съ головы до ногъ, съ мутными безсмысленными глазами и съ засохшею пѣной на губахъ, они походили на живыхъ мертвецовъ и съ трудомъ передвигали ноги.

Въ такомъ критическомъ состояніи колонну остановили въ 10 часовъ утра. Но какъ помочь ей?.. *Сенеки*, ближайшіе изъ окрестныхъ колодцевъ, были въ 35 верстахъ отъ мѣста привала!.. Туда однако съ казаками и Лезгинами немедленно поскакалъ за водой подполковникъ С., захвативъ съ собою бурдюки и другіе сосуды; но когда они могли вернуться?

Въ ожиданіи этой воды каждый искалъ тѣни, стараясь пріютить хоть одну голову, и тѣни, павшія отъ орудій, зарядныхъ ящиковъ, верблюдовъ и лошадей, мгновенно покрылись свалившимися людьми. Раскинули и tentes d'abri, но ихъ было такъ мало въ каждой части, что всѣ вмѣстѣ не укрыли бы и одной роты. Крайняя опасность, угрожавшая отряду, послужила, между прочимъ, предметомъ горячаго спора между многими офицерами, собравшимися подъ однимъ изъ зарядныхъ ящиковъ, но внезапный сигналъ «*по возамъ*» прервалъ его во время самага разгара.

— Да наконецъ, замѣтилъ одинъ изъ оптимистовъ, уже вылѣзая изъ-подъ ящика,—Кавказцы никогда не ходили по степямъ, а *ошибки неизбежны во всякомъ новомъ дѣлѣ...*

— Совершенно вѣрно относительно *ошибокъ*, прервалъ его Б—скій, тоже приподнимаясь со своего мѣста и направляясь къ своимъ орудіямъ,—но рѣчь идетъ о необъяснимыхъ и непростительныхъ *промахахъ и оплошностяхъ*, которые приводятъ къ катастрофамъ и которые могутъ и *должны быть избѣгнуты!*..

Въ четвертомъ часу пополудни войска снялись съ бивуака и продолжали движеніе.

Несмотря на незначительность отряда, онъ въ походѣ и въ такой открытой степи, занималъ почти полверсты въ ширину и до полуторы въ глубину. Открывала движеніе небольшая группа проводниковъ, Киргизы и Туркмены на своихъ маленькихъ обросшихъ лошаденкахъ; за ними шла кавалерія постепенно, раз-

вернутымъ фронтомъ, съ распущенными цвѣтными значками; по фасамъ—двѣ роты, каждая въ двѣ линіи; въ арріергардѣ—рота и сотня казаковъ. Въ срединѣ этого четырехугольника, охваченнаго кольцомъ далеко раскинувшихся казачьихъ разъѣздовъ, двигалась остальная пѣхота съ артиллеріей, огромный верблюжій транспортъ, стадо въ нѣсколько сотъ барановъ, спѣшнные казаки, ведя въ поводу своихъ лошадей, на которыхъ сидѣло человѣкъ 200 слабыхъ и больныхъ пѣхотинцевъ, и наконецъ производящій маршрутную съемку топографъ, предъ которымъ неизмѣнно тянется десятисаженная цѣпь, привязанная къ казачьему стремени.

Въ такомъ порядкѣ колонна едва подвигалась впередъ. Изнуренные верблюды несли громадныя вьюки на своихъ спинахъ, ибо на нихъ же взвалили часть груза съ павшихъ и брошенныхъ верблюдовъ, которыхъ уже насчитывали около 250. Артиллерійскія лошади съ трудомъ вытягивали ящики и орудія, въ такой степени нагруженные ячменемъ, и разными солдатскими мѣшками, что еслибы встрѣтилась надобность открыть огонь, то потребовалось бы не мало времени, чтобы развязать веревки, сбросить этотъ грузъ и снять чехлы съ самыхъ орудій. Обезсиленные люди также затрудняли движеніе; многіе изъ нихъ опустились на землю на первой же верстѣ, несмотря на ободрительныя примѣры своихъ офицеровъ. Въ этомъ отношеніи я никогда не забуду между прочимъ тщедушнаго капитана Асѣва, на лошади котораго ѣхалъ изнуренный солдатъ, въ то время, когда самъ онъ, напрягая послѣднія усилія, шель

предъ своею Самурскою ротой съ двумя солдатскими ружьями на плечахъ...

Жаръ начиналъ спадать, но тѣмъ не менѣе движеніе совершалось при гробовомъ молчаніи всей колонны; только въ одной изъ ротъ раздалось было пѣсни, но онѣ составляли такой диссонансъ съ общимъ настроеніемъ, что вскорѣ смолкли сами собой...

Прослѣдовавъ нѣсколько верстъ съ колонной, мы отдѣлились и поѣхали впередъ. Только теперь, когда я взглянулъ на нее издали, тяжелое впечатлѣніе, произведенное на меня состояніемъ колонны, уступило мѣсто совершенно новому чувству: казалось движется грозная армія въ боевомъ порядкѣ,—такъ много внушительнаго было въ этой массѣ, медленно подвигавшейся впередъ въ густыхъ облакахъ пыли...

Уже совершенно стемнѣло, но еще оставалось верстъ пятнадцать до колодцевъ Сенеки, когда мы вышли на караванный путь, идущій изъ форта Александровскаго въ Хиву. Картина нѣсколько измѣнилась, появились небольшіе холмы, между которыми извивалась дорога; по сторонамъ ея довольно рельефно выдѣлялись бѣлыя группы солдатъ, неподвижно лежавшихъ на землѣ,—то были отсталые отъ передовой колонны. Кто-то одиноко, сидѣвшій недалеко отъ нихъ закуривалъ папиросу; отблескъ огня сверкнулъ на стальныхъ ножнахъ его сабли и изобличилъ въ немъ офицера.

— Что, вы устали? обратился къ нему начальникъ отряда.

— Нѣтъ... оставленъ вотъ съ ними до присылки воды, отвѣчалъ офицеръ, приподнимаясь со своего мѣста и указывая на лежавшихъ по сторонамъ солдатъ.

— Ну, какъ ваша колонна прошла сегодня?

— Страхъ, господинъ полковникъ!.. Растянулись мы верстъ на пятнадцать, да чуть было всѣ не погибли... Счастье вѣдь какое! продолжалъ офицеръ, уже обращаясь къ намъ и нѣсколько понизивъ голосъ: — ну, налети на насъ сегодня хоть тысяченка этихъ степныхъ халатниковъ, вѣдь какую бы кашу могли заварить!..

Тутъ почти вскачь подъѣхала телѣга и кто-то громко крикнулъ:

— Апшеронцамъ вода! Гдѣ Апшеронцы?

— Слава Богу, отвѣтилъ офицеръ, — сюда, сюда!..

И лежавшіе Апшеронцы медленно, какъ бѣлыя привидѣнія, зашевелились въ темнотѣ...

При дальнѣйшемъ слѣдованіи мы уже поминутно встрѣчали телѣги или толпы конныхъ, которыя везли воду и спѣшили на встрѣчу къ своимъ частямъ.

Въ этотъ день мы уже проводили семнадцатый часъ на сѣдлѣ и устали до того, что, казалось, вотъ-вотъ оставить силы, а бѣдныя наши лошади, свѣсивъ головы на поводья, съ трудомъ передвигали ноги и уже не слушали ни шпоръ, ни нагаекъ. Представьте же теперь нашу радость, когда въ 10 часовъ вечера показались наконецъ вдали бивуачные огни первой колонны, разбросанные на большомъ пространствѣ. Лагерный шумъ доносился еще издали, оживляясь по мѣрѣ нашего приближенія. Вотъ уже близко, въ нѣсколькихъ

шагахъ, раздастся ржаніе коней и чья-то бойкая перебранка изъ-за сорвавшейся въ колодець манерки. Многочисленные костры бросали свѣтъ на самыя характерныя группы людей, суетившихся среди верблюдовъ и лошадей. Вокругъ колодцевъ происходили страшный шумъ и давка, готовые, казалось, перейти въ общую свалку...

Это общее, хотя и лихорадочное, оживленіе могло заставить забыть труды и впечатлѣнія еще переживаемаго дня, еслибы не крайнее физическое изнеможеніе, съ которымъ неразлучна апатія ко всему окружающему. Я слѣзъ съ коня и готовъ былъ тутъ же свалиться, а бѣдный конь такъ и тянулъ по направленію къ колодцу и, казалось, умолялъ напоить его... Я чувствовалъ, какъ дрожали, подкашивались мои ноги и рѣшился прилечь гдѣ-нибудь поскорѣе.

— Насибъ! бурку! крикнулъ я своему Лезгину-милиціонеру. — Совѣтую, господа, и вамъ то же самое, обратился я къ своимъ спутникамъ, стоявшимъ недалеко въ какомъ-то раздумьи, — ждать нечего, марки-танта нѣтъ, а верблюды съ нашими вещами, слава Богу, если придутъ чрезъ два дня...

— Это вы пріѣхали? слышался знакомый голосъ майора Аварскаго. Онъ назвалъ меня. — Тьфу ты, дьяволь!.. Да тутъ самъ чортъ шею сломить! воскликнулъ близорукій майоръ, наткнувшись, прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить, на лежавшаго поперекъ верблюда.

— Я, батюшка... здравствуйте.

— Ну что, размяло косточки? спросилъ Аварскій, выдѣляясь изъ толпы, когда пламя сосѣдняго костра блеснуло на его очкахъ и освѣтило смугло-худощавую фізіономію съ большою черною бородой.— Да что вы тутъ стоите?

— Да вотъ, думаю, гдѣ бы поскорѣе свернуться... я едва стою на ногахъ.

— Пойдемте ко мнѣ, вѣдь тутъ васъ раздавятъ ночью...

— А у васъ что же, палаты какія-нибудь?

— Дворецъ, батюшка, въ готическомъ стилѣ. Вотъ даже отсюда видно, какъ красуется его шпицъ, отвѣтилъ Аварскій, указывая въ сторонѣ отъ бивуачнаго шума на единственный офицерскій шатеръ, въ которомъ просвѣчивался огонекъ. — Живо построили, вѣдь мы часа два уже здѣсь.

Аварскій пригласилъ еще нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ около меня, но почти незнакомыхъ ему офицеровъ. Мы, конечно, не заставили просить и отправились за нимъ.

Не могу при этомъ не сказать двухъ словъ о замѣчательно романической судьбѣ этого прекраснаго офицера. Онъ изъ кавказскихъ горцевъ, уроженецъ Дагестана. Будучи мальчикомъ, въ 1839 году, при штурмѣ Ахульго, гдѣ былъ убитъ его отецъ Алибекъ, герой обороны, Аварскій былъ взятъ въ плѣнъ третьимъ баталіономъ Апшеронскаго полка и отправленъ для воспитанія въ Петербургъ. Здѣсь въ корпусѣ онъ принялъ православіе и, будучи выпущенъ въ

офицеры, служилъ сначала въ гусарахъ, а теперь, по истеченіи 34 лѣтъ послѣ плѣна, судьба привела его командовать тѣмъ самымъ третьимъ Апшеронскимъ баталіономъ! *)

Въ палаткѣ Аварскаго, на разостланныхъ буркахъ, уже помѣщались человѣкъ десять Апшеронскихъ офицеровъ. Между ними стояло нѣсколько мѣдныхъ чайниковъ, маленькіе холщевые мѣшки съ колотымъ сахаромъ и бѣлыми сухарями и нѣсколько стакановъ, надъ которыми струился легкій паръ только что налидаго чаю. По угламъ палатки висились цѣлые вороха сабель, револьверовъ, нагаскъ и дорожныхъ сумокъ. Солдатскій штыкъ, воткнутый въ землю около чайниковъ, исправлялъ должность подсвѣчника, а пламя единственной свѣчи, колеблясь въ густомъ табачномъ дыму, тускло освѣщало группу усталыхъ собесѣдниковъ въ самыхъ непринужденныхъ позахъ...

«Счастливыцы эти строевые; куда бы ни пришли, у нихъ все съ собой», подумалось мнѣ при взглядѣ на этотъ незатѣйливый пріютъ, казавшійся такимъ привлекательнымъ!.. Мы размѣстились среди потѣснившихся хозяевъ, появился ромъ, и послѣ двухъ-трехъ стакановъ горячаго чаю, по крайней мѣрѣ, я какъ бы переродился съ новыми силами, такъ живительно дѣйствуетъ здѣсь этотъ поистинѣ нектаръ степныхъ боговъ...

*) Этотъ же баталіонъ подъ начальствомъ Аварскаго заслужилъ въ Хивинскомъ походѣ Георгіевское знамя, а самъ онъ умеръ подполковникомъ отъ раны, полученной у воротъ Хивы.

Въ палаткѣ давно уже слышался богатырскій храпъ заснувшихъ офицеровъ. Съ колодцевъ все еще доносился несмолкаемый шумъ. Я слушалъ чей-то рассказъ о впечатлѣніяхъ дня... и не помню, какъ и заснулъ подъ этотъ говоръ какимъ-то убитымъ, непробуднымъ сномъ...

VII.

Утро слѣдующаго дня и лихорадочная жизнь у колодцевъ.— Характеристика Киргизовъ.—Сенеки.—Послѣдствія 18 числа.—Исправленіе ошибокъ и уменьшеніе отряда.—Извѣстіе о результатѣ набѣга и служъ объ отравленіи колодцевъ.

20 апрѣля. Сенеки.

Высоко уже поднялось солнце и сквозь парусину шатра ярко-матовымъ свѣтомъ разливались его лучи надо мной, когда я проснулся на другой день. Въ палаткѣ никого уже не было. Едва я приподнялся, потягиваясь и расправляя свои измятые члены, какъ осторожно разодвинулись полы шатра и между ними показался сперва мѣдный чайникъ, затѣмъ усатое, загорѣлое лицо майорскаго вѣстоваго и наконецъ вся его грузная изогнувшаяся фигура.

— Заспались, ваше благородіе, заговорилъ вѣстовой!—Прочіе господа давно ужъ повставали и чайку понапились; вотъ Ширванцы стали подходить, такъ они вышли встрѣчать... Это ужъ въ другой разъ я вамъ чайничекъ подогрѣваю, продолжалъ солдатъ, какъ

видно изъ разговорчивыхъ.— Да казакъ раза три приходилъ понавѣдаться, не встали ли, молъ.

— Какой казакъ?

— Не могу знать, ваше благородіе, изъ какихъ онъ будетъ... По нашему, должно, не силенъ, ни слова не разумѣетъ. Да онъ и по сейчасъ...

Но далѣе я уже не слушалъ. Въ палатку просунулась огромная черная папаха и я видѣлъ, что, путаясь между полами, какъ въ тенетахъ, ко мнѣ пробирался «казакъ», о которомъ шла рѣчь.

— А!.. Насибъ! здравствуй! Что, братъ, скажешь?

— Съ конемъ нашимъ, отвѣчалъ онъ по-лезгински, — что-то плохо... Ноги распухли, не ѣстъ ничего и не встаетъ, бѣдный...

Мысль потерять лучшую лошадь въ отрядѣ, а самое главное, перспектива остаться безъ лошади на все время предстоящихъ «удовольствій», подобныхъ только-что испытаннымъ наканунѣ, обдала меня, какъ варомъ. Я схватилъ фуражку и выскочилъ изъ палатки.

— Гдѣ онъ?

— Вотъ здѣсь, недалеко, идите за мной, говорилъ Насибъ, пробравшись впередъ.

Переходя черезъ спящихъ людей и лавируя между животными и безпорядочно нагроможденными вещами, я слѣдовалъ за Насибомъ и еще издали увидалъ своего «Султана». Онъ лежалъ подъ открытымъ солнцемъ возлѣ группы столь же изнуренныхъ офицерскихъ лошадей, глаза которыхъ, казалось, такъ ясно выражали какую-то трогательную покорность судьбѣ... Я подо-

шелъ къ своей лошади, погладилъ ее и попробоваль поднять; она приподнялась немного, но снова рухнула и, будто съ мольбой въ помутившихся глазахъ, лизнула мою руку...

— Да что же съ нею? спросилъ я въ отчаяніи Насиба, котораго добрая физіономія почему-то показалась мнѣ въ эту минуту необыкновенно глупою.

— То же, что и со всѣми другими,—надорвалась.

— Когда ты поилъ ее?

— Вчера, черезъ полчаса послѣ прибытія, я далъ ей два ведра. Она осушила ихъ мигомъ, и когда я досталь третье, уже для своей лошади, «Султанъ» отогналъ ее и впился въ ведро такъ, что я сначала не могъ отнять, а потомъ сжалился...

Послѣ восьмидесятиверстнаго безводнаго перехода въ страшный жаръ, лошади, не чувствующей ногъ отъ изнуренія, сразу три ведра воды!.. О, добрый Насибъ—это ты!.. Его услуга мнѣ только напомнила Крыловскаго медвѣдя, но дѣлать было нечего: кромѣ привычныхъ къ степямъ киргизскихъ лошадей, всѣ остальные болѣе или менѣе въ такомъ же плачевномъ состояніи...

Я возвратился въ палатку, съ наслажденіемъ окатилъ себя нѣсколькими ведрами воды, напился чаю и затѣмъ, свѣжій и бодрый, пошелъ бродить по лагерю и осматривать мѣсто нашего расположенія.

Вокругъ колодцевъ стояли плотно-столпившіяся массы верблюдовъ и слышались шумные киргизскіе голоса. Сквозь эту «флотилію пустыни» я съ трудомъ

пробрался къ одному изъ колодцевъ, отверстіе котораго, какъ и всѣхъ остальныхъ, выложено огромными глыбами камня; здѣсь, въ страшной суетѣ, Киргизы поили нашихъ верблюдовъ. Смотря на эту процедуру, я рѣшительно не зналъ, чему болѣе удивляться: быстротѣ ли, съ которою осушались большія деревянные корыта, или необыкновенной ловкости, съ которою Киргизы доставали воду изъ двадцатисаженной глубины. Откинувъ на затылокъ волчій малахай, засучивъ рукава за локти и широко разставивъ ноги, Киргизъ какъ привинченный стоитъ надъ отверстіемъ колодца; перебирая веревку, его мускулистыя руки мелькаютъ быстро, точно крылья вѣтренной мельницы, и что ни взмахъ—сажени на полторы вылетаетъ веревка, къ которой привѣшена тяжелая *кауза* *).

Невольно бросаются въ глаза нѣкоторыя особенности этого оригинальнаго племени. Въ отличіе отъ чистоплеменныхъ Туркменъ, Киргизы обладаютъ болѣе живымъ темпераментомъ и грязны до невозможности. Они говорятъ, что платье предохраняетъ отъ солнца, и несмотря даже на сорокаградусный жаръ, никогда не покидаютъ огромную мѣховую шапку и нѣсколько ватныхъ халатовъ. Киргизы вѣчно шумятъ,—такова ихъ натура; слушая ихъ болтовню о прошлогоднемъ снѣгѣ, можно подумать, что они сейчасъ подерутся; однако ничуть не бывало,—это только обыкновенный способъ ихъ разговора. О самыхъ простыхъ

*) Большой киргизскій сосудъ изъ верблюжьей кожи для вытаскиванія воды изъ колодцевъ.

вещахъ, въ дорогѣ или на бивуакѣ, они говорятъ не иначе какъ громко перекрикиваясь, и ихъ рѣзкіе голоса день и ночь раздаются по всему лагерю, за исключеніемъ тѣхъ короткихъ промежутковъ, когда они ѣдятъ. Обыкновенно, на краю лагеря, киргизская ставка бросается въ глаза еще издали,—пиками воткнутыми въ землю около цѣлой пирамиды безобразныхъ сѣдель, съ торчащими на цѣлый футъ передними луками. Вотъ тутъ-то, три раза въ сутки, плотнымъ кольцомъ усаживаются Киргизы вокругъ огромнаго чугуниковаго какого-то вѣрева, изъ котораго неизмѣнно выглядываютъ верблюжьи кости. Какая-то благоговѣйная тишина водворяется между ними; въ это время они какъ бы нѣмѣютъ и, пока остается въ котлѣ хоть ложка ихъ сѣрой похлебки, можно, кажется, услышать муху, пролетѣвшую надъ киргизскою трапезой...

У колодцевъ, гдѣ солдаты и казаки поили коней или наполняли свои баклаги, кипѣла та же шумная жизнь, полная брани и смѣха, но не доставало только киргизской ловкости. Ведро, манерки и котелки на длинныхъ веревкахъ цѣлыми десятками сновали въ колодезь и обратно, путались, обрывались, и въ результатѣ, въ дѣлѣ совершенно новомъ для солдатъ, конечно, выходило много шуму, но мало воды.

Вода здѣсь превосходная. Колодцевъ около двадцати, и они разбросаны на небольшой, съ квадратную версту, совершенно голой равнинѣ, занятой теперь нашими войсками. Съ сѣвера и юга равнина окаймляется двумя параллельными грядами высокихъ холмовъ, обры-

вающихся мѣловыми утесами ослѣпительной бѣлизны, между которыми тянется караванный путь. Вотъ это-то дефиле, образуемое горами и усыпанное колодцами, и носить имя, напоминающее знаменитаго учителя Нерона.

Отрядъ нашъ уже стянулся къ Сенекамъ. Проведя всю ночь на 19 число въ дорогѣ, вчера утромъ добрела сюда злополучная вторая колонна, а сегодня въ полдень прибылъ наконецъ и арріергардъ со штабными верблюдами.

Послѣдствія крушенія 18 числа, къ счастью, незначительны: кромѣ верблюдовъ, пало нѣсколько лошадей и съ ума сошелъ одинъ артиллеристъ. Но люди уже отдохнули и оправились отъ понесенныхъ трудовъ какъ ни въ чемъ не бывало; они снова смотрятъ молодцами и теперь, когда я пишу эти строки, со всѣхъ концовъ лагеря несутся громкія солдатскія пѣсни.

— Ну, что, труденъ походъ? спросилъ я одного солдата, который наполнилъ водой какую-то кишку и пригонялъ ее для носки черезъ плечо.

— Онъ, походъ бы ничего, ваше благородіе, да вотъ безъ воды, не знали мы, будто маленько не ладно... Да ужъ не надуется больше!..

И дѣйствительно, надо полагать, «не надуется больше», и тяжелый урокъ послужить въ пользу. Въ Киндерли уже полетѣли нарочные за бурдюками, а солдаты научились придавать здѣсь надлежащую цѣну каждой каплѣ воды, и лихорадочно работаютъ надъ приспособленіемъ къ ея переноскѣ разныхъ пу-

зырей, шкуръ, желудковъ и т. п. Все, что только можетъ вмѣстить и сохранить воду, все мало-мальски подходящее, бережно примѣняется къ дѣлу...

18 число произвело, конечно, весьма сильное впечатлѣніе на всѣхъ насъ и, говоря откровенно, на нѣкоторыхъ даже деморализующее вліяніе. Нашлись господа, которые не скрывали желанія возвратиться и высказывали, что дальнѣйшее движеніе поведетъ къ неизбѣжной гибели. Но къ чести отряда надо прибавить, что эти единичные уроды нашей семьи встрѣтили общее неодобреніе и будутъ возвращены въ Киндерли. Остальные затѣмъ офицеры наэлектризованы попрежнему, и я готовъ утверждать, что они предпочтутъ погибнуть, чѣмъ вернуться; нѣкоторые, и между ними подполковникъ С., даже объявили торжественно, что въ случаѣ возвращенія отряда, они переодѣнутся въ туркменское платье и пойдутъ чрезъ степь для присоединенія къ отряду полковника Маркозова во что бы то ни стало!..

Сегодня утромъ, къ прискорбію нашему, сдѣлалось извѣстно, что число павшихъ верблюдовъ *), не позволяеть поднять надлежащее количество продовольствія на весь отрядъ, а артиллерійскія лошади изнурены въ такой степени, что не вывезутъ орудій; причины эти заставляютъ уменьшить почти вдвое и безъ того не сильный отрядъ. Двѣ сотни кавалеріи, три полевые орудія, часть пѣхоты, весь колесный обозъ и все, безъ

*) На первыхъ переходахъ до Сенеки части отряда бросили въ пути 340 верблюдовъ изъ 865 и до 6 тысячъ пудовъ провіанта разнаго...

чего только мыслимо дальнѣйшее движеніе къ Хивѣ, отправляются обратно въ Киндерли. Офицерамъ объявлено, что они пойдутъ на солдатской пицѣ и чтобы бросили поэтому не только палатки, желѣзныя кровати, посуду и лишнее платье, но и все, что только можетъ считаться прихотью для простаго солдата. Это исполняется въ точности, и тѣмъ болѣе охотно, что сами офицеры прекрасно сознаютъ необходимость этого.

Я видѣлъ офицеровъ тѣхъ казачьихъ сотенъ, которыя предназначены къ возвращенію; они чуть не плачутъ и готовы идти пѣшкомъ, лишь бы дѣлить общую участь и не возвращаться...

Сейчасъ получено донесеніе майора Навроцкаго о его удачномъ набѣгѣ на кочевья около Кайдакскаго залива. Киргизы сопротивлялись съ оружіемъ въ рукахъ, и у насъ убитъ одинъ и ранено нѣсколько казаковъ, но отбито при этомъ столько верблюдовъ, лошадей и овецъ, что двѣ сотни съ трудомъ ведутъ ихъ. По просьбѣ Навроцкаго, на встрѣчу къ нему посылають конно-иррегулярцевъ.

Это извѣстіе мигомъ облетѣло лагерь и на всѣхъ лицахъ засіяла радость: верблюды—все для насъ, они дороже людей теперь!..

Другой слухъ не такъ благопріятенъ. Говорятъ, что Хивинцы засыпали колодцы, лежащіе на нашемъ пути въ срединѣ степи, а нѣкоторые даже отравили. Для повѣрки этого извѣстія сегодня же посланы Киргизы.

Завтра выступаемъ далѣе.

VIII.

Осторожность солдатъ.—Дорога въ Бешъ-Окты.—Саксаулъ.—Возня съ верблюдами.—Соединеніе съ авангардомъ.—Бешъ-Октыинскій редутъ, вода и ея вліяніе.—Песчаные холмы и ихъ обитатели.—Ураганъ.—Добыча и минеральная вода.

23 апрѣля, Бешъ-Окты.

Подъ вечеръ 21 апрѣля Сенокскій лагерь представлялъ картину обычнаго оживленія предъ выступленіемъ. Засуетившіеся люди съ неизбѣжнымъ шумомъ приготовлялись къ дорогѣ: выючили верблюдовъ, прощались съ земляками, и какъ будто снова предстояла безводная пустыня, спѣшили набрать побольше свѣжей воды, несмотря на предупрежденіе о близости слѣдующихъ колодцевъ. Невольно припомнилъ я изреченіе солдата «не надуетъ больше»...

Въ шесть часовъ раздался сигналъ, и отрядъ одною общею колонной началъ постепенно вытягиваться на караванную дорогу. Части, предназначенныя къ возвращенію въ Киндерли, остались въ Сенекахъ. Простившись съ ними, начальникъ отряда, а съ нимъ и

мы, въ обычной кавалькадѣ тронулись вслѣдъ за войсками.

Дорога въ Бешъ-Окты, на всемъ ея восемнадцати-верстномъ протяженіи, идетъ между сыпучими песчаными холмами, начинающимися у самой оконечности Сенекской равнины и покрытыми сначала мелкимъ кустарникомъ, а затѣмъ деревьями *саксаула*. Послѣднія образуютъ какую-то жалкую пародію хвойнаго лѣса, за которою, подобно непрерывной террасѣ, не перестаетъ возвышаться съ правой стороны бѣлая лента мѣловыхъ обрывовъ.

Я здѣсь первый разъ видѣлъ это далеко не красивое, чтобы не сказать безобразное, дерево, и благодаря нашему эскулапу, оказавшемуся рьянымъ ботаникомъ, могу привести вамъ его научное названіе— *Соледревникъ или Haloxylon*. Тонкій, искривленный и узловатый стволъ саксаула, развѣтвляясь на такіе же неправильные отростки, напоминаетъ цвѣтомъ и корой грязную старую лозу винограда, и оканчивается нѣсколькими иглами того же грязно-бураго цвѣта. Онъ рѣдко достигаетъ двухсаженной высоты при обыкновенной толщинѣ отъ двухъ до трехъ вершковъ у основанія, но замѣчательна его плотность: онъ тонетъ въ водѣ, едва поддается топору, горитъ такъ медленно, что небольшое полѣно сохраняетъ огонь цѣлыя сутки и даетъ чрезвычайно мало золы...

Длинною лентой извиваясь между песчаными холмами, отрядъ бодро подвигался впередъ въ вечерней прохладѣ, пока какой-нибудь тяжело нагруженный

верблюды не останавливали его, растянувшись поперек дороги. Всѣ усилія поднять такого верблюда зачастую разбивались о замѣчательное упрямство этого животного, дѣлающагося въ подобныхъ случаяхъ какъ бы безчувственнымъ....

«Юрь... юрь, голубчикъ», начинаютъ солдаты ласково понукать верблюда, слегка подергивая за веревочку, продѣтую сквозь его ноздри.

Верблюдъ неумолимъ и только флегматически работаетъ своими огромными челюстями.

«Юрь же, анаема!.. Дьяволъ рыжій!.. Юрь!!» и глухіе удары сыпятся на костлявыя бедра. Верблюдъ прекращаетъ жвачку, его умные глаза продолжаютъ смотрѣть прямо предъ собой въ какомъ-то раздумьи... но вотъ онъ внезапно поворачиваетъ голову и сразу обдаетъ зеленою жвачкой нѣсколько солдатскихъ физиономій; тѣ обтираются, щедро расточая свое неизбѣжное «крѣпкое слово»...

Вся эта возня кончалась обыкновенно тѣмъ, что выюкъ съ упрямаго верблюда раскладывали на другихъ, а его самого стаскивали въ сторону отъ дороги, и колонна продолжала движеніе.

«Стой!.. стой!» снова раздавался гдѣ-нибудь черезъ минуту громкій крикъ вожака-солдата, «выюкъ свалился!..»

Новая исторія. Свалившійся на сторону выюкъ бьетъ по ногамъ верблюда и останавливаетъ его; передній, продолжая идти, тянетъ его за ноздри, такъ какъ всѣ верблюды привязаны другъ къ другу, и иногда

обрываетъ ихъ... Раздается плачевный, раздирающій душу крикъ несчастнаго верблюда, а затѣмъ новая остановка и новая возня...

Благодаря неопытности солдатъ, которые еще не приучились хорошо выючить верблюдовъ, подобныя сцены повторялись весьма часто и крайне замедляли движеніе отряда. При одной изъ нихъ, къ сожалѣнію, разбился въ дребезги огромный ящикъ съ фотографическимъ аппаратомъ, и его хозяину, любителю степныхъ видовъ, ничего болѣе не остается, какъ продолжать походъ въ качествѣ волонтера и любоваться этими видами...

Солнце скрылось. Сгустилась темнота, и тощѣ рѣдко разбросанные по сторонамъ саксаулы казались теперь густою березовою рощей; дорога нѣсколько разъ выбѣгала изъ этой обманчивой чащи на гладкую поверхность бѣлыхъ солончаковъ, — тинистыхъ, пересохшихъ пространствъ, покрытыхъ солью, — и снова исчезала между песчаными холмами, пока не замелькали въ темнотѣ привѣтливые огни авангардныхъ ротъ...

Около 10 часовъ войска прибыли въ Бешъ-Окты и расположились вокругъ колодцевъ, а наша компанія направилась къ капитану Бекузарову, начальнику авангарда, который стоитъ здѣсь болѣе двухъ недѣль. Двѣ походныя кровати, стоявшія въ палаткѣ капитана, трещали и гнулись подъ тяжестью гостей, прибывшихъ сюда еще ранѣе насъ; на столѣ фигурировалъ уже порядочно истерзанный баранъ, окруженный нѣсколькими бутылками «родного». Порядочно «закусившая», по

всѣмъ признакамъ, компанія, распивала чай, но по недостатку стакановъ приходилось ждать очереди, несмотря на то, что нѣкоторые прибѣгали къ самымъ невозможнымъ сосудамъ. «Соловей», по обыкновенію, оживлялъ всю компанію. Пристроившись въ уголку палатки, онъ заливался куплетами изъ *La fille de madame Angot*, прекращая свое пѣніе только за тѣмъ, чтобы хлебнуть глотокъ чаю изъ Богъ вѣсть откуда взявшейся помадной банки... Тутъ же, кто гдѣ могъ примостился, и заснула вся собравшаяся компанія.

Бешъ-Окты *) предназначены служить первымъ опорнымъ пунктомъ для нашего отряда, и потому мы нашли здѣсь небольшой, совершенно оконченный редутъ, возведенный авангардными ротами вокругъ пяти неглубокихъ колодцевъ. Земляной валъ его обнесенъ небольшимъ рвомъ, имѣетъ выступъ для одного орудія и можетъ вмѣстить нѣсколько ротъ. Вода бешъ-октинская могла бы считаться сносною, еслибъ не значительная примѣсь глауберовой соли. Такая вода только раздражаетъ жажду и на всѣхъ, не исключая лошадей и верблюдовъ, производитъ свое обычное, неотразимое дѣйствіе. Нельзя особенно позавидовать участи тѣхъ, кому послѣ нашего ухода придется заниматься Бешъ-Окты и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ежедневно принимать волей или неволей солидную дозу глауберовой соли...

Окрестности Бешъ-Окты на всемъ пространствѣ,

*) Пять стрѣлъ.

доступномъ глазу, покрыты сыпучимъ пескомъ, изрытымъ какъ волнующееся море; кое гдѣ возвышаются правильныя какъ бы только-что насыпанныя, коническія вершины болѣе значительныхъ холмовъ, мѣняющихъ свои очертанія при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, и только на югѣ едва замѣтною лентой извивается въ отдаленіи непрерывный кряжъ мѣловыхъ утесовъ, идущихъ со стороны Сенека. Изъ песчаныхъ сугробовъ тамъ и сямъ выглядываетъ тощій и невзрачный саксауль, точно однѣ высохшія вѣтки деревьевъ занесенныхъ пескомъ. (Начиная отъ Бешъ-Окты, пески эти непрерывно тянутся на сѣверъ болѣе ста верстъ и составляютъ обширный песчаный районъ, извѣстный у Киргизовъ подъ именемъ *Тюе-су*.)

Вчера утромъ, когда съ бруствера редута я смотрѣлъ на этотъ безжизненный пейзажъ бешъ-октинскихъ окрестностей, на вершинѣ одного изъ холмовъ зашевелилось что-то чернос, показавшееся мнѣ туркменскою папай. «Не высматриваетъ ли за нами непріятельскій лазутчикъ», подумалъ я, но быстро направленный бинокль разсѣялъ эту догадку и въ то же время подстрекнулъ мое любопытство: на песчаномъ холму сидѣла огромная черная птица.

Схвативъ солдатскія ружья, я и Бекузаровъ перескочили черезъ ровъ и направились къ одинокому хищнику. Ускорить шагъ не было возможности при всемъ желаніи: ноги углублялись въ горячій песокъ по самыя колѣни, поэтому медленно, съ трудомъ и замираніемъ сердца мы приближались къ одному изъ са-

мыхъ крупныхъ видовъ семейства коршуновъ... Птица сидѣла неподвижно. Подойдя шаговъ на полтора, мы остановились, но въ то же мгновеніе распахнулись два огромныя крыла, и едва поднявшись надъ землей, хищникъ спустился вновь и скрылся за тѣмъ же холмомъ, прежде чѣмъ, для очищенія совѣсти, грянули два безнадежные выстрѣла изъ нашихъ винтовокъ... Съ кѣмъ мы имѣли дѣло—трудно сказать. Но еслибъ эта встрѣча произошла не въ степи, я бы утверждалъ, что предъ нами былъ альпійскій ягнятникъ,—такъ громадна была птица.

Мы еще бродили нѣкоторое время въ окрестностяхъ Бешъ-Окты, но эта ходьба уже имѣла характеръ не столько охоты, сколько экскурсії съ цѣлью ознакомиться съ маленькими обитателями сыпучихъ песковъ. Нѣсколько интересныхъ жуковъ и самая мелкая порода ящерицъ,—вотъ все, что удалось намъ видѣть. Послѣднія во множествѣ шныряютъ по песчанымъ холмамъ, исчерчивая ихъ цѣлыми сѣтями легкихъ, извилистыхъ слѣдовъ, и для своей обороны мгновенно зарываются въ песокъ при приближеніи опасности. Вотъ она быстро несется по песку прямо навстрѣчу къ вамъ и, завидя васъ, не поворачиваетъ, не убѣгаетъ, но сразу останавливается, припадаетъ на брюшко и, быстро работая лапками, выбрасываетъ песокъ изъ-подъ себя на свою спинку. Черезъ минуту она какъ бы замираетъ,—песокъ уже выровненъ и изъ него выглядываютъ только два крошечныя, едва замѣтные глазенка... Вы подходите ближе — глазенки

исчезаютъ и на песокѣ не остается никакого знака только что видѣнной работы. Ужъ изъ-подъ вашихъ ногъ ящерица вылетаетъ стрѣлой изъ своего убѣжища и обращается въ бѣгство, быстро извиваясь по песчанымъ сугробамъ...

День становился нестерпимо знойнымъ и удушливымъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашего редута не было слышно ни одного звука въ воздухѣ; какая-то гробовая тишина охватила всю окружающую природу. Песокъ раскалился въ такой степени, что, казалось, сжигалъ ноги, несмотря на обувь... Чувствуя, какъ кровь приливаетъ въ голову, я поспѣшилъ возвратиться въ лагерь и крайне обрадовался, найдя здѣсь разбитую для меня палатку и готовую постель. Пользуясь этимъ, я раздѣлся,—первый разъ послѣ выступленія изъ Киндерли, — окатилъ себя нѣсколькими ведрами воды и послѣ раннего обѣда съ удовольствіемъ заснулъ въ чистой человѣческой обстановкѣ...

Но я бы не ложился, еслибы могъ предугадать, какой сюрпризъ готовить намъ изобрѣтательная природа!.. Часа черезъ два раздался внезапный трескъ: я проснулся и прежде, чѣмъ успѣлъ приподнять голову, шатеръ мой былъ сорванъ и отброшенъ за нѣсколько сажень, а я засыпанъ горячимъ пескомъ. Я вскочилъ на ноги, протирая глаза и отплевывая полный ротъ грязи: густая песчаная туча съ невыразимою силой летѣла надъ редутомъ, и въ воздухѣ слышался визгъ, точно сотни ядеръ проносились мимо ушей. Едва онъ замеръ въ отдаленіи, какъ съ новою ужасною силой

рванулъ вѣтеръ, новыя тучи песку закрыли на мгновеніе солнце и страшнымъ вихремъ пронеслись надъ укрѣпленіемъ, разбиваясь о брустверь, засыпая весь лагерь и срывая послѣдніе его шалаши и палатки... И этотъ адъ кромѣшный, то утихая на мгновеніе, то раздражаясь съ новою яростью, стоялъ нѣсколько часовъ надъ нами!...

Я съ трудомъ дышалъ. Я не могъ видѣть, что происходило вокругъ, даже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, и только слышалъ отчаянный шумъ съ криками и проклятіями, долго стоявшій надъ ошеломленнымъ лагеремъ и иногда заглушаемый бѣшенымъ свистомъ песчаного урагана...

Къ вечеру стихло, но взбудораженный песокъ еще и сегодня стоитъ въ воздухѣ и густою мглой покрываетъ всю окрестность. Редутъ занесенъ песчаными сугробами, да и лагерь нашъ представляетъ крайне печальную картину полного разрушенія.

Вечеромъ послѣ этой катастрофы возвратился сюда изъ набѣга кавалерійскій отрядъ майора Навроцкаго, въ ожиданіи котораго мы и стояли здѣсь. Онъ привелъ съ собою болѣе 200 верблюдовъ, нѣсколько сотъ барановъ, до полусотни маленькихъ киргизскихъ лошадей и двухъ захваченныхъ въ степи эммиссаровъ Хивинскаго хана, присланныхъ на Мангышлакъ для возбужденія противъ насъ кочевого населенія. Песчаный ураганъ захватилъ Навроцкаго въ дорогѣ. Легко себѣ представить, что должны были испытать его всадники, обремененные такою огромною обузой!...

Верблюдовъ распредѣлили во всѣ части. Между ними не мало крупныхъ дромадеровъ, весьма цѣнныхъ здѣсь, легко поднимающихъ до 20 пудовъ и извѣстныхъ въ степи подъ именемъ *нардовъ*. Часть лошадей пойдетъ подъ горными орудіями, а другая разобрана офицерами. Я тоже по необходимости приобрѣлъ себѣ одну изъ этихъ, говорятъ, неутомимыхъ крысъ, обладающихъ замѣчательною иноходью, такъ какъ мой Насибъ съ бѣднымъ Султаномъ до сего времени еще въ Сенекахъ...

Во избѣжаніе повторенія въ будущемъ «18 апрѣля» здѣсь было рѣшено назначить начальниками эшелоновъ новыхъ офицеровъ, такъ какъ идти одною общею колонной отрядъ не можетъ, — для всѣхъ сразу не хватитъ воды въ колодцахъ. Вчера утромъ выступилъ отсюда авангардъ подъ начальствомъ подполковника С., а сегодня колонна Апшеронцевъ съ горными орудіями, которую повелъ начальникъ штаба Г., такъ какъ предполагается, что писать въ степи будетъ не къ кому и не о чемъ...

Изъ Камысты, то есть слѣдующихъ колодцевъ, С. прислалъ сюда для пробы бутылку вязнущей на вкусъ желѣзистой воды. Боже мой, какая гадость!.. Видно намъ предстоитъ испытать на себѣ дѣйствіе всевозможныхъ минеральныхъ водъ, прежде чѣмъ мы доберемся до предѣловъ этой заколдованной Хивы...

IX.

Шиферныя горы и желѣзистый ручей. — Гигантская скала и сланцевые шары. — Сѣрые колодцы. — Снова пески и отсталые. — Киргизское кладбище. — Наши карты. — Чакырымъ. — Сай-Буу. — Мавзолей степнаго вятяи и образецъ киргизской скульптуры. — Бусага и его гротъ.

26-го апрѣля, Бусага.

...Оставивъ одну роту съ орудіемъ для занятія Бешъ-Окты, съ остальными войсками мы выступили оттуда утромъ 24 апрѣля и въ полдень прибыли въ Камысты *). Песчаные холмы съ саксауломъ вскорѣ остались за нами, и мы продолжали путь по твердому глинистому грунту. На послѣднихъ верстахъ начался незначительный подъемъ и затѣмъ сразу крутой спускъ по шифернымъ обрывамъ, нависшимъ надъ Камыстинскою впадиной на нѣсколько сотъ футовъ; здѣсь по первобытной тропкѣ, допускающей ѣзду только въ одну лошадь, пришлось спускать наши тяжелыя поле-

*) Камыши.

выя орудія. Эта трудная операція совершилась, къ счастью, благополучно, но люди ежеминутно рисковали очутиться вмѣстѣ съ орудіями на днѣ пропасти...

Изъ подошвы этихъ шиферныхъ горъ вытекаетъ бурою полосой небольшой желѣзистый ручей Камысты, воду котораго мы пробовали еще въ Бешъ-Окты наканунѣ выступленія. Но все его протяженіе ограничивается десятками сажень, такъ какъ онъ пропадаетъ тутъ же въ камышахъ, покрывающихъ незначительное пространство у подошвы горъ.

День снова былъ нестерпимо жаркій, но тѣмъ не менѣе, послѣ небольшого отдыха въ Камысты, мы поѣхали дальше, взявъ съ собою одну кавалерію. Вести колонну остался подполковникъ Бумскій, которому было приказано прождать на бивуакѣ самые жаркіе часы, крайне утомительные для движенія пѣхоты, и затѣмъ слѣдовать за нами.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Камысты мы вступили въ новую песчаную область Ай-Кумъ, столь же обширную, какъ и Туе-Су, но только безъ саксаула. Вытянувшись въ одну лошадь, мы начали извиваться по слѣдамъ проводниковъ между огромными сыпучими барханами и подняли страшную массу пыли; отъ густыхъ ея облаковъ, носившихся надъ нами, казалось, и самое небо задернуто желтою завѣсой, а люди и лошади положительно были неузнаваемы подъ толстымъ слоемъ этой пыли, обращенной въ грязь валившимъ со всѣхъ потомъ...

Хорошо, по крайней мѣрѣ, что невозможно заблу-

диться въ этой мѣстности: съ лѣвой стороны дороги, начиная отъ Камысты и до Бусага, болѣе 60 верстъ непрерывно тянется отвѣсная скала Чинкъ, въ нѣсколько сотъ футовъ вышиной, и изъ нея то и дѣло выглядываютъ наполовину обнаженные и удивительно правильные сланцевые шары отъ самыхъ мелкихъ до огромныхъ, достигающихъ иногда до полуторы сажени въ діаметрѣ. Многіе изъ нихъ валяются у подошвы скалы, оставивъ на ней свои правильныя гнѣзда; другіе въ такой степени высовываются наружу изъ скалы и грозятъ своимъ паденіемъ, что невольно удивляешься какъ они еще держатся... Сферическіе камни, подобные этимъ, я не разъ видѣлъ и на Кавказѣ, въ скалахъ Дагестана, и тамъ, когда удавалось разбить небольшіе изъ нихъ, всегда оказывалось, что они имѣютъ внутри пустое пространство, наполненное полупрозрачными камешками кристаллической формы. Какимъ образомъ могли образоваться въ скалахъ эти чудовищныя естественныя бомбы—пусть рѣшаютъ геологи...

Благодаря глубокимъ пескамъ, которые окончились только у самаго Карашека, мы прибыли къ этимъ колодцамъ поздно ночью, пройдя за весь день всего 43 версты. Казалось мы прошли вдвое больше,—въ такой степени давали себя чувствовать и утомленіе, и волчій голодъ; между тѣмъ верблюды наши, слѣдовательно и всѣ запасы, остались съ колонной, и намъ въ ожиданіи утра ничего больше не оставалось, какъ растянуться на буркѣ съ сѣдломъ у изголовья...

Колодцевъ на Карашекѣ три, но два изъ нихъ

были засыпаны. Вода сильно отзывается тухлыми яйцами, надо полагать, отъ большой примѣси сѣры.

На утро мы уже нашли здѣсь эшелонъ Б—скаго, который съ трудомъ стянулся сюда только къ двумъ часамъ ночи. Артиллерійскія лошади выбились изъ силъ и приходилось прибѣгать къ помощи и безъ того усталыхъ людей, чтобы вытягивать орудія изъ глубокихъ песковъ. Къ полуночи арріергардные казаки дали знать начальнику колонны, что много отсталыхъ... «Да и немудрено, замѣтилъ пѣхотный офицеръ, разсказывавшій мнѣ объ этомъ ночномъ движеніи, — помылите, сдѣлать пѣшкомъ сорокъ три версты по этимъ дьявольскимъ пескамъ!.. Меня назначили для присмотра за отсталыми, и я очень обрадовался этой возможности отдохнуть, потому что пѣшкомъ еле вытаскиваешь ноги изъ песку, а на лошади, съ непривычки, до того меня разломило, что каждая верста казалась цѣлымъ переходомъ. Вотъ я взобрался на одинъ изъ бархановъ на краю дороги, прилегъ на мягкій песокъ, не выпуская поводьевъ своей лошади, и жду арріергардныхъ казаковъ... Прошла послѣдняя рота со своими верблюдами. Черезъ нѣсколько минутъ изъ темноты начала вырисовываться бѣлая фигура солдата.

«— Послушай, много ли назади?»

«— Не могу знать, ваше благородіе, должно не мало...

И солдатъ прошелъ мимо. Показались трос новыхъ; они поравнялись со мной и съ тяжелымъ вздохомъ опустились на песокъ, спиной ко мнѣ... Вскорѣ

послышалось какое-то мурлыканье и вслѣдъ затѣмъ показался верблюдъ и на немъ колыхающаяся фигура Киргиза въ малахаѣ. Ъдетъ себѣ не торопясь и поетъ что-то заунывно вполголоса...

«— Ишь, ему-то легко на чужой спинѣ, поетъ, сатана, заговорилъ одинъ изъ сидѣвшихъ солдатъ,— братцы, не найдемъ дорогу и сгибнемъ въ пескахъ... собьемъ, что ли, съ верблюда этого дьявола?

«— Чего глядѣть!

И, вскочивъ съ мѣста, солдатъ схватился за поводъ верблюда.

«— Слышь, ты, калмыцкая морда, слѣзай, будетъ тебѣ, насидѣлся... Вотъ погляди, какъ мы впервые поѣдемъ.

«— Нэ... нэ баръ?.. (что... что такое?) отозвался Киргизъ въ недоумѣніи...

«— Не паръ, а вотъ ты слѣзь, сатана, а то я те поддамъ пару, не радъ будешь... айда на землю!.. Чокъ, чокъ! произноситъ солдатъ, подергивая книзу поводъ верблюда,—чокъ, дьяволъ!..

Усталый верблюдъ не заставилъ долго просить себя. Онъ жалобно завылъ отъ боли, медленно согнулъ колѣни, и грузно опустилось на песокъ его тяжелое тѣло. Киргизъ продолжалъ сидѣть, повторяя свое «нэ баръ».

«— Слѣзай! Вѣдь по-русски тебѣ говорятъ, а то до смерти убью! продолжалъ урезонивать бойкій солдатъ, но напрасно...

Вотъ онъ плюнулъ, передалъ ружье и стащилъ

на землю Киргиза. Три солдата взобрались на спину верблюда, и по три ноги свѣсались надъ его тощими боками.

«— Ну, подыми его, песъ!»—крикнулъ задній солдатъ, толкая верблюда прикладомъ ружья,—ну, ну!

Верблюдъ всталъ. Солдаты колыхнулись на его спинѣ, а задній съѣхалъ на крупъ и, потерявъ равновѣсіе, навзничь опрокинулся вмѣстѣ съ ружьемъ подъ самый хвостъ верблюда. Послышались энергическія слова упавшаго и дружный хохотъ его товарищей; въ особенности заливался смѣхомъ Киргизъ, какъ бы вознагражденный за свое безцеремонное изгнаніе на землю.

«— Туге *) яманъ!.. яманъ!» твердилъ онъ, но въ то же время подошелъ къ упавшему, дружелюбно помогъ ему взобраться на прежнее мѣсто и самъ взялся за поводъ.

Тѣмъ временемъ подошли еще нѣсколько верблюдовъ съ усталою публикой и весь караванъ съ колыхающимися всадниками тронулся и скрылся за ближайшимъ песчанымъ холмомъ...

Недалеко отъ Карашека, на одномъ изъ каменистыхъ холмовъ, расположено киргизское кладбище. Въ надеждѣ увидѣть что-нибудь интересное, я отправился осмотрѣть его, пока другіе готовились къ выступленію. Каменные ящики, каждый изъ пяти огромныхъ, обтесанныхъ плитъ, служатъ надгробными памятниками и разбросаны по всему холму; они, какъ колпакомъ, по-

*) Верблюдъ.

крываютъ обыкновенныя на всѣхъ кладбищахъ надмогильныя насыпи. Надо полагать, это могилы болѣе богатыхъ степняковъ, такъ какъ были и другія—безъ этихъ сооружений. На тѣхъ земляную насыпь охватываютъ кольцомъ только небольшія плитки необтесанныхъ камней. На нѣкоторыхъ плитахъ болѣе видныхъ могилъ я видѣлъ грубыя изображенія лошадей и оружія, но надписи не было ни одной. Киргизы вѣроятно не глубоко хоронятъ своихъ умершихъ, такъ какъ изъ многихъ полуразрушенныхъ ящиковъ выглядывали черепа и другія кости.

Въ Карашекѣ мы вышли изъ песковъ, которые подъ разными названіями идутъ на югъ до самаго Карабугасскаго залива Каспійскаго моря, и, пройдя всего четыре версты, прибыли къ слѣдующимъ колодцамъ *Сай-Кую*. Это поразило всѣхъ, хотя и пріятно на этотъ разъ, такъ какъ согласно цифрѣ, выставленной на нашихъ картахъ, мы рассчитывали пройти до Сай-Кую добрыхъ тридцать пять верстъ! Разстоянія эти, по всей вѣроятности, обозначены по разспросамъ, поэтому въ будущемъ насъ могутъ поразить и обратные сюрпризы, и этого тѣмъ болѣе нужно ожидать, что Киргизы, надо отдать имъ справедливость, не имѣютъ никакого понятія ни о времени, ни о разстояніи. Единицей для измѣренія разстоянія они считаютъ *чакырымъ* (зовъ), то-есть пространство, на которомъ можетъ быть услышанъ крикъ чловѣка; при такомъ первобытномъ способѣ измѣренія пространства, выходитъ, конечно, что каждый Киргизъ мѣритъ на собственный аршинъ...

Въ Сай-Кую мы провели около трехъ часовъ. Здѣсь двѣнадцать неглубокихъ колодцевъ весьма порядочной, прѣсной воды, а окрестности версты на двѣ были покрыты зеленою травкой и мелкимъ кустарникомъ, составляющимъ любимый кормъ верблюдовъ. Наши лошади, питавшіеся съ самага Киндерли однимъ ячменемъ, съ такою жадностью кинулись на эту травку, что ко времени выступленія, вся она точно была вырвана съ корнемъ...

Все дальнѣйшее пространство до *Бусага* представляетъ гладкую и совершенно голую равнину, раскинувшуюся у подошвы *Чинка*. У самага начала этой пустыни, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сай-Кую, возвышается единственный, но довольно значительный холмъ, на вершинѣ котораго чрезвычайно эффектно красуется издали бѣлый мавзолей степнаго *батыря* *), небольшое четырехъугольное зданіе на подобіе башни, подъ коническимъ куполомъ увѣнчанное небольшимъ шаромъ. Онъ весь изъ бѣлаго камня. Единственное зіяющее отверстіе, оставленное въ одной изъ его стѣнъ хотя съ трудомъ, но позволяетъ просунуться внутрь гробницы, но тамъ страшная темнота, да и нечего, говорятъ, смотрѣть кромѣ голыхъ стѣнъ...

Киргизы рассказывали мнѣ, что гробницы народныхъ героев считаются у нихъ святынями и что поэтому здѣсь ссть обычай, по которому всякій степнякъ, лишившійся въ дорогѣ лошади или верблюда, остав-

*) Витязь.

ляетъ весь свой багажъ, какъ бы цѣненъ онъ ни былъ, въ первой попавшейся гробницѣ батыря, съ полною увѣренностью, что найдетъ все въ цѣлости, когда бы за нимъ ни пріѣхалъ.

Вокругъ мавзолея разбросаны еще другіе надгробные памятники, но они не имѣютъ ничего общаго съ карашекскими. Большіе камни, изсѣченные узорами, поставлены здѣсь вертикально, какъ вообще на мусульманскихъ кладбищахъ Востока, но опять безо всякихъ надписей. Между ними одинъ имѣетъ чрезвычайно оригинальную форму: изъ довольно большой глыбы камня высѣчены туловище на четырехъ ногахъ и голова, смутно напоминающая о томъ, что киргизскій скульпторъ пытался изобразить лошадь...

Подъ вечеръ мы прибыли въ Бусага, не чувствуя никакой усталости, такъ какъ благодаря хорошей дорогѣ, насъ все время развлекали пѣсни казаковъ и зурны конно-иррегулярцевъ. Здѣсь мы нашли авангардъ и первую колонну, а нѣсколько позже подошелъ и Б—скій со своими войсками, сдѣлавъ въ эти два дня около девяноста верстъ. Такимъ образомъ сегодня, на дневкѣ, въ сборѣ весь нашъ отрядъ, и это тѣмъ болѣе кстати, что здѣсь шесть неглубокихъ и обильныхъ колодцевъ отличной прѣсной воды, а вокругъ прекрасный верблюжій кормъ.

Недалеко отъ колодцевъ, подъ однимъ изъ холмовъ, мы нашли здѣсь искусственный гротъ, который можетъ вмѣстить нѣсколько десятковъ людей; для предохраненія отъ обвала въ немъ оставлены неправиль-

ные земляные столбы, придающие ему нѣсколько фантастическій характеръ сталактитовыхъ пещеръ. Гротъ, конечно, выкопанъ Киргизами, которые ежегодно кочуютъ у Бусага, но для чего? Наши проводники не могли отвѣтить на этотъ вопросъ.

Х.

Подъемъ на Усть-Юртъ и дальнѣйшій путь. — Колодезь-монстръ. —
Находка Незабвеннаго и признаніе „единовѣрцу“. — Прибытіе въ
Ильтедже.

30 апрѣля Ильтедже.

Мы быстро подвигаемся впередъ. Огромные переходы одинъ за другимъ точно мелькаютъ предъ нами. Каждый вечеръ мнѣ приходится отмѣчать на своей двадцативерстной картѣ нѣсколько дюймовъ пройденныхъ въ теченіе дня, и это наглядное удостовѣреніе въ быстромъ приближеніи къ цѣли составляетъ пока единственное удовольствіе, которое мы испытываемъ въ настоящемъ походѣ. Въ 48 часовъ мы пролетѣли послѣднія 140 верстъ до Ильтедже; конечно, такъ двигалась одна только кавалерія, но и для нея эти переходы нельзя не считать блистательными, если принять въ соображеніе ту адскую обстановку, въ которой они совершались... Однако я забѣгаю впередъ.

Киргизы, посланные изъ Сенекъ для осмотра впереди лежащихъ колодцевъ, возвратились предъ нашимъ

выступленіемъ изъ Бусага съ извѣстіемъ, что засыпаны только нѣкоторые изъ нихъ, а остальные въ порядкѣ, но не многоводны. Скопленіе войскъ у такихъ мало-водныхъ колодцевъ повлекло бы за собой значительныя неудобства и, между прочимъ, потерю времени для большей части отряда, такъ какъ исчерпанные колодцы вновь наполняются водою, въ самомъ счастливомъ случаѣ, лишь по истеченіи нѣсколькихъ часовъ; количество же воды въ нихъ едва удовлетворяетъ потребности нѣсколькихъ ротъ. Изъ этихъ данныхъ самъ собой вытекалъ единственно возможный здѣсь порядокъ движенія для всякаго болѣе или менѣе значительнаго отряда: возможно большимъ количествомъ маленькихъ эшелоновъ, такъ какъ собственно непріятель покамѣстъ можетъ быть вовсе не принимаемъ въ соображеніе... Согласно этому отрядъ нашъ двигался четырьмя эшелонами: впереди, на цѣлый переходъ, шелъ авангардъ; за нимъ—обѣ пѣхотныя колонны на разстояніи полуперехода другъ отъ друга; наконецъ—кавалерія, которая выступала нѣсколькими часами позже пѣхоты и перегоняла ее въ продолженіе дня. Тотъ неповоротливый строй, который, при движеніи къ Сенскамъ, уподоблялъ нашъ отрядъ арміи Густава Адольфа, брошенъ какъ совершенно ненужный и каждый эшелонъ вытягивается теперь обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ...

Кавалерія съ начальникомъ отряда выступила изъ Бусага около 8 часовъ утра 27 апрѣля. Какъ и прежде, на первыхъ двадцати верстахъ дорога бѣжитъ по

гладкой равнинѣ и какъ бы усыпана мелкимъ щебнемъ; затѣмъ скалистый Чинкъ, огибающій Бусага съ востока, становится поперекъ дороги своими огромными извилинами и далѣе непрерывно тянется на югъ, до самаго Карабугасскаго залива. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ караванный путь упирается на Чинкъ, послѣдній уже не является одною отвѣсною грандіозной скалою, а имѣетъ видъ обрывистыхъ террасъ, общіе склоны которыхъ образуютъ здѣсь нѣчто въ родѣ ущелья.

На протяженіи нѣсколькихъ верстъ ряды этихъ террасъ идутъ по обѣимъ сторонамъ дороги, все болѣе и болѣе сближаясь между собой, и тамъ, гдѣ они сходятся подъ довольно острымъ угломъ, лежатъ колодцы (*Кара-Кынъ* *) и начинается крутой подъемъ на сплошную возвышенность *Устъ-Юртъ*.

Когда мы прибыли къ этому мѣсту, кстати чрезвычайно вѣрно изображенному на нашихъ картахъ со всѣми извилинами Чинка, на одной изъ террасъ, возвышающихся надъ колодцами, отдыхали Ширванцы; мы присоединились къ нимъ и вмѣстѣ простояли здѣсь, пока не началъ умѣряться полуденный жаръ. Колодецъ семь, вода весьма порядочная.

Въ 4 часа пополудни мы поднялись на Устъ-Юртъ. Съ одной стороны рѣзкія извилины Чинка крутымъ обрывистымъ берегомъ, казалось, очерчивали только что высохшее море, лежавшее подъ нами; съ другой, точно весь востокъ растянулся одною сплош-

*) Черный песокъ.

ною, безпредѣльною равниной!.. Киргизы предупредили насъ, что на Усть-Юртѣ мы не увидимъ даже тѣхъ небольшихъ неровностей почвы, которыя до сихъ поръ разнообразили нашу дорогу. И вотъ, отдѣлившись у самага подъема отъ пѣхоты, мы пустились крупнымъ шагомъ въ эту непривѣтливую голую пустыню... Мы проѣхали нѣсколько часовъ,—въ самомъ дѣлѣ поразительная равнина! Куда бы ни взглянулъ, на горизонтѣ виднѣлась только одна прямая и легкая черта, отдѣляющая безоблачное небо отъ гладкой поверхности темнубурой земли. Прибавьте нѣсколько мелкихъ ящерицъ и змѣй, и вотъ вамъ неизмѣнные пейзажъ и жизнь Усть-Юрта!..

Обыкновенно солнце какъ-то незамѣтно скрывалось за горизонтомъ, но въ этотъ первый вечеръ на Усть-Юртѣ я былъ пораженъ прелестною картиною заката. Красно-багровое небо придавало такой же колоритъ безконечной степи и по ней отчетливо рисовались темные силуэты нашихъ всадниковъ съ развѣвающимися значками; слѣдующіе ихъ ряды какъ бы тонули въ густыхъ облакахъ пыли пропитанныхъ, также багровымъ свѣтомъ, и эффектно выростали изъ нихъ по мѣрѣ приближенія къ первому плану... Но вскорѣ этотъ фантастическій свѣтъ скрылся за темною завѣсой приближающейся ночи и сгустился такой мракъ, что хоть глаза выколи! Чувствовался холодъ, температура съ 38° быстро опустилась на 12. Было уже поздно. Всѣ ѣхали молча и только однообразный глухой топотъ коней отдавался по степи какимъ-то мрач-

нымъ подземнымъ гуломъ... Надоѣла безконечная дорога!

— Касумка! Сколько осталось до колодца?

— Теперь скоро,—пять чакырымъ.

Проходитъ цѣлый часъ.

— Кабанъ! скоро ли пріѣдемъ?

— Скоро, скоро,—бешъ (пять) чакырымъ.

— Чортъ бы васъ побралъ съ вашими чакырымами! отзывается въ темнотѣ упорно молчавшій до сихъ поръ «Ананасъ».—Эти каналы хоть бы вратъ выучились, все было бы легче...

Подобные отвѣты съ небольшими вариациями повторялись вплоть до 11 часовъ, когда наконецъ мы подошли къ *Кыныфу*. Проводники считали сюда *3 часа пути* съ Карақына.

Вокругъ колодца, не смотря на позднее время, толпились и шумѣли челоѣкъ двѣсти Апшеронцевъ. Къ нимъ подѣхалъ начальникъ отряда.

— Давно вы пришли, ребята? спросилъ онъ послѣбъ обычного «здорово».

— Часа три будетъ, ваше высокоблагородіе.

— Напоили верблюдовъ?

— Никакъ нѣтъ; и люди еще не напились.

— Какъ же такъ?!

— Колодезь *одинъ* и трудно достать изъ него, веревки не выдерживаютъ. Ведра два вытащатъ, а тамъ, смотришь, лопнула... Уже ведеръ семь такъ съ веревками и пошли на дно... Глубокъ *маленько*, ваше высокоблагородіе,—*сорокъ сажень!*..

Одинъ колодезь, да еще съ водой на сорока-саженной глубинѣ, на тысячу съ лишнимъ людей и на столько же лошадей и верблюдовъ, — не дурень сюрпризь!.. Но, признаюсь, онъ не произвелъ на меня особаго впечатлѣнія въ ту минуту. Подъ вліяніемъ должно быть невольнаго эгоизма, который, при физическомъ изнеможеніи, часто пересиливаетъ лучшія стороны человѣческой натуры, мнѣ гораздо досаднѣе было то, что верблюды наши, по обыкновенію, остались назади: ѣсть и спать хотѣлось ужасно!..

Я обратился къ моему Лезгину съ вопросомъ, нѣтъ ли у него чего-нибудь пригоднаго для желудка?

— Есть въ карманѣ четыре сухаря, отвѣчалъ Насибъ.

— Ну, подѣлись, братъ, со мной... да принеси сѣдло подъ голову.

— Сѣдло еще нельзя снять, — лошадь вся мокрая. Вотъ, не хочешь ли торбу съ овсомъ?

— Прекрасно, давай!

И вотъ, среди нестерпимой вони отъ потныхъ верблюдовъ, лежавшихъ по всему лагерю, я съ трудомъ прогрызъ два почти окаменѣлые сухаря и заснулъ безмятежнымъ сномъ. Не лучше была и доля моихъ спутниковъ...

Утромъ, вслѣдствіе рѣзкихъ перемѣнъ въ температурѣ дня и ночи, я оставилъ свое спартанское ложе въ маленькой лихорадкѣ и пошелъ взглянуть на стеной феноменъ, называемый Кыныромъ. Зіяющая пасть этого чудовища тщательно выложена камнями и увѣн-

чана огромною глыбой на подобіе мельничнаго жернова съ круглымъ отверстіемъ по срединѣ; рядомъ большая ванна для водопоя, тоже изъ цѣльнаго камня. Вода непріятно-горьковатаго вкуса.

Провозившись всю ночь и не набравъ достаточно воды, Апшеронцы выступили отсюда въ 4 часа утра. Съ тѣхъ поръ обступали колодезь казаки и конно-иррегулярцы со своими лошадьми. Уже испытавъ нѣсколько неудачъ, люди эти дѣлали послѣднюю попытку достать воду и, за неимѣніемъ длиннаго каната, связывали между собой разныя веревки и недоуздки. Послѣ долгихъ хлопотъ *кауга* начала опускаться... Не достаеъ. Подвязали еще нѣсколько недоузdkoвъ.

— Ну-ка, братцы, тяните... идеть!

И нѣсколько наловчившихся казаковъ дружно перебираютъ веревку. Раздался неожиданный трескъ,— казаки отшатнулись. Оборвавшаяся *кауга* полетѣла обратно въ колодезь и нѣсколько мгновеній спустя изъ его глубины донесся только едва слышный плескъ...

Кто-то предложилъ опустить на веревкѣ киргизскую пику съ изогнутымъ концомъ, чтобы захватить изъ колодца ведра и *каугу*. Сказано-сдѣлано. Крючокъ, дѣйствительно, зацѣпилъ что-то тяжеловѣсное, но веревка оборвалась и на этотъ разъ, и, къ общему огорченію, все полетѣло назадъ... Раздался сигналъ къ выступленію. Казаки поспѣшно вскочили *на непоенныхъ коней и безъ воды пустились въ безводную степь...* Какъ не замедлили обнаружить послѣдствія, это была большая неосторожность.

Киргизы, равнодушно смотрѣвшіе до сихъ поръ на всѣ неудачи нашихъ кавалеристовъ, теперь обступили колодезь и моментально спустили въ него одного изъ своихъ братьевъ, перехвативъ его за талию концомъ длинной веревки. Не прошло и двадцати минутъ, какъ они спокойно уже поили своихъ лошадей, вытаскивъ предварительно изъ колодца цѣлую груду солдатскихъ ведеръ и котелковъ... Что значитъ привычное дѣло!

Солнце въ этотъ день свѣтило какъ-то особенно ярко и часовъ въ десять запекло такъ сильно, что невозможно было держать ноги въ раскаленныхъ стремянахъ или прикоснуться къ оружію. Отъ сильнаго жара многіе жаловались на головную боль. Лошади покрылись пѣной; струи пота сбѣгали на ихъ копыта, шагъ ихъ становился все медленнѣе и нѣкоторые всадники уже слѣзли, видя замѣтное изнуреніе своихъ коней. Между тѣмъ, до *Акъ-Мечети*, цѣли нашего движенія, оставалось еще вдвое болѣе, чѣмъ мы успѣли проѣхать, и въ виду этого, положеніе наше становилось критическимъ... Но какъ помочь дѣлу?

Направо отъ насъ на краю горизонта подвигалась какая-то масса, подымая густыя облака пыли, и мы остановились на нѣсколько минутъ, чтобы направить туда свои бинокли. Оказалось, то были Апшеронцы, повернувшіе въ сторону отъ дороги на промежуточные колодцы *Узунъ*, такъ какъ въ эту жару было бы совершенно немыслимо для пѣхоты пройти въ одинъ день отъ Кыпыра до Акъ-Мечети.

Во время этой остановки полковникъ Л. обратилъ вниманіе на нѣсколько тропинокъ, которые пересѣкали нашу дорогу и подобно радіусамъ направлялись къ одному пункту влѣво отъ насъ. Касумка полетѣлъ узнать, куда ведутъ эти тропки, и минутъ черезъ двадцать снова показался въ отдаленіи.

— Сюда, сюда! надрывался Касумка, махая своею шапкой,—колодезь!..

Киргизы помчались туда, какъ шальные. За ними молча поѣхали и мы, почти не сомнѣваясь въ томъ, что неизвѣстный, по всей вѣроятности, заброшенный колодезь, не отмѣченный даже на картѣ и случайно найденный почти на краю караванной дороги, доставитъ намъ если не *каундинскій нектаръ*, то какую-нибудь отраву, которая можетъ поспорить съ нимъ. Наконецъ, кричали «колодезь», но воды могло и вовсе не оказаться въ немъ, и это казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что не хотѣлось вѣрить, чтобы проводники не могли не знать о существованіи колодца въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ. А заподозрить ихъ преданность мы еще не имѣли основанія...

Въ верстѣ отъ дороги, въ маленькой впадинѣ, поросшей полынью, мы еще издали увидали небольшое и единственное отверстіе, обложенное камнями. Киргизы уже достали ведро воды и съ сіяющими лицами поднесли его начальнику отряда; тотъ приказалъ одному изъ проводниковъ выпить раньше, а затѣмъ попробовалъ и самъ, — эта предосторожность считается не лишнею въ виду слуховъ о томъ, что Хивинцы

отравили нѣкоторые колодцы.—Превосходная вода!—воскликнулъ Л.

Я заподозрилъ въ этомъ возгласѣ умышленную похвалу и съ недовѣріемъ приподнялъ ведро... Бѣлая часть изъ насъ въ такой степени была измучена жаждой и зноемъ, что всякую лужу приняла бы какъ спасеніе... Представьте же теперь нашъ восторгъ, когда вода дѣйствительно оказалась превосходною во всѣхъ отношеніяхъ,—холодною и чистою, почти какъ у лучшаго горнаго ключа на Кавказѣ!.. Вода! кажется, чѣмъ тутъ восторгаться? Мы ее забываемъ на цѣлые мѣсяцы при обыкновенныхъ условіяхъ жизни... Да, кто не провелъ нѣсколько дней въ пустынѣ подъ палящимъ солнцемъ, кто не задыхался и не испытывалъ головокруженія отъ жажды, наконецъ, кто въ продолженіе цѣлыхъ недѣль не пилъ подъ именемъ воды самыя убійственныя микстуры,—тотъ, пожалуй, не пойметъ нашего восторга предъ убогимъ колодцемъ прохладной воды! Но мы никогда не забудемъ этого колодца, такъ кстати подвернувшася намъ 28 апрѣля. Изъ проводниковъ никто не зналъ его туземнаго названія *Курукъ*, и потому тутъ же, за веселымъ завтракомъ, я предложилъ окрестить его *Незабвеннымъ*, и подъ этимъ именемъ онъ уже нанесенъ на карту.

Привалъ нашъ у Незабвеннаго продолжался нѣсколько часовъ. Все это время самая энергическая работа нашихъ кавалеристовъ не прекращалась ни на минуту, и около пяти часовъ вечера, когда поили послѣднихъ лошадей, онъ былъ исчерпанъ до послѣд-

ней капли и изъ него доставали одну только грязь. За то люди, лошади пришли въ такое состояніе, что могли бы безостановочно двигаться хотъ до разсвѣта слѣдующаго дня.

Колодцы на Усть-Юртѣ показаны на нашихъ картахъ крайне невѣрно, но ихъ, надо полагать, не мало. Это подтверждается, между прочимъ, интереснымъ разговоромъ, бывшимъ въ тотъ же день между однимъ Киргизомъ и подполковникомъ конно-иррегулярнаго полка Квинитадзе. Надо замѣтить, что офицеръ этотъ Имеретинъ и христіанинъ, но въ теченіе тридцатилѣтней службы своей среди горцевъ олезгинился въ такой степени, что трудно не ошибиться въ его національности.

— Ты, кажется, мусульманинъ? спрашиваетъ Киргизъ подполковника, оглядывая его горскій костюмъ и окладистую бороду.

— Благодареніе Аллаху, мусульманинъ.

— И идешь драться съ мусульманами? продолжалъ Киргизъ съ нѣкоторымъ упрекомъ въ голосѣ.

— Ведутъ,—иду поневолѣ, отвѣтилъ подполковникъ, желая вызвать на откровенность своего собеседника.

Киргизъ помолчалъ нѣкоторое время и затѣмъ проговорилъ, понизивъ тонъ, какъ бы про себя.

— Кырылсынъ! (да погибнуть).

— Они-то пусть погибнуть, подхватилъ мнимый мусульманинъ,—а мы?..

— Вы не погибнете, отвѣтилъ Киргизъ почти

шепотомъ,—здѣсь много колодцевъ вокругъ. Русскіе записали и знаютъ только тѣ, которые на самомъ пути. Если они погибнутъ въ степи, вамъ, мусульманамъ, мы вездѣ покажемъ воду и вы благополучно вернетесь на родину...

Проводники наши, надо имъ отдать справедливость, служатъ плохо, постоянно отговариваясь тѣмъ, что «здѣсь не бывали». Но до поры до времени приходится смотрѣть сквозь пальцы на это, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы рискуемъ быть брошенными на произволъ судьбы, не найдя ни одного изъ нихъ въ одно прекрасное утро...

Поздно вечеромъ 28 числа мы настигли авангардную колонну и вмѣстѣ съ нею ночевали у *Акз-Мечети* *). Откуда произошло это громкое названіе, Богъ вѣдаетъ, но здѣсь не было ровно ничего, кромѣ двухъ колодезныхъ отверстій. На другой день рано утромъ мы перегнали на половинѣ пути ту же колонну, выступившую съ ночлега еще до разсвѣта, и въ 10 часовъ утра съ одною кавалеріей прибыли въ Ильтедже.

*) Бѣлая мечеть.

XI.

**Ильтедже и сюрпризъ изъ его колодца. — Редутъ и судьба его гарнизона. — Значеніе опорныхъ пунктовъ. — Стоянка въ степи. —
Развлеченіе 1 мая и первая почта. — Послѣдствія жары.**

2 мая. Ильтедже..

Черезъ Ильтедже, по крайней мѣрѣ на картѣ, проходитъ граница между нашими и хивинскими владѣніями, которыя на самомъ дѣлѣ никогда и не были разграничены. Мѣсто это избрано для устройства второго нашего укрѣпленія, и только здѣсь мы, такъ сказать, вступаемъ въ непріятельскую землю. По всѣмъ этимъ причинамъ въ продолженіе похода какъ-то особенно много говорилось объ этомъ пунктѣ, мы спѣшили къ нему съ такимъ нетерпѣніемъ и чего-то ждали отъ него. И вотъ пришли: та же степь и та же безотрадная голая равнина съ нѣсколькими круглыми скважинами въ одномъ мѣстѣ.

Изъ семи ильтеджинскихъ колодцевъ вода была только въ одномъ и то съ большою примѣсью сѣры; остальные были засыпаны. Такимъ образомъ неблагоприятные слухи отчасти подтвердились, но благодаря Киргизамъ дѣло было поправлено. Они съ замѣчатель-

нымъ умѣніемъ и ловкостію приступили къ расчисткѣ колодцевъ и такъ быстро добрались до воды, выбравъ изъ нихъ огромную массу земли и грязи, что шесть колодцевъ были въ совершенномъ порядкѣ ко времени прихода сюда авангарда. Зато къ седьмому невозможно было подойти отъ страшной вони и въ немъ оказалась дохлая собака. Мы, конечно, думали, что падалъ заброшена туда съ цѣлью испортить намъ воду, но Киргизы не допускаютъ этой мысли. Они полагаютъ, что собака отдѣлилась отъ какого-нибудь каравана и, что нерѣдко случается здѣсь, невыносимыя муки отъ жажды заставили бѣдное животное прыгнуть въ колодезь

30-го стянулся сюда весь отрядъ и въ тотъ же день было приступлено къ постройкѣ редута такой же профили, какъ Бешъ-Октинскій. Сегодня онъ уже готовъ, и въ немъ останется изолированной отъ всего міра, быть-можетъ на многіе мѣсяцы, одна Апшеронская рота штабсъ-капитана Гриневича, съ продовольствіемъ на одинъ мѣсяцъ и со всѣми верблюдами, пришедшими въ негодность въ теченіе похода *).

*) Считаю не лишнимъ прибавить здѣсь нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ этой роты. Мѣсяцъ на исходѣ, продовольствія не подвозятъ. Гриневичъ уменьшаетъ ежедневную дачу и ждетъ съ поразительнымъ хладнокровіемъ, но продовольствія нѣтъ и нѣтъ. Проходитъ мѣсяцъ—въ запасѣ остается всего по два фунта сухарей на человѣка и въ перспективѣ голодная смерть. Тогда командиръ роты выстраиваетъ своихъ людей и объявляетъ имъ, что для своего спасенія они должны *съ двумя фунтами сухарей пройти болѣе 220 верстъ*. Рота выступаетъ въ ту же минуту и на четвертый день приходитъ въ Бешъ-Окты, похоронивъ въ дорогѣ только одного солдата. Этотъ молодецкій поступокъ доставилъ Гриневичу искреннее уваженіе всѣхъ офицеровъ отряда. Продовольствіе же не было доставлено по недостатку верблюдовъ.

Обезпечить роту продовольствіемъ на дальнѣйшее время долженъ начальникъ опорныхъ пунктовъ майоръ Навроцкій, если ему удастся добыть для этого перевозочныя средства.

Говоря откровенно, я не понимаю цѣли нашихъ «опорныхъ» пунктовъ. Обезпечить наше сообщеніе съ тыломъ, то-есть съ Киндерли, они не могутъ, если тутъ возникнутъ враждебныя дѣйствія, такъ какъ отстоятъ для этого слишкомъ далеко другъ отъ друга. Слѣдовательно, есть ли эти пункты или нѣтъ, транспорты съ продовольствіемъ могутъ двигаться за нами только съ надежнымъ прикрытіемъ. Служить такъ называемыми базами нашихъ операцій въ ханствѣ также не могутъ; мы удалимся отъ нихъ на многія сотни верстъ и для насъ будетъ совершенно безразлично, есть ли за нами заброшенная гдѣ-то въ степи рота или нѣтъ ея. Между тѣмъ пункты эти отнимаютъ цѣлыя роты отъ нашего и безъ того крайне слабаго отряда, и это выдѣленіе едва ли не будетъ чувствительно для насъ, въ особенности въ томъ случаѣ, если почему-либо намъ не удастся соединиться съ Оренбургскимъ отрядомъ, и мы принуждены будемъ самостоятельно дѣйствовать со своими двумя баталіонами противъ, быть можетъ, соединенныхъ силъ всего Хивинскаго ханства. Конечно, этотъ случай крайній, но никто не можетъ поручиться, что онъ не будетъ имѣть мѣста.

Мы проводимъ здѣсь третій день, и вы себѣ представить не можете, что́ это за скука стоять въ степи.

Уже лучше двигаться!.. Выспался и затѣмъ не знаешь, что дѣлать: все переговорено, всѣ уже выдохлись. Покажется «Ананасъ»,—и уже знаешь, который изъ сго анекдотовъ будетъ повторенъ чуть не въ сотый разъ. И «Соловей» замолкъ,—ему уже не до пѣсенъ: онъ принужденъ былъ бросить въ степи своего изнуреннаго буцефала и идти пѣшкомъ послѣдніе переходы... Взялся было за книгу,—задулъ сухой и жгучій южный вѣтеръ и поднялъ пыль, которая затмевала воздухъ и отъ которой нѣтъ возможности убежаться никакимъ покрываломъ; она обезобразила все и всѣхъ и просто съѣла глаза. Оставалось одно, лежать съ закрытымъ лицомъ подъ убогою тѣнью африканскаго шатра и прислушиваться къ его однообразному трепетанью... Такъ прошли два дня.

Вчера, 1 мая, вздумали пускать боевыя ракеты для практики молодыхъ Лезгинъ и казаковъ, изъ которыхъ состоитъ наша ракетная команда. Многимъ изъ насъ, и мнѣ въ томъ числѣ, никогда не приходилось видѣть полетъ этого снаряда, и потому мы съ любопытствомъ смотрѣли, какъ ракеты со змѣинымъ шипѣніемъ вылетали изъ станковъ и съ трескомъ разрывались далеко въ сторонѣ отъ взятаго направленія, благодаря сильному вѣтру...

Едва окончилось это развлеченіе, какъ неожиданно прибылъ нарочный Киргизъ изъ Киндерли и привезъ намъ первую почту, съ массой газетъ и писемъ. Благодаря этому, остальной день прошелъ почти незамѣтно.

Колонны уже выступили отсюда въ прежнемъ порядкѣ. Черезъ нѣсколько часовъ тронемся и мы, но усилившійся вѣтеръ и пыль, вѣроятно, отравятъ весь сегодняшній переходъ.

Окончивъ это письмо, я приказалъ своему вѣстовому подать сургучъ и свѣчу. Провозившись что-то долго въ одномъ изъ выючныхъ сундуковъ, вѣстовой, какъ-то особенно ухмыляясь, поднесъ мнѣ коробку и четыре фитиля вмѣсто свѣчей... Стеаринъ растаялъ, а изъ отдѣльныхъ сургучныхъ палочекъ образовалась одна сплошная масса, и все это—внутри сундука, куда, конечно, не проникаетъ солнце... Можете судить изъ этого, какая температура насъ сопровождаетъ.

ХІІ.

Путь до Алана и общее впечатлѣніе Усть-Юрта. — Табынъ-Су и недоразумѣніе. — Первые плѣнные и первое извѣстіе объ отрядѣ Вережкина. — Измѣненіе маршрута съ цѣлью сближенія съ Оренбургцами. — Барса-Кильмасъ. — Аланъ и его цистерна. — Туркменское преданіе о походѣ князя Бековича-Черкаскаго.

6 мая, Аланъ.

Въ два съ половиной дня мы углубились въ степь еще на 135 верстъ и утромъ 5 мая прибыли въ *Аланъ*. Послѣдній пунктъ, какъ увидите, и самъ по себѣ, и по своимъ историческимъ преданіямъ не лишенъ значительнаго интереса; но зато цѣлый рядъ предшествующихъ ему колодцевъ, *Байлыръ*, *Кызылъ-Агыръ*, *Байчаныръ* и *Табынъ-Су*, только вѣрныя копіи съ какихъ-нибудь *Акъ-Мечетей*, на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Пустынный Усть-Юртъ попрежнему стелется во всѣ стороны, безбрежною, безмолвною и сѣрою равниной безъ красокъ, какъ одна сплошная, сравнявшаяся могила. Ничто не напоминаетъ о его прошломъ, точно всѣ минувшіе вѣка безслѣдно пронесли надъ гробовымъ молчаніемъ этого

обширнаго, заколдованнаго царства смерти... Потомъ, тѣ же скучныя и утомительныя переѣзды отъ колодца къ колодцу и спартанскіе ночлеги безъ крова и пріюта; тѣ же невыносимыя зной и жажда, постоянныя здѣсь, какъ вѣчность, какъ роковая неизбѣжность; наконецъ, тотъ же ежедневный видъ колоннъ то прибывающихъ, то выступающихъ. Вся разница въ томъ, что мы еще чаще мѣняли на этомъ пространствѣ минеральныя воды, скверную на отвратительную или наоборотъ, и разстояніе между ними оказывалось 30 верстъ вмѣсто 70, если не обратно... Когда же, думаешь, мы выберемся изъ этого ада, который сушить, жжетъ, валить съ ногъ, и только ночью даетъ слегка оправиться, собраться съ силами для перенесенія новыхъ мукъ, новыхъ испытаній!...

Ужасная глушь!... Я вношу въ свою походную книжку чуть не каждую глыбу камня, встрѣченную на пути; тѣмъ не менѣе, перелистывая ея страницы за послѣдніе дни, въ которые мы сдѣлали почти полтора верста, я нахожу однѣ крайне не интересныя замѣтки о томъ, когда мы выступили, когда настигли такую-то колонну и гдѣ ночевали съ тою или другою изъ нихъ. Около *Байлыра* мы встрѣтили небольшое степное кладбище *Бай*, съ почернѣвшими отъ времени надгробными камнями; это единственный признакъ человѣческой жизни, когда-либо бывшей на огромномъ пространствѣ отъ Бусага до Алана...

Верстахъ въ двухъ отъ послѣдняго колодца *Табынъ-Су* дорога вступаетъ въ районъ песчаныхъ хол-

мовъ, съ рѣдкими саксауловыми кустами, и тянется въ этой обстановкѣ на нѣсколько часовъ ѣзды. Вода въ этихъ колодцахъ особенно памятна по своему гадкому, совершенно соленому вкусу. Судя по ея безразличному дѣйствию на всѣхъ, не исключая лошадей верблюдовъ, нужно думать, что она могла бы успѣшно замѣнить въ медицинѣ самыя сильныя слабительныя средства.

Едва мы прибыли къ этимъ колодцамъ, изъ запоздавшей нѣсколько арріергардной сотни прискакалъ всадникъ съ извѣстіемъ, что въ сторонѣ отъ дороги показалась какая-то большая партія людей съ табуномъ, и что завидя ее сотня сбросила на дорогѣ всѣ свои тяжести и поскакала на добычу. Начальникъ отряда тотчасъ же нарядилъ туда еще сотню изъ лагеря. Съ нсю вмѣстѣ и мы вскочили на неразсѣдланныхъ еще коней и полетѣли по указанному направленію, нѣсколько южнѣ нашей дороги... Уже темнѣло, когда арріергардная сотня приблизилась ко мнимой партіи и... едва не сдѣлалась жертвой своей ошибки; ее встрѣтилъ готовый къ бою и чуть не залпомъ нашъ же авангардъ, въ свою очередь введенный въ заблужденіе. Съ обѣихъ сторонъ послѣдовало, конечно, полнѣйшее разочарованіе. Подполковникъ С. вышелъ изъ Байчагара ранѣ насъ и, сойдя съ караванной дороги, взялъ южнѣе и направился прямо на *Иттибай* чрезъ колодезь *Мендали*. Его-то колонну на бивуакѣ, оказалось, арріергардъ принялъ за враждебную партію... Наша вспомогательная сотня была не боляче счастлива:

безплодно порыскавъ по степи нѣсколько часовъ и загнавъ бѣдныхъ лошадей, мы не нашли даже своего авангарда и поздно ночью торжественно вернулись въ *Табынъ-Су*. Эта вечерняя прогулка послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на конѣ, привела насъ въ такое состояніе, что просто животы подводило отъ голоду; между тѣмъ, по обыкновенію, въ Табынъ-Су насъ ждалъ ужинъ, состоявшій изъ одного чая съ солдатскими сухарями...

Проводники наши, посланные впередъ для осмотра колодцевъ, зайдѣли около Табынъ-Су нѣсколько хивинскихъ Киргизовъ съ верблюдами и лошадьми. Тѣ пустились было бѣжать, но наши настигли ихъ и привели къ начальнику отряда трехъ Киргизовъ, пять лошадей и семь верблюдовъ. Эти плѣнные подвернулись весьма кстати, такъ какъ отъ нихъ мы получили первое извѣстіе объ Оренбургскомъ отрядѣ; по словамъ пойманныхъ, дней пять тому назадъ отрядъ генерала Веревкина стоялъ на западномъ берегу Аральскаго моря, у мыса *Уру-Мурунъ*, и дня два тому назадъ они же видѣли въ степи посланныхъ этого генерала, развозившихъ его успокоительныя прокламаціи, обращенныя къ кочевому населенію. Плѣнные Киргизы, какъ знатоки мѣстности, могутъ принести намъ немалую пользу и потому имъ обѣщаны полная безопасность и денежное вознагражденіе подъ условіемъ ихъ службы въ качествѣ нашихъ проводниковъ. Двое изъ нихъ уже отправлены впередъ за точными свѣдѣніями о направленіи движенія Оренбургцевъ.

Покаместъ, до полученія болѣе опредѣленныхъ извѣстій объ Оренбуржцахъ, предположенія о возможномъ пунктѣ соединенія обоихъ отрядовъ основываются на слѣдующихъ соображеніяхъ: Айбугирскій заливъ Аральскаго моря составляетъ западную границу Хивинскаго оазиса и отсюда идутъ на Хиву двѣ важнѣйшія дороги: сѣверная—чрезъ Кунградъ и южная—чрезъ Куня-Ургенчъ. Генералъ Веревкинъ, находившійся еще недавно у мыса Ургу-Мурунъ, можетъ проникнуть въ ханство только обогнувъ Айбугиръ съ юга; это естественный путь для движенія туда изъ Оренбурга, избранный еще графомъ Перовскимъ для экспедиціи 1839 года, и въ такомъ случаѣ онъ выйдетъ на южную дорогу, и соединеніе наше можетъ послѣдовать гдѣ-нибудь предъ Куня-Ургенчемъ. Но Айбугирскій заливъ, по словамъ нашихъ плѣнныхъ, совершенно высохъ еще лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, и дно его не составляетъ уже препятствія для движенія отрядовъ; если это справедливо, Оренбуржцамъ нѣтъ надобности огибать далекій Айбугиръ, они могутъ пересѣчь его поперекъ и прямо выйти на сѣверную дорогу, т. е. на Кунградъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, продолжая движеніе по караванной дорогѣ, мы должны будемъ взять собственными силами Куня-Ургенчъ, и тогда можемъ соединиться съ Оренбуржцами только въ городѣ Ходжейли, гдѣ подъ острымъ угломъ сходятся обѣ западныя дороги... Въ виду этихъ соображеній, начальникъ отряда рѣшилъ оставить на время караванную дорогу и сосредоточить весь отрядъ

нѣсколько сѣвернѣе, у многоводнаго *Алана*, какъ центральнаго пункта между обоими западными путями, наиболѣе сближающаго насъ къ Оренбургцамъ, которая бы изъ дорогъ ни была ими избрана для своего вступленія въ Хивинскій оазисъ.

На основаніи всего этого, на разсвѣтѣ 5 мая мы выступили изъ Табынъ-Су и, взрывая глубокіе пески, направились къ Алану. Въ этотъ день, какъ и во всѣ предшествовавшіе, не переставая дулъ прямо въ лицо сухой и горячій вѣтеръ, точно изъ отдушины только что закрытой печки, а солнце нечего и говорить, запекло по обыкновенію. Лицо горитъ, кожа у всѣхъ облупилась, глаза запылены, губы разохли и растрескались, вы чувствуете на себѣ слой грязи, накопившейся въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ почти не раздѣваясь, а тутъ, вправо отъ дороги, какъ нарочно, заблестѣло подъ яркими лучами солнца широко раскинувшееся озеро... Васъ такъ и тянетъ подскочить къ его заманчивому берегу, сбросить все, прыгнуть въ воду, очиститься, освѣжиться... Но увы!.. Опять обманъ! Предъ вами блѣдетъ, сверкая на солнцѣ, точно равнина, усыпанная брилліантами, гладкая поверхность обширнаго солончака *Барса-Кильмасъ* *), и скучно тянется снова утомительно однообразная дорога...

Но вотъ чернѣетъ вдали что-то въ родѣ одинокаго кургана и привлекаетъ общее вниманіе, какъ все

*) Солончакъ этотъ имѣетъ не менѣе полутораста верстъ въ окружности, а названіе его означаетъ *пойдешь—не вернешься*.

мало-мальски выдающееся на этой безпредѣльной равнинѣ. «Это Аланъ,—крѣпость Девлетъ-Гирея», сообщаютъ проводники; и мы прибавляемъ шагъ. Наше любопытство растетъ по мѣрѣ того, какъ неясныя очертанія кургана все болѣе и болѣе принимаютъ правильныя формы огромной постройки, какъ бы волшебною силой переброшенной изъ Европы въ эту дикую, безотрадную пустыню... Наконецъ предъ нами правильный четырехъ-угольный редутъ съ небольшими бастіонами по угламъ, сложенный весь изъ большихъ каменныхъ плитъ, почернѣвшихъ отъ времени. Длина каждаго изъ его фасовъ, прорѣзанныхъ бойницами, 60 шаговъ. Толстыя стѣны редута возвышаются и въ настоящее время нѣсколько болѣе двухъ сажень, но надо полагать, что были гораздо выше, такъ какъ сверху онѣ сильно обвалились. Единственный узкій входъ съ поврежденнымъ сводомъ ведетъ съ южной стороны во внутренній дворъ укрѣпленія, поросшій бурьяномъ и частью заваленный камнями.

За оградой редута, съ одной стороны, расположено небольшое кладбище; но какъ здѣсь, такъ и на стѣнахъ укрѣпленія мнѣ не удалось найти ни одной надписи, за исключеніемъ небольшого и весьма грубого изображенія креста, высѣченнаго на одномъ изъ черныхъ надгробныхъ камней.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ предъ входомъ въ укрѣпленіе находится прекрасный водоемъ, какой только можно пожелать въ этой безводной странѣ, и это самое замѣчательное въ Аланѣ. Онъ нѣсколько напоми-

наетъ извѣстный Пятигорскій проваль на Кавказѣ и имѣетъ около 10-ти сажень въ діаметрѣ и 12 въ глубину; водяной столбъ доходитъ до 7-ми сажень, а на остальные 5 сажень, подобно стѣнѣ круглаго бассейна или внутренности старинной башни, возвышаются надъ поверхностью воды наслоенія голаго плитняка. Вслѣдствіе того, что нижніе, болѣе мелкіе слои камня обвалились и осыпались вокругъ воды широкимъ кольцомъ, массивныя верхнія плиты мѣстами значительно высовываются внутрь на подобіе естественнаго навѣса и въ общемъ образуютъ вокругъ воды фантастическую галерею, совершенно недоступную солнечнымъ лучамъ. Ходъ къ этой цистернѣ, начинаясь предъ воротами укрѣпленія и постепенно углубляясь, выходитъ подобно узкой трещинѣ на средину высоты галереи, а уже отсюда круто спускается къ самой водѣ, такъ что на послѣдокъ приходится прыгнуть на сложенные внизу каменные глыбы. Въ тѣни галереи вѣчно царствуетъ пріятная прохлада, несмотря на окружающую сорокаградусную температуру на солнцѣ...

Отрядъ нашъ расположился вокругъ Алана. Солдаты составили ружья и поспѣшно развьючили верблюдовъ, казаки торопливо облегчили лошадей, и затѣмъ вся эта пестрая толпа запыленнаго народа мигомъ обступила диковинный бассейнъ предъ укрѣпленіемъ. Ведро и котелки полетѣли на воду, и закипѣла обычная, а на этотъ разъ и веселая работа всеобщаго водопоя...

Офицеры, помогая другъ другу, спустились внизъ

и, отдавшись нѣгѣ подѣ тѣнью фантастической галереи, долго и на всѣ лады обсуждали интересующій всѣхъ вопросъ: что это за бассейнъ и что за укрѣпленіе? Чего только ни приходилось слышать на этихъ диспутахъ!.. Проваль, говорили самые мудрые, «безспорно» вулканическаго происхожденія, а постройку укрѣпленія, безъ дальнихъ околичностей, считали дѣломъ Македонскаго героя, основываясь, разумѣется, только на кавказской привычкѣ приписывать все, что носить отпечатокъ болѣе или менѣе глубокой древности, если не Тамарѣ, то Александру... Между тѣмъ, если обратиться къ преданіямъ еще свѣжимъ у степняковъ, ларчикъ, мнѣ кажется, открывается довольно просто. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, Аланъ построенъ какимъ-то Бухарскимъ эмиромъ; другіе приписываютъ его постройку Тамерлану, извѣстному здѣсь подѣ именемъ *Аксакъ Темира* (хромой Темиръ); но большинство приписываетъ *Девлетъ-Гирею*, и подѣ этимъ именемъ онъ извѣстенъ степному населенію.

— Кто же былъ этотъ Девлетъ-Гирей?

— Девлетъ-Гирей, отвѣчали Туркмены, — былъ *Урусъ-іяуръ*, который лѣтъ полтораста тому назадъ шелъ на Хиву и погибъ тамъ вмѣстѣ со своимъ войскомъ.

Эти слова достаточно указываютъ на злополучный походъ 1717 года подѣ начальствомъ князя Бековича-Черкаскаго. Послѣдній, какъ извѣстно, былъ выходецъ изъ Малой Кабарды, и Девлетъ-Гирей, надо полагать, было мусульманское имя, которое онъ носилъ до принятія православія.

Девлетъ-Гирей, начальникъ русскаго отряда, — легендарный герой въ Киргизскихъ степяхъ. Разказы о его Хивинскомъ походѣ переходятъ здѣсь изъ рода въ родъ и свѣжи еще и въ настоящее время. Вотъ почти дословный переводъ того, что я слышалъ о немъ отъ нашего муллы и отъ туркменскихъ старшинъ:

«Девлетъ-Гирей двигался въ степи очень медленно и по дорогѣ строилъ болѣе или менѣе значительныя укрѣпленія, въ которыхъ оставлялъ часть своего войска. Одна изъ этихъ крѣпостей — Аланъ, другая построена на берегу Айбугирскаго залива, у Кара-Гумбета. Обогнувъ Айбугиръ съ юга, Девлетъ-Гирей взялъ *Куня-Уриенчъ*, *Ходжали* и другіе города и остановился въ городѣ *Порсу*, гдѣ и до сихъ поръ стоитъ его большая крѣпость такой же формы, какъ Аланъ.

«Желая спасти свою столицу, бывший въ то время Хивинскимъ ханомъ Ширъ-Гази, въ сопровожденіи огромной свиты, явился въ знакъ покорности къ Девлетъ-Гирею въ Порсу и цѣлымъ рядомъ празднествъ и угощеній успѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе и расположеніе русскаго начальника. Проживъ двѣ недѣли въ Порсу, Ширъ-Гази пригласилъ Девлетъ-Гирея къ себѣ въ Хиву и просилъ при этомъ, какъ бы для успокоенія жителей столицы, чтобъ онъ не бралъ съ собой всего отряда. Девлетъ-Гирей согласился, и выѣхалъ вмѣстѣ съ ханомъ, въ сопровожденіи одной своей конницы. Въ деревнѣ, гдѣ былъ первый ночлегъ хана, русскую конницу разбили по квартирамъ, отъ 10-ти до 15-ти человѣкъ въ каждой. Ночью подошли

хивинскія войска, одновременно напали на квартиры. спящихъ Русскихъ и вырѣзали всѣхъ до единого... Такое же нападеніе было сдѣлано на другой день и на главный пѣшій отрядъ, стоявшій въ Порсу.

«Девлетъ-Гирей, узнавъ объ участи своихъ солдатъ, убилъ приставленнаго къ нему почетнаго Хивинца, а потомъ застрѣлился и самъ...»

О смерти самого Бековича есть и другіе варианты: что его отвезли въ Хиву и тамъ повѣсили за подбородокъ; что его провели по всѣмъ домамъ, гдѣ валялись окровавленные трупы солдатъ, затѣмъ съ живаго сняли кожу и, прибавляють наивные степняки, «набили ее сѣномъ и отправили къ царю въ Патырпухъ...»

Преданіе это въ деталяхъ, конечно, не согласно съ исторіей. Такъ, между прочимъ, извѣстно, что весь четырехтысячный отрядъ Бековича былъ кавалерійскій, такъ какъ, кромѣ драгунъ и казаковъ, у него были только двѣ роты и тѣ посаженные на лошадей. Собственно въ этомъ отношеніи легко согласовать разнорѣчія, такъ какъ, пройдя въ самую жаркую пору около 1.500 верстъ по голоднымъ степямъ, Бековичъ весьма легко могъ потерять даже большую часть своихъ лошадей... Что же касается другихъ эпизодовъ этой экспедиціи, то и историческія свѣдѣнія о нихъ основаны на однихъ слухахъ, проникшихъ въ Россію много лѣтъ спустя послѣ гибели Бековича и его отряда; слѣдовательно который изъ разсказовъ достовѣрнѣе—Аллахъ вѣдаетъ.

Какъ-бы то ни было, нельзя не пожалѣть, что,

совершивъ одну изъ блестящихъ степныхъ экспедицій, князь Бековичъ погубилъ свой отрядъ вслѣдствіе благородной довѣрчивости и незнанія вѣроломныхъ нравовъ средне-азіатскаго народа. Аланъ служитъ ему прекраснымъ памятникомъ въ этой пустынѣ, а намъ пусть послужитъ однимъ лишнимъ предостереженіемъ...

Бастіоники Аланскаго укрѣпленія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это произведеніе европейское, и въ такомъ случаѣ только отряда Бековича. О вулканическомъ происхожденіи провала здѣсь не можетъ быть и рѣчи: онъ, нельзя думать иначе, образовался на мѣстѣ обыкновеннаго степнаго колодца, вслѣдствіе извлеченія огромной массы камня, употребленнаго на постройку самаго укрѣпленія.

Казакъ, бывшій на пастъбѣ верблюдовъ, нашелъ недалеко отъ Алана еще другой водоемъ такого же происхожденія, но гораздо меньшихъ размѣровъ и до половины поросшій высокимъ камышомъ. Многіе офицеры уже второй день проводятъ тамъ большую часть времени, купаясь чуть не черезъ каждый часъ, несмотря на то, что камыши и змѣи отнимаютъ большую долю этого удовольствія...

XIII.

Первая кровь и добыча авангарда. — Недостатокъ продовольствія. —
Песчаный буранъ. — Духъ отряда и отзывъ о немъ иностранца. —
Предписаніе о соединеніи и письмо генерала Верекина. — Въ
положеніи утопающихъ.

7 мая, Аланъ.

Первый ночлегъ у Алана я, кажется, никогда не забуду, — такъ хорошо спалось на простой кошмѣ подъ открытымъ небомъ, послѣ нѣсколькихъ продолжительныхъ купаній въ холодной водѣ... Въ три часа ночи я проснулся отъ сильнаго топота коней проходившей мимо казачьей сотни. Рядомъ со мной, около палатки начальника отряда, что-то сустились и сѣдлали коней...

— Что такое? Куда это вы? вскочивъ на ноги, обратился я къ одному офицеру, догонявшему сотню.

— Сейчасъ получено извѣстіе, поспѣшно отвѣчалъ онъ, — что авангардъ нашъ имѣлъ дѣло. С. и другіе офицеры ранены... Мы ѣдемъ къ нимъ съ начальникомъ отряда...

Оказалось слѣдующее:

Не успѣвъ получить во - время распоряженіе о поворотѣ на Аланъ, авангардъ продолжалъ движеніе по прежнему маршруту, на Иттибай. Подходя къ этимъ колодцамъ, офицеры замѣтили трехъ удаляющихся отъ нихъ конныхъ Киргизовъ и бросились за ними съ нѣсколькими казаками, бывшими при авангардѣ... Настигнутые Киргизы взялись за оружіе, но борьба была неравная: двое изъ нихъ убиты, третій скрылся... Въ то же время наши замѣтили недалеко отъ себя огромный караванъ въ нѣсколько сотъ верблюдовъ и множество сопровождающихъ его конныхъ людей, которые всполошились при видѣ русскихъ всадниковъ и начали погонять караванъ. Подполковникъ С. и тѣ же офицеры и казаки, боясь упустить добычу и потому не ожидая пѣхоты, выхватили сабли и револьверы, и въ карьеръ бросились на прикрытіе каравана. Киргизы приняли ихъ въ пики и завязалась свалка... Одинъ здоровый Киргизъ съ огромною дубиной въ рукѣ налетѣлъ на С. и замахнулся... Но, къ счастью, ударъ миновалъ начальника авангарда и обрушился на голову его прекрасной лошади; та взвилась на дыбы и опрокинулась вмѣстѣ со всадникомъ. Проворный Киргизъ моментально схватилъ эту лошадь и ускакалъ вмѣстѣ съ нею... Всѣ револьверы нашихъ разряжены въ упоръ, но несмотря на это, Киргизы начинаютъ одолѣвать, благодаря своей численности... Моментъ критическій!... Въ эту минуту показалась вблизи одна изъ Апшеронскихъ ротъ, которая бѣгомъ спѣшила на выстрѣлы вмѣстѣ съ майоромъ Аварскимъ:

Киргизы бросили все и обратились въ поспѣшное бѣгство. На мѣстѣ остались 16 труповъ и болѣе 200 верблюдовъ съ полнымъ грузомъ. У насъ ранены: тяжело—капитанъ Кедринъ; болѣе или менѣе легко—самъ С., который получилъ 7 ранъ, и всѣ десять бывшихъ съ нимъ казаковъ...

Разсказываютъ, что между прочими прибѣжалъ къ мѣсту дѣйствія и человѣкъ подполковника С., бывшій его дворовый, Мишка. Увидя раненымъ своего барина, онъ бросился къ его ногамъ и произнесъ, всхлипывая:

— Эхъ, занесъ же насъ нелегкій въ эту Трухменщину!... Одинъ сынъ былъ у отца...

Добыча авангарда — просто спасеніе для нашего отряда! Она большею частію состоитъ изъ риса и сорго, которое, говорятъ, чрезвычайно питательно и замѣняетъ ячмень въ значительной части Средней Азіи, и подвернулось тѣмъ болѣе кстати, что наши скудные продовольственные запасы почти на исходѣ: если кормить людей полною дачей—дня черезъ три нечего будетъ ѣсть; давая въ сутки по полуфунту сухарей на человѣка, мы можемъ растянуть ихъ дней на двѣнадцать, а тамъ... что Богъ пошлетъ!...

Наши лошади давно уже получаютъ ячменя только по полтора гарнца въ сутки. Сѣна онѣ и не видѣли послѣ Киндерли, а подножный кормъ, изрѣдка попадавшійся до сихъ поръ, состоялъ изъ сухой колочки, которую съ трудомъ пережевываютъ верблюды; лошади и не прикасаются къ ней. При огромной работѣ и такой скудной дачѣ, бѣдные животныя изнурились

въ такой степени, что за рѣдкими исключеніями съ каждымъ днемъ все больше и больше напоминаютъ собой... несчастныхъ кобылъ Кашея Безсмертнаго...

Офицеры бѣдствуютъ какъ нельзя болѣе. Нѣкоторые изъ нихъ вовсе не имѣли лошадей, другіе потеряли ихъ за походъ отъ изнуренія, и теперь идутъ пѣшкомъ наравнѣ съ солдатами. Надѣясь на марки-танта, который такъ и остался въ Киндерли по недостатку верблюдовъ, офицеры выступили въ походъ, не имѣя ничего, кромѣ оружія и денегъ, и теперь, по необходимости, довольствуются скудною пищею нашего солдата. Между ними не мало и такихъ, которые въ теченіе послѣдней недѣли питались однимъ чаемъ и съѣли за все это время три-четыре фунта сухарей... Тѣмъ не менѣе, превосходное состояніе духа не оставляетъ ихъ ни на минуту и если прислушаться къ ихъ рѣчамъ, то-и-дѣло повторяется: «Впередъ, впередъ, господа!... Намъ нужно идти день и ночь. Въ противномъ случаѣ, вмѣсто враждебныхъ Узбековъ и Туркменъ, насъ встрѣтитъ въ Хивѣ гостепріимство нашихъ же соотечественниковъ другаго отряда, и это будетъ верхъ скандала!...»

О солдатахъ нашихъ и говорить нечего. Я просто не умѣю передать, что выносятъ ихъ изумительная натуры. Нужно видѣть самому обстановку нашего похода и труды солдата, чтобы въ надлежащей степени оцѣнить это золото! Въ температурѣ, колеблющейся между 38 и 42 градусами, совершая ежедневно огромные переходы, солдатъ нашъ почти весь походъ идетъ

на однихъ сухаряхъ. Иногда раздаютъ баранину, но при этомъ сплошь да рядомъ случается такъ, что не достаетъ или топлива, или воды не только для варки, но даже для утоленія жажды... Солдатъ носитъ со своею бараниной въ мѣшкѣ въ ожиданіи благопріятнаго случая, но надежды его не сбываются, баранина начинаетъ быстро разлагаться и выбрасывается въ степи.

— На что, Митричъ, бросаешь? острить на ходу товарищъ, потный и почернѣвшій отъ жара солдатъ. — Поваляй въ песокъ, за киргизскую солонину пойдешь...

— Ничего... въ Хивѣ свѣжаго найдемся, перебрасываетъ Митричъ. — Ну ужъ и пекло сегодня... не хуже вчерашняго!... Слѣпиль глаза, а затылокъ словно угольками горячими обложило... Чтѣ-жъ, братцы, затянемъ, что ли, маленько?... а то дремота разбираетъ, хоть бросай ружье да ложись...

И залетѣла, далеко оглашая пустыню, наполняяся молчаливую тишину, дружная хоровая пѣсня, неразлучная спутница нашего солдата... Она незамѣтно поглощаетъ и его минутное уныніе и тоску по далекой родинѣ. Незамѣтно, какъ бы сами по себѣ, начинаютъ становиться тверже и размашистѣ сотни ногъ, и массы бѣлыхъ рубахъ, группируясь по сторонамъ тяжело нагруженныхъ верблюдовъ, то исчезаютъ въ густыхъ облакахъ пыли, то снова вырастаютъ изъ нихъ, сверкая на солнцѣ щетиной своихъ штыковъ, и бодро и безостановочно подвигаются впередъ и впередъ...

Дотянуль солдатъ до ночега, дождался дневки, бѣдный, онъ и не мечтаетъ найти даже здѣсь отдыхъ и покой. Днемъ его ждетъ бѣготня подъ открытымъ солнцемъ на пастьбѣ верблюдовъ, ночью—утомительное бодрствованіе на аванпостахъ. Счастье, если еще природа не выкинетъ при этомъ какого-нибудь сюрприза...

Пришли мы къ Алану. Лучшей стоянки и придумать нельзя въ степи: вода въ изобиліи, нашлось и топливо въ видѣ сухой колючки, да у послѣднихъ колодцевъ люди запаслись саксауломъ. Благодаря этому, солдаты принялись варить давно не отвѣданныую, горячую пищу, и еще засвѣтло вспыхнули огоньки по всему лагерю... День былъ удивительно тихій, но... вдругъ, предъ закатомъ солнца, поднялся вѣтеръ и усиливаясь все болѣе и болѣе, черезъ четверть часа разразился страшнымъ бураномъ... Песчаные столбы одинъ за другимъ пролетали по лагерю; срывая палатки, застилая солнце и немилосердно засыпая все толстымъ слоемъ раскаленного песку. Вѣтеръ опрокидывалъ котелки, сметалъ цѣлые костры и вмѣстѣ съ пескомъ, огненнымъ дождемъ засыпалъ людей, верблюдовъ... весь лагерь. Поднялась страшная суматоха!... Слышались громкіе голоса со всѣхъ сторонъ: «Тушить огни!... Держать лошадей!... Держите палатку, дьяволы!...» Среди завываній вѣтра урывками доносились крики, ржанія коней, плачъ обожженныхъ верблюдовъ... но ничего нельзя было разобрать въ этомъ хаотическомъ круженіи всепроникающей стихіи... Песокъ засыпалъ глаза и больно обдавалъ лицо, словно мелкою дробью на излетѣ...

Уже стемнѣло, но чтобы зажечь свѣчу и взяться за что-нибудь нечего было и думать. Надоѣло лежать закупорившись подъ буркой...

Придерживая обѣими руками фуражку и повернувшись спиной къ вѣтру, я пробирався куда-то мимо укрѣпленія Бековича и наткнулся на группы Лезгинъ и солдатъ, занятыхъ варкой. Здѣсь, подъ защитой каменныхъ стѣнъ, и то какимъ-то чудомъ, удалось сохранить огни подъ котелками. Солдаты обступали ихъ и, повидимому, съ нетерпѣніемъ ждали приступа къ горячей пищѣ... Вдругъ рвануль вѣтеръ. Протирая свои глаза, я только услышалъ шипѣніе залитыхъ угольковъ и затѣмъ дружный хохотъ окружающей толпы: одинъ изъ котелковъ былъ опрокинутъ и... плодъ трудовъ и борьбы нѣсколькихъ часовъ, вылить на песокъ. Плюнули солдаты-хозяева, выругались, какъ водится, и побрели прочь отъ потухшаго огня...

Немного погодя, вѣтеръ утихъ, и въ ротахъ, какъ ни въ чемъ не бывало, загремѣли пѣсни...

Не унываютъ наши солдаты и въ самыя трудныя минуты борьбы и невзгодъ, точно все имъ трынтрава,—и голодъ, и жажда, и палящій зной. Ропотъ вычеркнутъ изъ ихъ немудраго словаря; онъ имъ и въ голову не приходитъ, такъ какъ видятъ, что винить въ ихъ бѣдствіяхъ некого... Рассказываютъ, что еще 18 апрѣля, при движеніи на Сенски, одинъ изъ фельдфебелей сказалъ своей ротѣ: «Не родить же начальству воду и прохладу? Хоть тресни, а идти надо. Иначе кто тебя спасетъ?...»

Такъ разсуждаютъ теперь всѣ солдаты, которыхъ единственное желаніе состоитъ въ томъ, «чтобы поскорѣе встрѣтиться съ Хивинскимъ ханомъ и намылить его бритую башку». Но и это, по своей удивительной натурѣ, они говорятъ добродушно, безъ всякой злобы...

Словомъ, духъ отряда не оставляетъ желать ничего лучшаго, все рвется впередъ, въ Хиву, и я совершенно понимаю то впечатлѣніе, которое наши молодцы должны были произвести на германскаго офицера, лейтенанта Ш. Какъ-то разъ, на привалѣ, онъ выразился такимъ образомъ:

— Я видѣлъ въ мирное или военное время войска всѣхъ европейскихъ государствъ, но такую пѣхоту, какъ ваша, я вижу первый разъ! Для меня непонятно, какимъ образомъ привычные къ холодамъ жители сѣвера съ такимъ мужествомъ, такъ легко и беззаботно выносятъ это дьявольское пекло безводныхъ степей, и совершая изумительные переходы, не имѣютъ за все время похода ни одного больнаго!..

Сегодня прибылъ сюда нашъ авангардъ и съ нимъ начальникъ отряда и всѣ раненые. Еще ранѣе ихъ возвратился Киргизъ, который былъ посланъ изъ Киндерли къ генералу Веревкину съ донесеніемъ о времени нашего выступленія. Генералъ предписываетъ, изъ урочища Каскаджули, соединиться съ нимъ на берегу Аральскаго моря, у мыса Ургу, гдѣ онъ полагаетъ быть съ Оренбуржцами 4 или 5 мая... Сегодня уже 7 число, и мы по необходимости потеряли лиш-

ній день въ ожиданіи авангарда... Киргизъ-гонецъ, оказывается, разѣхался съ нами на возвратномъ пути, побываль въ Киндерли, и уже не найдя насъ тамъ, вторично пустился въ дорогу и догналь насъ. Ясно, что онъ не могъ сообщить намъ ничего свѣжаго объ Оренбургскомъ отрядѣ...

Сегодня вечеромъ прибыль сюда другой нарочный отъ генерала Веревкина, съ письмомъ отъ 28 апрѣля, въ которомъ генераль вторично проситъ о нашемъ соединеніи съ нимъ около 5 числа у мыса Ургу...

«... Такое направленіе Кавказскаго отряда,—пишетъ между прочимъ генераль, — я предпочитаю направленію на Айбугиръ или Куня-Ургенчъ, потому что, имѣя довольно достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ долженъ быть уже на переправѣ чрезъ Аму-Дарью и, по всей вѣроятности, надняхъ, подойдя къ Хивѣ, конечно безъ большихъ затрудненій овладѣетъ ею, не ожидая уже запоздалаго содѣйствія прочихъ отрядовъ. Затѣмъ прямое направленіе этихъ отрядовъ къ городу Хивѣ будетъ уже излишнимъ; между тѣмъ какъ въ сѣверной части ханства можетъ образоваться новый центръ сопротивленія, изъ Каракалпаковъ, Туркменъ и нашихъ бѣглыхъ Киргизовъ. Поэтому, мнѣ кажется, направленіе на Кунградъ, какъ военно-административный центръ сѣверной части ханства и какъ городъ, имѣющій особое значеніе въ глазахъ Киргизовъ и Туркменъ, едва ли не будетъ наиболѣе соотвѣтственнымъ. Притомъ же, еслибъ и потребовалось потомъ идти къ Хивѣ, то по-

тери времени почти не будетъ, а двигаться придется по путямъ болѣе населеннымъ и лучшимъ. Самое довольствіе, въ которомъ Кавказскій отрядъ можетъ нуждаться въ послѣдствіи, въ Кунградѣ заготовить легче, чѣмъ гдѣ-либо въ ханствѣ.

«По послѣдне полученнымъ свѣдѣніямъ видно, что около Урги, гдѣ стоитъ хивинская крѣпостца Джани-Кала, собралось значительное вооруженное скопище всякаго сброда, Киргизовъ, Каракалпаковъ и Узбековъ. Вѣранный мнѣ отрядъ, по сосредоточеніи своемъ, немедленно предприметь атаку противъ этого скопища и крѣпостцы, и было бы очень пріятно и лестно для насъ, еслибы славныя Кавказскія войска могли оказать при этомъ содѣйствіе.

«Около Алана или вообще на пути вашемъ кочуютъ въ настоящее время виновники Мангышлакскаго возмущенія 1870 года, Гяфуръ-Калбинъ, Иса, Дусанъ, Ирмамбетъ и др. Считаю не бесполезнымъ сообщить вамъ объ этомъ».

Извѣстіе о полученіи этого письма быстро облетѣло нашъ лагерь и, надо признаться, произвело въ немъ весьма тяжелое впечатлѣніе. Ясно для всѣхъ, что Оренбургцы опередили насъ... Но будутъ ли они ждать нашего присоединенія или одни углубятся въ оазисъ? Вотъ вопросъ, занимающій всѣхъ въ настоящую минуту... Мы въ положеніи утопающихъ, но тѣмъ не менѣе, какъ-то не хочется вѣрить, чтобы нашъ походъ, сопряженный съ невѣроятными трудами, могъ оказаться никому не нужною прогулкой!.. Не теряя энергіи, мы

хватаемся за единственную соломинку предъ нами,—за русское *авось*...

Во всякомъ случаѣ, время нашего приближенія къ оазису отдаляется: вмѣсто прямого движенія на Куня-Ургенчъ, мы должны направиться на сѣверъ, снова углубиться въ степь съ ея постылыми колодцами, и кружнымъ путемъ идти на Ургу, на соединеніе съ Оренбургскимъ отрядомъ или, вѣрнѣе, въ догонку за нимъ... Я не знаю, что бы мы дѣлали, еслибы подполковникъ С. съ горстью всадниковъ не отбилъ, совершенно случайно, на Иттибаѣ, почти двухнедѣльное удовольствіе для всего отряда...

Выступаемъ завтра съ разсвѣтомъ. Рѣшено *форсировать движеніе до послѣдней возможности*...

XIV.

Выступление изъ Алана. — Пески Варса-кильмась. — Горькій щенокъ и новый видъ саксаула. — Киргизскій „Терекъ“. — Джакши-Ербасанъ. — Ночное блужданіе и „гадкая впадина“. — Несостоятельность форсированныхъ движеній.

9 мая, Джаманъ-Ербасанъ.

Преслѣдуя цѣль, которою я окончилъ послѣднее письмо и въ видахъ скорѣйшаго соединенія съ Оренбуржцами, хотя съ частью этого отряда полковникъ Л. разбилъ всю нашу пѣхоту на двѣ колонны: первая, такъ сказать, облегченная колонна выступала изъ Алана въ 3-мъ часу утра 8 мая подъ командой генеральнаго штаба подполковника П., въ составѣ шести ротъ, саперной команды и всей артиллеріи, имѣя съ собой только небольшое число верблюдовъ для поднятія воды, патроновъ и семидневнаго продовольствія. Вторая — изъ трехъ ротъ и нѣсколькихъ казаковъ, подъ начальствомъ майора Аварскаго, со всѣми верблюдами и тяжестями отряда, благодаря своей обузѣ, едва могла тронуться около 7 часовъ. Кавалерія съ ракетною командой, а

съ нею и мы съ начальникомъ отряда, выступила нѣсколько ранѣе Аварскаго, опередила колонну П. и составила авангардъ.

Предполагалось сохранить прежній способъ марша, какъ наиболѣе соотвѣтствующій климатическимъ условіямъ, то есть двигаться до 10 часовъ утра и послѣ 4 пополудни и бивуакировать во время знойныхъ промежуточныхъ часовъ. Но здѣсь все зависитъ отъ колодезевъ; разстояніе между ними исключительно обусловливаетъ успѣхъ степного движенія, а затѣмъ уже температура. Поэтому и наши предположенія не замедлили рушиться въ первый же день послѣ выступленія...

Пески начались почти у самаго Алана. Они носятъ названіе *Барса-кильмасъ* и составляютъ какъ бы продолженіе на сѣверъ того обширнаго солончака подъ тѣмъ же именемъ, который мы видѣли при движеніи 5 мая. Слишкомъ двѣ тысячи конскихъ ногъ на полномъ ходу начали бороздить это песчаное море, раскинувшееся предъ нами, и подняли вокругъ страшную массу густой желтой пыли... Трудно было разглядѣть и ближайшаго всадника, хотя яркое солнце, пронизывая песчанья облака, казалось, выходило изъ себя, чтобы сильнѣе поддать и жару, и свѣту... Запыленные лошади быстро взмылились и приняли такой видъ, какъ будто только что выкупались и повалялись на пескѣ...

Черезъ три часа хода въ этой обстановкѣ, мы наткнулись на маленькій колодезь *Торша-тюла* *).

*) Горькій шенокъ.

Вкусъ его воды какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ названію, но тѣмъ не менѣе, мы сдѣлали здѣсь привалъ, напоили коней, закусили бараниной съ сухарями и въ самое пекло тронулись далѣе...

По мѣрѣ удаленія отъ Торша, пески становились глубже, волнообразнѣе и наконецъ пошли огромные сыпучіе холмы съ разбросаннымъ кое-гдѣ саксауломъ. Еще дальше потянулся цѣлый лѣсъ этихъ деревьевъ, но лѣсъ странный, безобразный, не имѣющій ничего общаго не только съ деревьями, которыя мы привыкли видѣть, но даже съ бешъ-октинскимъ саксауломъ. Точно массы узловатыхъ корней вѣковыхъ деревьевъ вырваны ураганомъ, исковерканы и загрязнены наводненіемъ, и какимъ-то чудомъ выброшены сюда на волнообразную, изрытую песчаную поверхность,—таковъ общій видъ этого печальнаго лѣса...

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ подъемовъ и спусковъ дорога неожиданно выбѣжала на вязкую топь, поросшую густымъ камышомъ, посреди которой точно чудовищная пѣявка извивалась бурая рѣчонка аршина въ полтора ширины. Густой осадокъ соли подобно ледяной корѣ, выглядывавшей изъ-подъ стоячей воды, не позволялъ и думать объ утоленіи здѣсь жажды. Мы, не останавливаясь, проѣхали мимо, и рѣчонка лишь на нѣсколько минутъ развязала языки упорно молчавшимъ отъ жары казакамъ нашимъ...

— Эка, братцы, бисова сторонущка!.. слышалось между ними.—Вотъ и до Терека его добрались... Какъ-разъ по киргизскому рылу и эта самая рѣка его!..

Казалось, нѣтъ конца пескамъ Барса-Кильмаса... Лошади вязли въ нихъ по колѣни и благодаря этому подвигались такъ медленно, что понадобилось почти десять часовъ для тридцативерстнаго разстоянія отъ Алана до Джакши, гдѣ предполагался общій ночлегъ. Мы дотянулись сюда только къ 4 часамъ пополудни...

Джакши-Ербасанъ въ переводѣ — «хорошая впадина». Если принять въ соображеніе пять колодезь порядочной воды, изобиліе топлива и верблюжьего корма, что составляетъ все необходимое для кочевой жизни, нельзя не согласиться съ киргизскимъ названіемъ этой мѣстности. Но сыпучіе барханы, окружающіе впадину, ежеминутно готовы при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра разразиться песчанымъ адомъ и отравить всякую жизнь... Поэтому сами Киргизы не долюбливаютъ это мѣсто и рѣдко кочуютъ здѣсь.

Черезъ часъ послѣ насъ подошла сюда наша главная колонна и расположилась на ночлегъ. Было еще рано, а до слѣдующаго колодца, говорили, 13 верстъ... Мы уже успѣли напоить коней и, несмотря на ихъ утомленіе, насъ непреодолимо тянуло впередъ... Хотѣлось пройти еще хоть эти 13 верстъ, такъ какъ генералъ Веревкинъ мерещился каждому изъ насъ чуть не подходящимъ къ самымъ воротамъ Хивы... Начальникъ отряда съ удовольствіемъ выслушалъ заявленіе объ этомъ общемъ желаніи, и... черезъ нѣсколько минутъ кавалерія уже удалялась отъ Ербасана.

Бѣдный нашъ Прусакъ Ш., страдавшій послѣдніе

дни отъ сильнаго вліянія Табынь-су, здѣсь, на Ербасанѣ, окончательно разболѣлся. Но при всемъ желаніи мы ничѣмъ не могли помочь больному, такъ какъ при нашемъ отрядѣ нѣтъ не только лазаретной или какой бы то ни было телѣжки, но даже никакихъ приспособленій для возки больныхъ на верблюдахъ. На единственной во всемъ отрядѣ двухколесной арбѣ полковника ѣдетъ теперь раненый капитанъ, а остальные раненые у Иттибая—верхами... Какое счастье, что у насъ лѣтъ больныхъ!.. Ш. подняли съ земли и съ трудомъ усадили на лошадь...

Наконецъ мы вышли изъ песковъ. Впереди открылась нѣсколько кочковатая равнина, покрытая сочными кустами полыни и молодого бурьяна. На ней не было ни тропинки, ни единаго слѣда... Мы шли за проводникомъ, который качался на верблюдѣ, далеко отдѣлившись впередъ, и, какъ лоцманъ, то и дѣло поворачивалъ свой «корабль пустыни» то вправо, то влѣво. Такъ прошли нѣсколько часовъ... Темная беззвѣздная ночь давно ужъ окутала степь. Тьма непроглядная! Никого и ничего не видно; узнаемъ другъ друга только по голосу, но и голоса уже давно смолкли... Какъ бы покорившись судьбѣ, перестали безплодно жаловаться на ужасное утомленіе, и среди гробовой тишины ночи только мѣрный топотъ усталыхъ коней однообразно отдается по степи... Страшно клонить ко сну. Нѣсколько разъ я засыпалъ на сѣдлѣ и пробуждался внезапно, покачнувшись на сторону... Судя по времени, мы по крайней мѣрѣ дважды проѣхали обѣщанныя 13

версть, а колодца какъ не бывало!.. Что жъ это такое? Заблудились въ степи...

Вотъ кто-то остановился и при свѣтѣ спички заглянулъ на компасъ.

— Куда идемъ? разомъ спрашиваютъ нѣсколько голосовъ.

— На востокъ...

Проходитъ добрый часъ, въ продолженіе котораго, должно быть, мы описали громадную дугу по степи. Снова освѣтили компасъ, и на этотъ разъ оказалось, что насъ ведутъ въ сторону совершенно обратную... Остановка и объясненіе съ проводникомъ...

Долго мы колесили за растерявшимся Киргизомъ. Было далеко за полночь, когда онъ привелъ насъ къ Джаманъ-Ербасану со стороны хивинской, то-есть противоположной общему направленію нашего движенія... Я не знаю, какъ себя чувствовали другіе послѣ восемнадцати часовъ, проведенныхъ на сѣдлѣ, но я едва слѣзъ съ лошади... Бросивъ поводья Насибу, я растянулся на одной буркѣ съ раненымъ С., и черезъ секунду крылатый старецъ Морфей уже мчалъ меня на далекіе берега Оксуса...

Джаманъ-Ербасанъ по-русски—«гадкая впадина». Въ сущности впадины здѣсь нѣтъ никакой, но единственный колодезь дѣйствительно заключаетъ горько-соленую воду, какъ нельзя болѣе гадкую. Окрестности,—хоть шаромъ покати!

Утромъ меня разбудили здѣсь пѣсни главной нашей колонны. Она пришла съ запада и, не останавливаясь,

продолжала къ Учъ-Кудуку, въ ту сторону, гдѣ мы блуждали прошлую ночь. Часа, черезъ три подошелъ и остановился здѣсь Аварскій со своею колонной.

Послѣ небольшого перехода для отдыха казалось бы совершенно достаточно 3—4 часовъ. Но необходимость напоить массу людей, лошадей и верблюдовъ, ихъ выючка и развьючка отнимаютъ еще столько же почти времени. Затѣмъ сюда же припутываются необходимыя соображенія о разстояніи между колодцами и количествѣ воды въ нихъ, и въ результатѣ является бесполезная, повидимому, трата времени и полная несостоятельность. Такъ, у Джаманъ-Ербасана мы стоимъ почти весь сегодняшній день вмѣстѣ съ колонной Аварскаго для того, чтобъ отрядъ не скучился у Учъ-Кудука, гдѣ эшелонъ подполковника П. долженъ набрать воды на слѣдующій безводный переходъ. Пить какую-то отраву и сидѣть сложа руки у несчастнаго колодца въ то время, когда всѣмъ существомъ своимъ рвешься впередъ и впередъ—невыносимая пытка!..

XV.

Двѣ неожиданныя картины и слухъ о миролюбіи хана. — Вторая попытка ночного движенія и новая неудача съ чертовою дюжиной. — Учъ-Кудукъ. — Послѣдній переходъ и первые признаки оазиса. — Чинкъ, бассейнъ Айбугира и Кара-Гумбетъ.

Вечеромъ, 10 мая. Бивуакъ на Кара-Гумбетъ.

Какъ только жаръ началъ спадать, мы выступили изъ Ербасана и, отдѣлившись отъ пѣхоты, пошли полнымъ ходомъ, чтобы засвѣтло оставить за собой общанныя Киргизами опять тринадцать верстъ. Потянулась та же молчаливая степь, на которую безмолвно смотреть сверху только жаркое и неизмѣнно ясное, безоблачное небо... Проѣхали нѣсколько верстъ.

— Господа! воскликнулъ кто-то, — посмотрите назадъ, чтó тамъ творится только!..

Я оглянулся.

Куда дѣвались дикая пустыня и кроткое небо!.. Откуда только взялись тысячи яркихъ красокъ, залившихъ степь въ самыхъ причудливыхъ волшебныхъ

сочетаніяхъ!.. Солнце спускалось къ горизонту и, утопая огненно-багровымъ шаромъ во мглѣ, покрывавшей далекую окраину степи, озаряло и землю и небо ярколиловымъ свѣтомъ, точно чудовищный, невиданный пожаръ расплылся надъ необъятною степью... «Прелестный видъ! Я ничего подобнаго не видѣлъ!» слышалось по сторонамъ, когда мы невольно остановились цѣлою толпой, чтобы любоваться этою дѣйствительно очаровательною картиной степного заката въ полномъ его блескѣ. Трудно было оторваться отъ нея, но въ это самое время на востокѣ насъ привлекло другое неожиданное зрѣлище...

Тамъ, въ дали, такъ же залитой блѣдно-пурпуровымъ отблескомъ догорающаго дня, тянулся длинный караванъ въ нѣсколько сотъ верблюдовъ... Вотъ и онъ замѣтилъ насъ... остановился, быстро скупился и припалъ къ землѣ. Суетившіеся люди мгновенно скрылись за верблюдами, и караванъ точно замеръ...

Остановивъ на мѣстѣ сотни, мы, офицеры, одни приблизились къ каравану. Видъ его былъ настолько внушительный, что, вѣроятно, остановилъ бы не одну партію степныхъ хищниковъ: верблюды, навьюченные огромными тюками, лежали плотнымъ кольцомъ; изъ-за этого живого бруствера выглядывали исхудалые, бронзовые лица Туркменъ подъ ихъ огромными мѣховыми шапками и высывались ружья, направленные прямо на насъ и готовые разразиться свинцовымъ дождемъ при малѣйшемъ враждебномъ дѣйствиіи съ нашей стороны... Женщины съ дубинами въ рукахъ

стояли въ перемежку съ мужчинами и повидимому также рѣшили на отчаянную защиту...

Косумка, пользующійся привилегіей прежде другихъ пробовать воду изо всѣхъ подозрительныхъ колодцевъ, и теперь былъ выдвинутъ впередъ и первый заговорилъ съ Туркменами... Оказалось, что караванъ отправляется въ Оренбургъ и везетъ туда хлопокъ, шелкъ и другіе товары куня-ургенчскихъ купцовъ. На всѣ интересующіе насъ вопросы вожаки его отвѣчали крайне неохотно, отговариваясь тѣмъ, что вышли изъ ханства болѣе мѣсяца тому назадъ. Но между прочимъ, какъ бы желая обрадовать насъ, они настойчиво повторяли, что Хивинцы драться не будутъ...

Признаться, едва ли кого обрадовало это извѣстіе; по крайней мѣрѣ не одно проклятіе полетѣло на голову миролюбиваго хана... Перспектива мирнаго вступленія въ Хиву послѣ столькихъ трудовъ и лишеній какъ бы опѣшила нѣкоторыхъ, разбила на минуту самыя розовыя изъ ихъ надеждъ... Но русское «авось» снова явилось на выручку утопающихъ надеждъ...

Успокоивъ этихъ первыхъ людей, встрѣченныхъ нами въ степи за все время похода и снабдивъ ихъ пропускнымъ видомъ, мы продолжали путь. Они также подняли своихъ верблюдовъ и начали удаляться на сѣверъ, вѣроятно не вѣря тому, что такъ дешево отдѣлались отъ страшныхъ гиуровъ...

Южная ночь съ ея могильною тишиной снова окутала степь. Съ востока повѣяло прохладой, и среди непроницаемой тьмы безконечно долго слышался только

однообразный топотъ бодро подвигавшихся коней, да изрѣдка рѣзкій голосъ Киргиза, перекликавшагося съ проводникомъ... Вначалѣ, далеко позади насъ, взвивались по временамъ сигнальныя ракеты, показывавшія движеніе колонны Аварскаго. Но вотъ уже нѣсколько часовъ какъ и ракетъ не видно, и говоръ умолкъ, и сонъ назойливо смыкаетъ усталыя вѣки, да и проѣхали мы тринадцать верстъ едва ли не трижды... а колодца все нѣтъ.

— Что жъ это такое?... Не заблудились ли опять?

Какъ бы въ отвѣтъ на это, проводникъ остановился и къ общей досадѣ подтвердилъ нашу догадку: онъ уже часа два съ половиной безплодно отыскиваетъ *Учъ-Кудукъ* и не знаетъ какъ теперь быть!...

Ночныя движенія имѣютъ свою хорошую сторону: не томитъ жажда и людямъ прохладно и легко. Но лошади и верблюды теряютъ при этомъ лучшіе, крѣпительные часы сна и потому изнуряются гораздо больше и быстрее чѣмъ днемъ. Кромѣ того, какъ мы убѣдились на опытѣ, въ темную ночь и самый опытный степнякъ не можетъ поручиться за то, что не возьметъ нѣсколько въ сторону и не пройдетъ мимо колодца; а тогда ничего нѣтъ легче, какъ бесконечно кружиться по степи... За неимѣніемъ какихъ-либо пересѣченій для ориентированія, единственнымъ путеводителемъ номада ночью служитъ строгое соблюденіе взятаго направленія, а разъ онъ лишился и этого послѣдняго пособія,—только случай можетъ помочь ему выбраться на дорогу или на колодезь... Но нѣтъ ничего хуже

какъ блуждать въ степи! Неувѣренность въ томъ, что мы приближаемся къ цѣли, невольно наталкиваетъ на мысль, что, быть можетъ, мы удаляемся отъ нея... А это убиваетъ всякую энергію...

Мы остановились и слѣзли съ утомленныхъ коней, а Киргизы поскакали по всѣмъ направленіямъ разыскивать потерянный Учъ-Кудукъ. Казаки собрали колочку и развели предъ нами огромный костеръ. Конно-иррегулярны огласили степь громкою лезгинскою пѣсней и съ нею незамѣтно слились вскорѣ оглушительные звуки кавказской зурны... Пѣсни, костеръ, зурна и дружное хлопанье въ ладоши,—это такой соблазнъ для беззаботнаго Лезгина, что онъ не удержится отъ пляски и накануне смерти!.. И вотъ, одинъ за другимъ выступая впередъ, они начали свой національный танецъ вокругъ костра,—то плавный и полный граціи, то кипучій, словно черти перебѣсились въ ногахъ,—точно въ этотъ поздній часъ только для этой удалой пляски сошлись мы въ глухомъ уголку безжизненной пустыни...

Съ небольшимъ черезъ часъ прискакалъ одинъ изъ Киргизовъ съ извѣстіемъ, что колодцы найдены: мы оставили ихъ вправо и прошли далеко впередъ... Какъ ни досадно было, но дѣлать нечего, потянулись назадъ. Киргизы въ карьеръ выскакивали впередъ и мгновенно зажигали нѣсколько кустовъ сухой колочки; пока мы подходили къ этому огню, въ отдаленіи вспыхивалъ другой... Такимъ образомъ, двигаясь по кострамъ, мы пришли къ Учъ-Кудуку въ

третьемъ часу ночи, проведя на конѣ около 9-ти часовъ!.. Правду говорилъ «Ананасъ», что и вторично не повсезетъ намъ съ этою дьявольскою цифрой 13!..

Еще далеко отъ колодцевъ насъ обдалъ отвратительный запахъ падали, который усиливался по мѣрѣ нашего приближенія... Наконецъ въ такой степени запахло мертвечиной, что просто «съ души воротить», точно мы вступили въ область гніющихъ труповъ. Хоть зажимай носъ и бѣги вонъ!.. Казаки бранились и отплевывались, но тѣмъ не менѣе мгновенно и съ обычнымъ шумомъ окружили колодезь, возлѣ котораго валялось нѣсколько дохлыхъ лошадей. Два колодца были засыпаны, а въ третьемъ, на глубинѣ двадцати сажень, была вода,—вонючая какъ падаль и горькая какъ... ужъ я не подыщу и сравненія!.. Всѣ пили ее и торопились набрать въ свои сосуды... А на утро Киргизы вытащили изъ колодца... сперва ключья шерсти, а затѣмъ и совершенно разложившуюся козу... Нечего и говорить, что и это никого не остановило: предстоялъ, по словамъ проводниковъ, восьмидесятиверстный безводный переходъ.

Киргизы принялись оттаскивать падаль, растревожили ее и еще больше заразили воздухъ. Объ ужинѣ и чаѣ нечего было и думать... Выйдя за черту этой убійственной сферы, мы растянулись на буркахъ и, несмотря на страшный голодъ, заснули какъ убитые...

На слѣдующій день утромъ сюда же подошелъ со своею колонной майоръ Аварскій. Онъ пробылъ въ дорогѣ вдвое менѣе чѣмъ мы, верховые, благодаря тому,

что наканунѣ, потерявъ насъ изъ виду и не желая напрасно утомлять людей, блуждая за ненадежнымъ проводникомъ, остановился и ночевалъ въ степи.

Подполковникъ П. съ главными силами, какъ видно, и не былъ на Учъ-Кудукѣ. Если онъ только не заблудился, то, надо полагать, прошелъ мимо этихъ колодцевъ по южной дорогѣ.

Какъ только люди Аварскаго напоили верблюдовъ и набрали учъ-кудукской воды, мы оставили эти проклятые колодцы...

До полудня все было попрежнему, но къ этому времени солнце запекло необыкновенно сильно, и мы почувствовали ту нестерпимую духоту и зловѣщую тишину въ воздухѣ, которыя обыкновенно наступаютъ здѣсь предъ какою-либо рѣзкою переменой... Физиономія степи также начала замѣтно измѣняться: показалась болѣе сочная зелень и мѣстами небольшія лужайки, покрытыя превосходною, мелкою травкой. Лошади сами сворачивали къ такимъ мѣстамъ какъ къ чему-то знакомому, родному...

Вотъ вспорхнулъ предъ нами давно невиданный коршунъ, за нимъ полетѣли въ догонку одна и другая пуля, но бесполезно. Немного погода пронеслась въ сторонѣ, точно не касаясь земли, стройная сайга съ приподнятою мордочкой, вѣроятно испуганная неожиданными гостями и дикими звуками зурны... остановилась, гордо взглянула на нашу сторону.... и понеслась быстрѣе прежняго... Цѣлая толпа Лезгинъ и Кирги-

зовъ, выхвативъ свои винтовки, съ гикомъ помчались за красавицей, но ея и слѣдъ простылъ!..

Эти легкія черты нѣкотораго оживленія послѣ безконечнаго однообразія мертвой пустыни произвели на насъ то пріятное впечатлѣніе, которое, вѣроятно, испытываютъ люди, переплывающіе океанъ, при появленіи первыхъ признаковъ недалекаго берега... Они также сулили намъ давно покинутую землю,—землю, къ какой мы привыкли, полную движенія и жизни...

Предъ вечеромъ ясное все время небо въ первый разъ заволокло небольшими тучами, — еще новость. Внезапно слышались отдаленные раскаты грома и вслѣдъ за ними начали искоса накрапывать рѣдкія, но необычайно крупныя капли дождя, разсѣвая степную мглу и поминутно мѣняя свое направленіе... Черезъ четверть часа уже точно ничего и не бывало; дождь пересталъ и солнце запекло съ прежнею силой. Только кое-гдѣ носились еще по бирюзовому небу «послѣднія тучки разсѣянной бури», словно клубы бѣлоснѣжной ваты, залитые яркимъ свѣтомъ... Воздухъ сталъ прозрачнѣе и чище.

Вдали, на краю горизонта точно мелькнула предъ нами неуловимая сначала, но постепенно возрастающая свѣтло-голубая полоска.

— Море!.. море, господа! раздались со всѣхъ сторонъ радостные голоса...

Какъ-то трепетно забилося сердце... Вмѣстѣ съ другими съ напряженнымъ вниманіемъ я устремилъ свои глаза въ эту даль, къ этому завѣтному для насъ

рубежу, за которымъ должны кончиться если не труды, то хоть лишенія, и гдѣ, наконецъ, должна начаться человѣческая жизнь!... И тамъ, на востокъ, немного погодя, мы ясно увидѣли крутые, обрывистые берега Айбугира и далеко врѣзавшуюся въ него бѣлую полосу мыса Ургу, а за ними, какъ легкая дымка, вилась на дальнемъ горизонтѣ едва замѣтная синева Хивинскаго оазиса!..

Около семи вечера мы вышли изъ пустыни и остановились на краю скалы, у мыса Кара-Гумбетъ. Здѣсь оканчивается и степь, и сплошная возвышенность. Усть-Юртъ, которая подходитъ къ самому Аралу и сразу обрывается надъ его водами отвѣсною скалой, мѣстами болѣе шестисотъ футовъ вышины. Скала эта называется также Чинкомъ, составляетъ на значительномъ протяженіи западный берегъ Аральскаго моря; продолжая затѣмъ общее направленіе на югъ, она извиливается по всему протяженію Айбугира, огибаетъ съ юга продолженіе этого залива, Акъ-Чаганакъ, и непрерывно тянется на юго-западъ чрезъ всю туркменскую степь до самаго Кара-Бугазскаго залива Каспійскаго моря. У подошвы Чинка, начиная съ мыса Ургу, широко разстилается на югъ обширная айбугирская впадина,—бассейнъ бывшаго залива. Даже на новѣйшихъ картахъ, составленныхъ специально для нашего похода, Айбугиръ показанъ заливомъ Аральскаго моря, имѣющимъ до трехсотъ верстъ въ окружности. Но теперь весь этотъ обширный бассейнъ представляетъ совершенно сухую впадину, мѣстами густо поросшую ка-

мышомъ и болѣе или менѣе значительнымъ кустарникомъ... Воды въ немъ ни капли.

Оказывается, что одинъ изъ западныхъ истоковъ Аму-Дарьи, Лауданъ, впадавшій нѣкогда въ Айбугиръ, давно измѣнилъ на востокъ свое первоначальное направление, и вслѣдствіе этого прекращенія питанія уже лѣтъ тридцать тому назадъ образовался у мыса Ургу перешеекъ между Араломъ и Айбугиромъ. Заливъ, превратившійся такимъ образомъ въ озеро, началъ быстро испаряться и уже не существуетъ болѣе десяти лѣтъ.

Кара-Гумбетъ, на которомъ мы расположились, урочище на Чинкѣ, нѣсколько южнѣе Ургу-Муруна, съ разбросанными на краю скалы киргизскими могилами и съ четырехъугольною каменною башней, приписываемою Девлетъ-Гирею. Нѣсколько позже насъ прибыла сюда же колонна Аварскаго, и общій нашъ станъ принялъ какъ бы праздничную фیزیономію. Затрещали бивуачные огни, закипѣла жизнь, полная говора и движенія... На всѣхъ лицахъ сіяла неподдѣльная радость, точно всѣ уже забыли только что пережитыя невзгоды; но, Боже, какъ я присмотрѣлся теперь, какъ измѣнились, исхудали и обросли эти, словно вылитыя, темно-бронзовые лица!.. Но несмотря на это, люди совершенно здоровы и только у трехъ-четырехъ десятковъ сильно потерты ноги. Зато лошади, особенно у конно-иррегулярцевъ, пришли въ такое состояніе, что уже совершенно не способны къ дальнѣйшей службѣ...

Не долго продолжалось ликованіе нашего лагеря.

Едва стемнѣло, какъ снова слышались раскаты грома и снова полилъ дождь, но на этотъ разъ какъ изъ ведра!.. Огни мгновенно погасли, и промокшіе до костей люди замолкли и свернулись подъ своими шинелями.

Такъ завершилось наше скитаніе по заколдованной пустынѣ, изъ котораго, казалось, не было выхода. Завтра утромъ выступаемъ въ оазисъ... Прощай же, безпріютная степь, съ твоимъ гробовымъ молчаніемъ, съ твоими песками и бурунами... Прощайте и вы, карашеки, кыныры, табынь-су и разные щенки и кудуки... Спасибо за услугу, но не дай Богъ, чтобъ еще когда-либо въ жизни пришлось прибѣгнуть къ этимъ услугамъ!..

XVI.

Переходъ черезъ Айбугирскую впадину. — Каразукъ и два часа въ кибитѣхъ зажиточнаго Каракалпака.

11 мая, Каразукъ.

Свѣтъ только-что забрезжился на востокѣ, когда глухая дробь отсырѣвшаго барабана разбудила меня на Кара-Гумбетѣ. Дождь пересталъ. Промокшіе люди уже грѣлись вокругъ костровъ; другіе только-что начали лѣниво подыматься изъ-подъ шинелей и бурокъ; но вскорѣ суета, обычная предъ выступленіемъ, охватила бивуакъ...

Заря какъ-то торжественно занялась въ это утро надъ соннымъ Хивинскимъ оазисомъ. Съ Айбугирской впадины доносились своеобразныя утреннія перекликиванія фазановъ, и надъ его темнымъ растительнымъ покровомъ какъ бы выростала и удлинялась живописная лента зарумянившихся скалъ, когда отрядъ нашъ вытянулся въ длинную вереницу и медленно, гуськомъ, началъ спускаться по крутымъ зигзагамъ Кара-Гумбета на высохшее дно, надъ которымъ еще такъ

недавно бушевали волны Аральскаго моря... Это продолжалось нѣсколько часовъ.

Айбугирская впадина, представляющая теперь, какъ я уже писалъ вамъ, сплошную глинистую равнину, покрытую въ перемежку камышомъ, саксауломъ и высокимъ кустарникомъ, тянется въ ширину около двадцати верстъ и затѣмъ едва замѣтнымъ подъемомъ сливается съ окраиной оазиса, прилегавшею къ бывшему заливу и составлявшею его луговое или низменное побережье. Перерѣзавъ этотъ бассейнъ по прямой линіи на востокъ отъ Кара-Гумбета, мы вышли на противоположную его сторону и тутъ же завидѣли болѣе полутораста кибитокъ, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ. То были соединенные аулы Каракалпакскаго племени Эсетъ. Между кибитками происходило необыкновенное движеніе: снимали жилища, выючили верблюдовъ, пѣшіе и конные сновали по всѣмъ направленіямъ, — ясно, что мы взбудоражили бѣдныхъ жителей... Оказалось, въ самомъ дѣлѣ, что со времени прибытія Оренбургскаго отряда къ Айбугиру Каракалпаки въ ужасѣ слѣдили за направлениемъ его движенія и успокоились только нѣсколько дней тому назадъ, когда узнали, что генералъ Веревкинъ перешелъ Айбугиръ нѣсколько сѣвернѣе мыса Ургу, и направился прямо на Кунградъ. Теперь внезапное появленіе Кавказцевъ предъ самымъ ауломъ въ такой степени смутило Каракалпаковъ, что они рѣшились было искать спасенія въ бѣгствѣ. Но Косумка, посланный впередъ съ нѣсколькими Киргизами, совершенно успо-

кои́ль жителей и вернулсѧ къ намъ съ двумя ихъ старшинами въ цвѣтныхъ шелковыхъ халатахъ и въ огромныхъ бараньихъ шапкахъ...

При нашемъ приближеніи старшины остановились въ почтительномъ отдаленіи, слѣзли съ коней, обнажили свои гладко выбритыя головы и, скрестивъ руки на груди, покорно ждали своей судьбы... Ихъ правильныя, загорѣлыя и нѣсколько полныя лица, повидимому, старались выразить спокойствіе... Но воображаю, что происходило въ сердцахъ этихъ, ни въ чемъ неповинныхъ предъ нами людей!.. Конечно, ихъ обласкали и послали впередъ для успокоенія своихъ ауловъ.

Отрядъ расположился на ночлегъ вблизи аула, и нашъ бивуакъ отдѣлялся отъ кибитокъ только небольшимъ оврагомъ, въ которомъ разбросаны до тридцати превосходныхъ колодцевъ, тщательно обдѣланныхъ камышомъ и извѣстныхъ подъ именемъ Каразукъ. Вотъ тутъ-то началось первое сближеніе нашихъ съ Каракалпаками. Группы женщинъ и юношей, одѣтыхъ въ грязныя рубища, тѣснились вокругъ колодцевъ и сначала только исподлобья оглядывали подходившихъ къ нимъ пришельцевъ. Но необыкновенная способность нашего солдата быстро сближаться хоть съ чортомъ и тутъ не замедлила проявить себя: недоувѣрчивыя лица вскорѣ приняли спокойное натуральное выраженіе, и боязнь ихъ смѣнилась любопытствомъ. Доставая воду нашими ведрами, женщины начали любезно наполнять прежде солдатскія баклаги и потомъ уже свои тыквы... Между Каракалпаками нашелся

одинъ, который провелъ нѣкоторое время въ Оренбургѣ и что называется мараковалъ по-руски; солдаты въ свою очередь выдвинули впередъ казанскихъ Татаръ... Завязалась бойкая бесѣда, а тамъ и дружба... Къ вечеру по всему лагерю уже сновали мужчины и женщины и продавали, хотя баснословно дорого, кумысъ, айранъ, лепешки, джугуру и т. п.

Осматривая аулъ, я приподнялъ камышевую завѣсу надъ дверьми одной кибитки, показавшейся мнѣ больше и опрятнѣе другихъ, и вошелъ въ нее. Едва появилась въ дверяхъ бѣлая фуражка, цѣлая орава мужчинъ, женщинъ и дѣтей всѣхъ возрастовъ, наполнявшихъ кибитку во всевозможныхъ положеніяхъ, встрепенулась, какъ испуганная стая... Въ срединѣ кибитки горѣлъ огонь, и дряхлая старушка мѣшала деревяннымъ ковшомъ пшеницу, варившуюся въ большомъ чугунѣ. Молодая, довольно смазливенькая женщина, въ красной канаусовой рубашкѣ сидѣла тутъ же за ручною мельницей и монотонно водила ея деревянною ручкой. Въ сторонѣ, возлѣ цѣлой груды разныхъ сундуковъ, разставленныхъ вдоль войлочной стѣнки, нѣсколько женщинъ, окруженныхъ полунагими дѣтьми, мыли какое-то тряпье въ деревянномъ корытѣ. На противоположной сторонѣ отъ нихъ, около сложенныхъ въ кучу тюфяковъ и подушекъ, сидѣло на разостланномъ войлокѣ человѣкъ семь мужчинъ за калмыцкимъ часмъ. По стѣнамъ развѣшаны халаты, на землѣ кувшины и разная посуда, возлѣ дѣтей пріютился молодой козленокъ, и подъ закоптѣлымъ

войлочнымъ сводомъ стелется дымъ, медленно выходящій въ верхнее отверстіе кибитки... Вотъ вся обстановка богатаго каракалпакскаго жилища.

Объяснивъ свое посѣщеніе простымъ любопытствомъ, я успокоилъ всѣхъ, и затѣмъ, утѣвшись среди мужчинъ, началъ разспрашивать о ихъ образѣ жизни.

Каракалпаки населяютъ сѣверо-западную полосу Хивинскаго оазиса, устья Аму-Дарьи и восточное прибрежье Аральскаго моря и занимаются скотоводствомъ и рыболовствомъ. Они составляютъ одинъ изъ многочисленныхъ киргизскихъ родовъ, называемыхъ Хивинцами общимъ именемъ *казакъ*; говорятъ общимъ киргизскимъ нарѣчіемъ, и хотя мусульмане, но, надо полагать, не особенно рьяные: грамотные между ними составляютъ весьма рѣдкое исключеніе; женщины ходятъ съ открытыми лицами, и свадебные обряды сохранили много языческаго.

У Каракалпаковъ съ незапамятныхъ временъ вкоренилось обыкновеніе мѣняться дочерьми съ сосѣдними туркменскими племенами. Это значительно повліяло на ихъ типъ: они не такъ скуласты и узкоглазы, какъ чистокровные Адаевцы на Мангышлакѣ; между ними много бородатыхъ физіономій, чего почти нельзя встрѣтить между Киргизами. Вообще Каракалпаки составляютъ что-то среднее между Киргизами и Туркменами; отъ послѣднихъ они переняли весь костюмъ и не помнятъ, когда и бросили свои волчьи малахай.

Когда я навелъ рѣчь на благосостояніе Эсетскаго

племени, собесѣдники мои какъ-то замялись и отвѣчали нехотя...

— «Какъ саменъ среди верблюдовъ, правда хороша въ бесѣдѣ», — началъ вдругъ степною поговоркой упорно молчавшій до сихъ поръ сѣдобородый старикъ. — Зачѣмъ скрывать, хотя не много, но слава Богу, есть между нами и богатые, есть такіе, что имѣютъ болѣе пятисотъ верблюдовъ, столько же барановъ; есть такіе, что платятъ по сту верблюдовъ въ калымъ за хорошую дѣвушку... Но у насъ есть поговорка, — добавилъ старикъ, — «тамъ не выростутъ деревья, гдѣ повадятся верблюды, тамъ не будутъ жить богато, гдѣ появятся Туркмены». А Туркмены незваные являются къ намъ на грабежъ очень часто и уводятъ цѣлыя стада, а то богатыхъ между нами было бы еще больше... Бѣдныхъ же Каракалпаковъ сколько хотите: цѣлыя тысячи живутъ въ устьяхъ Дары, едва прокармливаясь однимъ рыболовствомъ...

Я замѣтилъ на стѣнѣ кибитки двухструнную балалайку, слегка выглядывавшую изъ-подъ полосатаго халата, и предложилъ нѣсколько вопросовъ о музыкѣ и пѣсняхъ Каракалпаковъ... По ихъ словамъ, балалайка — ихъ единственный инструментъ, и та составляетъ большую рѣдкость въ аулахъ. Пѣсни поются любовныя и такъ называемыя батырь-иръ, то-есть воспѣвающія богатырей. По моей просьбѣ, поддержанной старикомъ, одинъ изъ молодыхъ Эсетовъ снялъ со стѣны балалайку, и послѣ долгаго настраиванья и откашливанья началъ заунывно мурлыкать какой-то батырь-

ирь подь монотонный аккомпансментъ своего допотопнаго инструмента... Я весь отдался вниманію, чтобъ узнать содержаніе киргизской саги, но напрасно: слова растягивались и глотались такъ немилосердно, что кромѣ безпрестанно повторявшагося имени «Эдигей», и нѣсколькихъ отрывочныхъ словъ, къ сожалѣнію, я ничего не понялъ. Вообще, сколько я могъ узнать, историческія пѣсни общи у всѣхъ Киргизскихъ племенъ и сложены едва ли не въ самую эпоху воспѣваемыхъ ими событій. Они пестрятъ именами Мамай, Батый, Эдигей и обнимаютъ только бурный періодъ монгольскихъ завоеваній. Вмѣстѣ съ исторіей, видно, неподвижно остановилась здѣсь и поэзія, ибо послѣднія четыре столѣтія какъ бы канули въ воду для средне-азіатскаго народа...

Поблагодаривъ за бесѣду своихъ новыхъ знакомыхъ и подаривъ ихъ дѣтямъ нѣсколько мелкихъ монетъ, я возвратился къ себѣ въ лагерь.

XVII.

Погоня за Оренбуржцами. — Сѣверныя окрестности Кунграда и башня сумасброда. — Кунградъ и Биргизъ-комендантъ. — Первые Оренбуржцы. — Домъ губернатора. — Дыни. — Одинадцать обезглавленныхъ труповъ и участіе въ экспедиціи судовъ аральской флотиліи.

Утромъ, 13 мая Бивуакъ у Огуза.

Вчера, рано утромъ, въ палатку, въ которой я спалъ вмѣстѣ съ «Ананасомъ» и съ княземъ М., прибѣжалъ подполковникъ Гродековъ и объявилъ, что начальникъ отряда, вслѣдствіе только что полученнаго письма генерала Веревкина, ѣдетъ къ нему за Кунградъ, и приказалъ намъ сопровождать его. Мы вскочили на ноги и черезъ четверть часа уже ѣхали подъ конвоемъ двухъ сотенъ и ракетной команды.

Путь на протяженіи первыхъ 10—12 верстъ не представлялъ ничего особеннаго, — равнина, поросшая кустарникомъ, съ кое-гдѣ выглядывающими изъ зелени глиняными могилами Каракалпаковъ. Далѣе, дорогу начали пересѣкать болѣе или менѣе глубокіе арыки, канавы, сначала сухіе, затѣмъ полные проточною аму-дарынскою водой. Какъ вступающіе въ Ели-

сейскія поля предъ рѣкой забвенія, мы остановились у перваго изъ водныхъ арыковъ, жадно припали къ его струямъ, напоили своихъ коней, и затѣмъ весело продолжали путь, точно позабывъ всѣ муки степнаго чистилища... Зелень становилась выше и гуще; арыки съ неуклюжими мостиками встрѣчались все чаще; наконецъ все пространство предъ нами какъ будто покрылось зелеными коврами разныхъ оттѣнковъ. Весь горизонтъ подъ свѣтло-бирюзовымъ небомъ, перерѣзанный по всѣмъ направленіямъ сотнями оросительныхъ канавъ, очаровалъ насъ и легкою зыбью заколосившихся хлѣбовъ, и сочными полями клевера и люцерны, и роскошными группами карагачей, надъ которыми высились цѣлые ряды пирамидальныхъ тополей, и наконецъ душистымъ воздухомъ, въ которомъ стояли ароматы полевыхъ цвѣтовъ и звонъ отъ щебетанья птичекъ!.. Весна въ полномъ разгарѣ на этой окраинѣ оазиса.

«Какая разница съ голодною степью!» слышалось кругомъ. «Сколько гигантскаго труда надо было положить для того, чтобы голую равнину покрыть въ такомъ изобиліи водой и растительностью!..»

По мѣрѣ приближенія къ Кунграду путь нашъ оживлялся еще болѣе. Широкая пыльная дорога, наминавшая почтовые тракты юга Россіи, поминутно пробѣгала то мимо водяной мельницы, пріютившейся подъ широкою тѣнью исполинскаго дерева, то мимо оригинальной водоподъемной машины надъ глубокимъ арыкомъ, или обширной гробницы изъ жженого кир-

пича, со стройнымъ фасадомъ и изящнымъ куполомъ, блестящимъ на солнцѣ своими изразцовыми арабесками... Жизнь, видно, кипѣла здѣсь еще нѣсколько дней тому назадъ, но теперь не доставало уже живыхъ существъ для полного оживленія этой богатой обстановки: все населеніе разбѣжалось въ разныя стороны въ виду приближенія Русскихъ, и мы встрѣтили на пути только двухъ-трехъ Каракалпаковъ, которые также удалялись со своимъ скарбомъ, навьюченнымъ на нѣсколькихъ верблюдахъ...

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кунграда насъ поразила по своей оригинальности башня Аулія-хана, то-есть сумасброднаго хана. Она стоитъ на небольшомъ курганѣ, среди разбросанныхъ надгробныхъ памятниковъ и имѣетъ въ вышину не менѣе 120 футовъ. Верхняя половина башни совершенно уцѣлѣла снаружи и блеститъ на солнцѣ своими голубыми изразцовыми украшеніями; нижняя, напротивъ, обвалилась и такъ оригинально, что тутъ образовался узкій перехватъ, дающій башнѣ видъ стоячаго бокала... Мы не могли надивиться какъ еще стоитъ эта башня, когда, казалось бы, достаточно одного порыва вѣтра для того, чтобъ ее опрокинуть... Говорятъ, что она построена нѣсколько вѣковъ тому назадъ какимъ-то Аулія-ханомъ, который и похороненъ подъ этимъ сооруженіемъ...

Вообще вся обстановка нашего движенія къ Кунграду была въ такой степени своеобразна и такъ просилась подъ карандашъ, что нѣсколько разъ я не могъ отказать себѣ въ желаніи сдѣлать хотя легкіе наброски

съ того или другаго вида. Останавливался, отставалъ, мчался въ догонку за своими и, продѣлывая это нѣсколько разъ, такъ загналъ своего иноходчика-Киргиза, что, наконецъ, принужденъ былъ бросить бѣдное животное на произволъ судьбы и пересѣсть на другую лошадь... Эта же обстановка въ такой степени поглощала общесъ вниманіе, что мы и не замѣтили какъ пролетѣли болѣе тридцати верстъ и очутились въ виду Кунграда. Тутъ насъ встрѣтилъ небольшой разъѣздъ Уральскихъ казаковъ, — первые Русскіе, которыхъ мы увидѣли за все время похода... Они сообщили, что Кунградъ брошенъ жителями и что генералъ Веревкинъ выступилъ далѣе по направленію Хивы.

Кунградъ выглядываетъ издали порядочно укрѣпленнымъ, конечно въ смыслѣ средне-азіатскомъ. Его высокія зубчатыя стѣны, прорѣзанныя бойницами, казались довольно внушительными еще съ разстоянія полуверсты, но затѣмъ послѣдовало совершенное разочарованіе: стѣнъ не оказалось вовсе, а городскую ограду составляетъ глиняный валъ съ банкетомъ, сильно растрескавшійся, мѣстами полуразрушенный и обнесенный водянымъ рвомъ. Все внутреннее пространство образуемаго этимъ валомъ неправильнаго многоугольника покрыто прилипшими другъ къ другу сѣрыми мазанками, безъ оконъ и съ плоскими кровлями. Въ центрѣ города возвышается надо всѣми строеніями правильная фигура четырехъугольной цитадели, съ толстыми стѣнами, съ полукруглыми башнями по угламъ и по сторонамъ воротъ, со множествомъ глиняныхъ

контрфорсовъ и съ одною высокою сторожевою башней изъ плетня и досокъ, сильно покосившеюся на сторону и поддержанною деревянными подпорками. Цитадель эту огибають съ одной стороны небольшой притокъ Аму-Дарьи, который извивается по срединѣ города, прорѣзываетъ городской валъ, наполняетъ его рвы и затѣмъ медленно струить на сѣверъ свои мутныя воды...

Во всемъ городѣ буквально не было ни одной живой души, и въ такомъ видѣ его нашелъ нѣсколько дней тому назадъ отрядъ генерала Веревкина. Еслибы не каики *), вытянутые на берегъ, и не кибитки, выглядывавшія почти изъ cadaго двора, можно было бы подумать, что Кунградъ мертвый, давнымъ-давно брошенный городъ.

Оборона города была поручена ханомъ одному бѣглому нашему офицеру изъ сибирскихъ Киргизовъ, который ушелъ въ Хиву вслѣдствіе какихъ-то неудовольствій съ начальствомъ. Видно было по всему, что онъ и не думалъ защищаться или, вѣрнѣе, не ожидалъ Русскихъ со стороны Айбугира. При первомъ извѣстіи о приближеніи Оренбуржцевъ, комендантъ скрылся изъ города и заблагоразсудилъ принести генералу Веревкину свою повинную голову, а жители разбѣжались въ паническомъ страхѣ. Въ противномъ случаѣ почти восьмидесячное населеніе Кунграда имѣло полную возможность исправить городскую ограду и при нѣ-

*) Большія туземныя лодки.

которой стойкости по крайней мѣрѣ не дешево продать свой городъ...

Генераль Веревкинъ оставилъ въ Кунградѣ полсотни казаковъ, роту пѣхоты и часть лазарета со всѣми больными своего отряда; къ нимъ должны присоединиться два наши горныя орудія и сотня конно-иррегулярцевъ. Этому гарнизону предназначено стоять внутри и вокругъ казеннаго дома кунградскаго бека или губернатора, который расположенъ совершенно отдѣльно, внѣ городской ограды и можетъ служить типичнымъ образцомъ новѣйшей хивинской архитектуры. Домъ этотъ четырехъугольный, весь изъ сырой глины, и общимъ видомъ своимъ производитъ впечатлѣнiе тяжелой, неуклюжей массы, напоминающей что-то въ родѣ древне-египетскаго сооруженiя, выросшаго подъ тѣнью огромныхъ карагачей. Глухія и высокiя стѣны подперты снаружи тяжелыми цилиндро-коническими колоннами, которыя подобно дымовымъ трубамъ возвышаются еще на нѣсколько футовъ надъ плоскою кровлей и оканчиваются коническими срѣзами. Тяжелыя деревянныя ворота, расположенныя между двумя такими колоннами, ведутъ со стороны города въ обширный внутреннiй дворъ; здѣсь вдоль двухъ стѣнъ расположена подъ угломъ высокая галлерей, опирающаяся на деревянныя колонки, покрытая крупною, но чрезвычайно искусною рѣзбой. Пять низкихъ дверей ведутъ изъ галлерей въ отдѣльныя комнаты съ голыми стѣнами и съ землянымъ поломъ. Комнаты не сообщаются между собой, не имѣютъ оконъ, и въ нихъ

царствуетъ вѣчный мракъ, способный проникнуть въ душу не только кунградскаго бека, но и всякаго, кто въ нихъ поселится...

На всякій случай губернаторскій домъ былъ уже нѣсколько приспособленъ Оренбуржцами къ оборонѣ: по внутреннему его обводу устроенъ деревянный банкетъ для стрѣлковъ и по двумъ угламъ — настилки для горныхъ орудій.

Предъ домомъ, на небольшой площадкѣ, отдѣленной отъ него арыкомъ, стояли палатки офицеровъ и между ними просторная кибитка казачьяго полковника, начальника кунградскаго гарнизона. Достаточно было войти въ эту кибитку и только взглянуть на ея обстановку, чтобъ увидеть сразу, что Оренбуржцы идутъ далеко не такими Спартакцами, какъ мы, Кавказцы. Тутъ были и желѣзная кровать съ постелью и подушками, и складной столъ съ табуретами, и выюнные сундуки съ погребцомъ и рукомойникомъ, — словомъ, все, что нужно для походнаго комфорта и чего не было у насъ даже у начальника отряда... Тѣмъ не менѣе, при входѣ въ кибитку все вниманіе наше привлекъ на себя почтенный старикъ-хозяинъ. Полный, приземистый и загорѣлый, съ сѣдыми усами и бородой, въ русской рубахѣ, выпущенной поверхъ широчайшихъ чембаръ *), расшитыхъ цвѣтными шелками и забранныхъ въ высокія голенища, онъ показался намъ истымъ типомъ средне-азіатскаго казака, посѣдѣвшаго

*) Туземные замшевыя шаровары въ Средней Азіи.

въ степныхъ походахъ. Не будь погонювъ на его широкихъ плечахъ, можно бы подумать, что предъ нами выросъ старый атаманъ Запорожцевъ...

— Господа Кавказцы, милости прошу выпить и закусить чѣмъ Богъ послалъ, обратился къ намъ полковникъ послѣ обычнаго представленія.

А Богъ послалъ ему все, о чемъ мы только могли мечтать, грызя свои окаменѣлые сухари... Въ кибиткѣ полковника мы перезнакомились съ его офицерами, — тоже въ чембарахъ, съ оригинальными сартовскими шашками черезъ плечо. Какъ и надо было ожидать оказался обширный матеріалъ для возбужденія любопытства обѣихъ сторонъ, и взаимные разспросы не прекращались до самаго нашего отѣзда...

На той же площадкѣ стояли кибитки маркитанта, ловкаго малаго съ Волги. Куда забрался, подумаешь, въ погонѣ за наживой!.. Къ нему присосѣдились какіе-то туземцы съ сушеными фруктами, — образовался базаръ... Пока мы завтракали у начальника гарнизона, сюда нахлынули наши казаки и конно-иррегулярцы и жадно накинулись на лакомства, въ особенности на сушенныя дыни...

Хивинскій оазисъ, говорятъ, славится во всей Средней Азіи необыкновенно крупными, ароматическими и сладкими дынями съ ломкимъ оранжевымъ мясомъ. Онѣ растутъ здѣсь въ изобиліи и въ извѣстную пору года питаютъ почти все населеніе ханства. Хивинцы весьма искусно сохраняютъ дыни въ теченіе почти десяти мѣсяцевъ посредствомъ подвѣшиванія въ

прохладныхъ мѣстахъ, и кромѣ того они сушатъ ихъ. Въ началѣ осени дыни разрѣзаются на длинные ломти и послѣ просушки на солнцѣ свиваются въ канаты, которые поступаютъ на рынки и расходятся по всѣмъ окружающимъ степямъ. Въ такомъ видѣ дыня уже не подвергается порчѣ и вслѣдствіе испаренія водяныхъ частей пріобрѣтаетъ необыкновенную сладость; но благодаря небрежному храненію къ ней прилипаетъ такая масса шерсти и всякой грязи, что надо быть крайне небрезгливымъ, чтобы полакомиться тѣми канатами, которые мы видѣли на кунградскомъ базарѣ...

— А это вы видѣли? спросилъ меня вдругъ казачій офицеръ, съ которымъ я обходилъ базаръ.

Онъ указалъ на толпу солдатъ, которые съ лопатами въ рукахъ копошились надъ чѣмъ-то недалеко отъ городского вала.

— Нѣтъ... что это они дѣлаютъ?

— Видите влѣво отъ солдатъ чернѣютъ на землѣ какъ будто грядки?

— Ну...

— Это лежатъ одиннадцать обезглавленныхъ труповъ: одного офицера и десяти матросовъ Аральской флотиліи... Солдаты копаютъ для нихъ одну общую могилу...

Дѣло вотъ въ чемъ:

Одновременно съ приближеніемъ нашихъ отрядовъ къ хивинскимъ предѣламъ, суда Аральской фло-

тиліи вступили въ устье Аму-Дарьи и, согласно общему плану экспедиціи, должны были подыматься вверхъ по рѣкѣ, соображаясь съ движеніемъ сухопутныхъ войскъ. Верстахъ въ десяти отъ устья, пароходы *Перовскій* и *Самаркандъ*, съ баржами на буксирѣ, прошли подъ ядрами хивинской крѣпостцы Акъ-кала, причемъ были ранены нѣсколько матросовъ и самъ начальникъ флотиліи, капитанъ 2-го ранга Ситниковъ; но дальнѣйшее движеніе вверхъ оказалось невозможнымъ, такъ какъ Хивинцы преградили главные рукава Аму, на высотѣ Кунграда и ниже, восемью обширными плотинами, имѣющими, говорятъ, не менѣе десяти сажень ширины. Остановившись въ виду этихъ препятствій, капитанъ Ситниковъ узналъ отъ явившагося къ нему Киргиза Утатилау, что русскій отрядъ уже подступаетъ къ Кунграду, и для того, чтобы войти съ нимъ въ связь рѣшился послать на берегъ команду матросовъ при штурманскомъ офицерѣ, вызвавшемся добровольно на это рискованное предпріятіе. Утатилау взялъ на себя провести команду къ генералу Веревкину, и на первомъ же ночлегѣ, въ аулѣ, сговорился съ жителями, перерѣзалъ спящихъ моряковъ и съ одиннадцатью головами бѣжалъ къ Хивинскому хану.

Это обстоятельство, полагають, также не мало способствовало бѣгству кунградскаго населенія, которое опасалось заслуженнаго возмездія Русскихъ.

Для обнаженныхъ и обезображенныхъ тѣлъ этихъ несчастныхъ жертвъ новаго азіатскаго вѣроломства рыли въ Кунградѣ ту братскую могилу, на которую

указывалъ мнѣ казачій офицеръ. Я было направился туда, но меня остановилъ тотъ же собесѣдникъ.

— Не совѣтую, сказалъ онъ,—тѣла разложились такъ сильно, что близко невозможно подойти, да и интереснаго ничего нѣтъ: Киргизы сняли съ нихъ все платье, такъ что трупъ офицера могли отличить только по одной ногѣ, на которой случайно сохранился тонкій, окровавленный носокъ...

Да и некогда было: намъ уже подали лошадей, и мы спѣшили, чтобы къ ночи настигнуть Оренбургскій отрядъ.

XVIII.

Южная окрестность Кунграда. — Генералъ Веревкинъ и Оренбургскій отрядъ. — Ночлеги на Огузѣ и „финалъ“ степнаго похода.

Вечеромъ, 13-го мая. Бивуакъ у Огуза.

Южныя окрестности Кунграда представляютъ на первыхъ верстахъ отъ города ту же богатую картину прекрасно воздѣланныхъ полей, садовъ, огородовъ и то же обиліе растительности и оросительныхъ канавъ, пересѣкающихъ почву по всѣмъ направленіямъ. Разница была лишь въ томъ, что здѣсь попадались еще рисовыя поля, казавшіяся сплошными болотами, да разбросанные по сторонамъ дороги кишлаки *), почти ничѣмъ не отличавшіеся отъ дома кунградскаго бека. Но вскорѣ обстановка измѣнилась: дорога со свѣжими слѣдами Оренбуржцевъ выбѣжала на голую, необитаемую равнину, на которой встрѣчались только колючка, гребенщикъ, кусты саксаула и, весьма часто, развалины глиняныхъ укрѣпленій, возведенныхъ во время междоусобныхъ войнъ.

*) Зимовники.

Мнѣ рассказывали, что войны между отдѣльными племенами возникаютъ здѣсь весьма часто и, разъ вспыхнувъ, продолжаются упорно и съ большимъ ожесточеніемъ. Такъ, послѣдняя война между двумя значительнѣйшими племенами ханства, — Юмутаи и Чоудурами, — возникла изъ-за какого-то канала, длилась двадцать шесть лѣтъ и прекратилась только при нынѣшнемъ Мадраимъ-ханѣ. Эти и другія племена весьма часто воюють и съ самимъ ханомъ: лѣтъ пятнадцать тому назадъ только-что окончилась борьба между Хивой и владѣтелемъ Кунграда Пана-ханомъ, какъ Кунградцы провозгласили своимъ главой Юмута Ата-Мурата и подъ его начальствомъ вступили въ новую ожесточенную борьбу за свою независимость... Эта послѣдняя война окончилась новымъ торжествомъ Хивинскаго хана, войска котораго взяли и разрушили Кунградъ, а Ата-Мурадъ-ханъ, послѣ долгихъ скитаній по степямъ, бѣжалъ къ намъ въ Красноводскъ и теперь, говорятъ, идетъ на Хиву вмѣстѣ съ отрядомъ полковника Маркозова...

Было около 10 часовъ вечера, когда, утомленные и разбитые, мы наткнулись въ темнотѣ на пикетъ Оренбургскихъ казаковъ и завидѣли вдали массу огней, раскинутыхъ на извилистомъ берегу Огуза, одного изъ притоковъ Аму-Дарьи. То былъ станъ Оренбургскаго отряда. Чуть не дѣтскій восторгъ охватилъ насъ при видѣ этихъ огней, какъ будто черезъ нѣсколько минутъ насъ ждали тамъ горячія объятія дорогихъ, близкихъ сердцу людей...

Переодѣвшись въ мундиры, мы направились къ бивуачнымъ огнямъ. Оренбуржцы еще не спали и ихъ лагерный шумъ какъ-бы возрасталъ по мѣрѣ нашего приближенія. Казаки наши затаили хоромъ громкую пѣсню, конно-иррегулярцы пустили въ ходъ свою неистовую зурну; и съ этимъ шумомъ мы вступили въ странный, повидимому, лагерь, въ которомъ не было ни одной палатки: это былъ цѣлый, своеобразный городъ темныхъ войлочныхъ кибитокъ, изъ которыхъ мгновенно высыпалъ весь народъ на необычайное для него зрѣлище. Несмѣтныя, казалось, полчища верблюдовъ наполняли все пространство между кибитками и ярко пылавшими кострами, и всполошились отъ дикихъ звуковъ нашей зурны... Въ этой обстановкѣ мы пробрались въ средину лагеря, остановились и слѣзли съ коней.

Черезъ минуту мы были въ обширной, бѣлой кибиткѣ, въ которой могли бы свободно умѣститься, по крайней мѣрѣ, сорокъ человѣкъ; складные кровать, столъ и нѣсколько табуретовъ составляли ея убранство. При нашемъ входѣ изъ-за стола приподнялся маленькаго роста, одѣтый въ сѣрое пальто, плотный и бодрый старикъ, съ быстрыми живыми глазами и съ закрученными кверху сѣдыми усами, генералъ-лейтенантъ Вережкинъ... Нашъ добрый Л. казался сильно взволнованнымъ: для него наступила торжественная минута блистательнаго исполненія поставленной ему задачи—соединенія съ Оренбуржцами. Онъ подошелъ къ генералу, прерывающимся голосомъ отрапортовалъ

о благополучномъ прибытіи и затѣмъ представилъ насъ. Генераль пожалъ всѣмъ руки и пригласилъ сѣсть...

— Ну, какъ вы прошли, полковникъ? началъ генераль.

— Благополучно, ваше превосходительство, и всѣ господа офицеры... весьма усердно...

— Словомъ, благополучно?

— Благополучно, ваше превосходительство.

— И отлично-съ!... Чтò и нужно было...

Послѣдовало еще нѣсколько незначущихъ вопросовъ и отвѣтовъ, которые почти не коснулись нашего похода и перенесенныхъ трудовъ... Было видно, что генераль не изъ особенно разговорчивыхъ, но тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на насъ, было совершенно въ его пользу. До своего назначенія военнымъ губернаторомъ Уральской области и наказнымъ атаманомъ Уральского войска, Вережкинъ служилъ много лѣтъ въ артиллеріи на Кавказѣ, и вдоль и поперекъ исходилъ весь Туркестанскій край. И степи, и Среднюю Азію съ ея населеніемъ, онъ, говорятъ, знаетъ какъ свои пять пальцевъ; слѣдовательно, онъ зналъ прекрасно и тѣ труды, которые должны были выпасть на нашу долю, а въ такомъ случаѣ едва ли не былъ правъ, не считая нужнымъ особенно распространяться объ этомъ предметѣ съ усталыми людьми, которымъ послѣ семнадцати часовъ, проведенныхъ на сѣдлѣ, совсѣмъ не до оффиціальныхъ разговоровъ...

— Ну, господа, закончилъ генераль, — идите и

отдохните. Вы сдѣлали сегодня два большіе перехода и, конечно, устали... Очень радъ, что познакомился... Будетъ время, наговоримся...

Мы вышли.

Возлѣ кибитки генерала теперь толпились офицеры его штаба. Они обступили насъ съ самыми любезными предложеніями и разобрали всѣхъ по своимъ кибиткамъ... «Ананасъ», князь Меликовъ, я и еще нѣсколько человѣкъ попали къ одному изъ адъютантовъ генерала Крыжановскаго, обстановка котораго въ просторной кибиткѣ не оставляла желать ничего лучшаго въ походѣ. На столѣ вскорѣ появились спасительный чай, закуска, шампанское... и пошли безконечные распросы съ обѣихъ сторонъ...

Оренбургскій отрядъ состоитъ изъ восьми ротъ, восьми сотенъ и десяти орудій. Снабженіе его больше чѣмъ роскошное: продовольствіе въ изобиліи, правильно организованный штабъ, прекрасный лазаретъ съ санитарными каретами, съ носилками, съ запасами общества «Краснаго Креста», при особомъ уполномоченномъ; сосуды для воды, переносные колодцы, войлочные кибитки на каждыя двѣнадцать человѣкъ отряда, масса маркитантовъ и испытанные проводники при каждой части; наконецъ, тарантасы или телѣги у каждаго офицера, и четыре тысячи верблюдовъ для поднятія тяжестей... Это все такія вещи, которыя намъ и не снились, которыя при опытномъ начальникѣ могутъ уподобить всякій степной походъ веселой комфортабельной прогулкѣ... А нашъ отрядъ?! Сухари впроголодь,

винтовка, полный хоръ музыки и молодецкій духъ въ изобиліи...

Къ полуночи все смолкло въ оренбургскомъ лагерьѣ. Огни погасли и лунный свѣтъ едва пробивался сквозь сырую мглу, охватившую равнину Огуза. Было холодно... Поблагодаривъ хозяина за любезный пріемъ, мы перешли въ отведенную намъ кибитку, улеглись на сѣнѣ и укрылись чьими-то огромными тулупами...

Сегодня утромъ я проснулся отъ необыкновеннаго шума: слышались команды, гремѣли бубенчики и колокольчики будто на свадебномъ поѣздѣ богатаго деревенскаго парня, и по временамъ доносились съ разныхъ сторонъ дружные отвѣты солдатъ на привѣтствія командировъ... Было сыро, не хотѣлось подыматься и я продолжалъ лежать въ полудремотѣ, высунувъ одну лишь голову изъ-подъ теплаго тулупа... Въ кибитку вошелъ здоровый урядникъ съ малиновыми погонами на рубашкѣ и такими же лампасами на синихъ шароварахъ, Уралецъ.

— Ваше благородіе! гаркнулъ онъ вдругъ, наклонившись надъ самымъ ухомъ «Ананаса», который лежалъ съ краю и спалъ еще. — Позвольте снять джеламейку!...

«Ананасу» послышалась «тревога!», онъ вскочилъ какъ ужаленный.

— Что?

— Джеламейку надоть бы выучить, повторилъ урядникъ,—прочіе уже поперли...

— Какого Джаламека?... Ты, братецъ, должно, ошибся; здѣсь кавказскіе офицеры спятъ.

— Да эта нашей сотни, только на ночь взяли у насъ, настаивалъ Уралецъ, указывая на кибитку и какъ бы недоумѣвая предъ непонятливостью Кавказца.

— Кибитку, что ли, тебѣ?...

— Кибитка, ваше благородіе, та турхменская, большая, какъ у нашихъ господъ, объяснилъ урядникъ,—а эта махонькая, киргизская, у насъ джеламейкой прозывается...

— Да снимай себѣ... проговорилъ «Ананасъ», снова зарываясь подъ тулупъ.

— Снимай, ребята! скомандовалъ урядникъ, выходя изъ своей «джеламейки».

Черезъ минуту наше жилище уже было сложено на лежавшаго вблизи верблюда и намъ при свѣтѣ высоко поднявшагося солнца представилась живая картина Оренбургскаго отряда:

Часть кавалеріи съ орудіями уже скрылась изъ виду, другая только что садилась, чтобъ идти въ арріергардъ и была бы чрезвычайно эффектна въ своихъ цвѣтныхъ рубашкахъ посотенно, еслибы не цѣлый лѣсъ тяжелыхъ и бесполезныхъ пикъ... Но, казалось, не было конца извивавшейся по пыльной дорогѣ длинной вереницѣ верблюдовъ и повозокъ всевозможныхъ названій!... Въ этомъ безконечномъ транспортѣ только коегдѣ виднѣлись бѣлые ряды солдатъ съ блестящими на солнцѣ штыками, и, благодаря этому, общая картина Оренбургскаго отряда напоминала шествіе

подъ военнымъ прикрытіемъ странной смѣси огромнаго обоза съ огромнымъ караваномъ...

Мы со своими двумя сотнями и съ однимъ маркитантомъ, пожелавшимъ присоединиться къ намъ, остались здѣсь на мѣстѣ ночлега въ ожиданіи остальныхъ частей нашего отряда, которыя и прибыли сегодня вечеромъ. Завтра пойдемъ опять догонять Оренбуржцевъ, но уже съ цѣлымъ отрядомъ.

Я уже оканчивалъ это письмо, когда зашелъ ко мнѣ на огонекъ одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ только что прибывшей колонны подполковника П.

— Скажите, обратился я къ нему, между прочимъ,—куда вы дѣлись съ Ербасана? Мы васъ такъ и не дождались на Кара-Гумбетъ...

— Видите ли, мы, оказывается, взяли далеко вправо отъ дороги и поэтому, миновавъ колодцы Учъ-Кудукъ, очутились Богъ знаетъ въ какомъ положеніи!.. Представьте себѣ: голая степь, пекло въ 42°, запасъ воды израсходованъ до послѣдней капли; колодцы, по мнѣнію проводниковъ, оставлены позади и въ сторонѣ почти на цѣлый переходъ, а люди еле плетутся, потому что ноги пришли въ такое состояніе, что страшно посмотрѣть, когда кто-либо изъ нихъ сниметъ обувь! Что тутъ дѣлать?.. Не идти же назадъ, когда приказано спѣшить до послѣдней возможности?.. Мы рѣшились пробиться, такъ сказать, къ Айбугиру и пошли... Бѣдные солдаты, чего только они не выносятъ безропотно... покорно въ такой степени, что какъ посмотришь иной разъ, просто слезы навертываются!.. «Что,

братъ, спросишь, усталъ?»—«Что жъ дѣлать, ваше благородіе, надо идти... да жаль, водички нѣту...» оботретъ рукавомъ мокрое отъ пота лицо, положитъ ружье на другое плечо и дальше... Ну, вышли мы наконецъ къ Айбугиру у спуска Чебынъ, верстъ, говорятъ, на тридцать южнѣе Кара-Гумбета. Тутъ кстати дождь пошелъ, и бѣдняжки сразу точно забыли всѣ свои муки... Нужно вамъ замѣтить, что нашъ П. прекрасный человѣкъ, но имѣетъ чрезвычайную слабость къ рѣчамъ, съ которыми ежедневно обращается къ солдатамъ. Бывало, послѣ каждаго перехода держитъ подъ ружьемъ лишнихъ десять, пятнадцать минутъ и безъ того утомленныхъ людей, прежде чѣмъ наговорится въ волю о разныхъ Сципіонахъ Африканскихъ... Но какъ же оставить безъ рѣчи торжественный день окончанія степного похода?.. «Пейте, пейте, братцы! закончилъ онъ свое обращеніе къ солдатамъ, указывая вокругъ на лужайки дождевой воды.—Само Провидѣніе послало намъ эту воду въ награду за наши труды и лишенія!» И подполковникъ припалъ къ лужѣ, стоявшей на флангѣ баталіона.

XIX.

Соединеніе отрядовъ. — Кіятъ-Ярганъ и дальнѣйшій путь. — Ночной пѣльнъ и утренній смотръ. — Войска Инака, камыши и непріятельскій лагерь. — Восточная красавица. — Встрѣча съ Хивинцами и первое дѣло. — Окрестности Ходжали и состояніе мѣстной агрикультуры. — Ходжалинская депутація, сдача города и кавказскій вечеръ.

16 мая. Лагерь подъ Ходжали.

Оренбуржцы были впереди насъ на цѣлый переходъ и 14-го числа должны были отойти еще далѣе, до урочища Карабайли. Для того, чтобы настигнуть удаляющійся отрядъ генерала Веревкина, Кавказцамъ оставалось одно средство: пройти въ одинъ день оба перехода, составлявшіе въ сложности болѣе пятидесяти верстъ. Для нашей кавалеріи, простоявшей сутки на прекрасномъ корму у Огуза, подобное движеніе не могло представить никакихъ затрудненій, но этого далеко нельзя было сказать объ изнуренной пѣхотѣ, которая шла форсированнымъ маршемъ безостановочно съ самаго Алана. Однако рѣшиться было тѣмъ болѣе необходимо, что 15-го числа, говорили, генераль будетъ

штурмовать Ходжали. Въ виду этого, съ разсвѣтомъ 14 мая отрядъ нашъ поднялся съ Огуза и пошелъ одною общеою колонной.

Пространство отъ Огуза до урочища Карабайли не представляетъ ничего интереснаго, за исключеніемъ развѣ одного канала Кіятъ-Яргана, встрѣчающагося на половинѣ дороги. Мѣстность эта никѣмъ не населена и потому на ней нѣтъ ни одной постройки, ни клочка обработанной земли, и до самага канала такая же равнина, мѣстами съ высокимъ кустарникомъ, какая тянулась южнѣ Кунграда.

Широкій Кіятъ-Ярганъ, съ извилистыми, неправильными берегами въ уровень съ водой и съ островками, образовавшимися отъ наносовъ, походитъ больше на рѣку, чѣмъ на каналъ, и его можно бы принять за одинъ изъ истоковъ Аму-Дарьи, еслибы не названіе, означающее «Кіятъ—провелъ».

Моста не было на каналѣ и потому переправа отряда потребовала около двухъ часовъ времени. Казаки подсаживали пѣхотинцевъ къ себѣ на лошадь, перевозили на тотъ берегъ и опять возвращались за новыми пассажирами... Но, къ счастію, каналъ оказался не особенно глубокимъ, и большинство солдатъ, не ожидая казачьей помощи, облачилось въ костюмы прародителей и пошло въ бродъ, неся въ поднятыхъ рукахъ ружье и платье...

За каналомъ кустарникъ становится выше и мѣстами переходитъ въ густой лѣсъ съ небольшими прогалинами; извилистая и пыльная дорога прорѣзываетъ

эту чашу, какъ широкая просѣка, и не доходя двухъ-трехъ верстъ до урочища Карабайли, сразу выбѣгаетъ на открытую равнину, упирающуюся въ Аму-Дарью.

Эту вторую половину дороги люди, какъ и нужно было ожидать, шли съ большимъ трудомъ, растягивались на нѣсколько верстъ, отставали и вызывали неоднократныя остановки...

Стемнѣло. Густой лѣсъ стоялъ по обѣимъ сторонамъ дороги, точно сплошныя черныя стѣны, и не позволялъ и думать о боковыхъ развѣздахъ; между тѣмъ мѣстность благопріятствовала всевозможнымъ засадамъ. На только что проходившій предъ нами арріергардъ Оренбургскаго отряда было сдѣлано небольшое нападеніе, и на одной прогалинѣ мы наткнулись на трупъ Туркмена и убитую лошадь, валявшіеся, какъ послѣдствія этой неудачной попытки... Если Хивинцы, какъ говорятъ, и не трусы, то во всякомъ случаѣ, надо полагать, что у нихъ нѣтъ военной сметки для надлежащей оцѣнки благопріятныхъ мѣстныхъ условій: что бы только надѣлали тутъ даже двѣ-три сотни смѣлыхъ и ловкихъ горцевъ!..

Было уже поздно. Мы продрогли отъ ночной сырости и соскучились отъ медленнаго движенія... Кто-то предложилъ поѣхать впередъ, чтобъ поужинать у оренбургскаго маркитанта. Предложеніе было принято, и человѣкъ десять офицеровъ, въ томъ числѣ и я, отдѣлились отъ отряда и понеслись впередъ... Спустя часъ, мы наткнулись на оренбургскіе аванпосты, а вскорѣ прибыли и въ лагерь. Все уже спало здѣсь. Только

кое-гдѣ виднѣлись при лунномъ свѣтѣ медленно расхаживавшія фигуры часовыхъ, да у штабныхъ кибитокъ пробивались еще огоньки и слышался легкій говоръ...

Послѣ веселаго часа, проведеннаго въ кибиткѣ маркитанта, мы снова вскочили на коней и пустились въ карьеръ черезъ спящій лагерь на встрѣчу къ своему отряду... Сопровождавшихъ насъ Лезгинъ, благодаря ихъ папахамъ, часовые приняли за Туркменъ: одинъ за другимъ грянули два выстрѣла и одна изъ пуль провизжала предъ самымъ носомъ «Ананаса»...

Лагерь всполошился. Нѣкоторые офицеры выскочили изъ кибитокъ. Горнистъ взялъ уже первыя ноты тревоги, но кто-то остановилъ его...

— Господа, потише!.. шагомъ! шагомъ!.. Васъ перестрѣляютъ всѣхъ! слышался за нами голосъ полковника Саранчова, начальника штаба Оренбургскаго отряда.

— Шагомъ! шагомъ!.. повторяли Теръ-А. и подполковникъ Скобелевъ.

Но мы неслись... пока не наткнулись на краю лагерь на фронтъ дежурной сотни и не очутились въ плѣну у ея командира князя Имеретинскаго. Не будь сотни, мы бы неминуемо влетѣли въ огромный ровъ съ водой, проходившій въ двухъ шагахъ за ея спиной... Князь далъ намъ казаковъ, которые проводили насъ до нашего отряда, только-что расположившагося нѣсколько въ сторонѣ отъ Оренбуржцевъ.

Причиной этой продѣлки, конечно, былъ марки-

тантъ... но только благодаря счастливому случаю она окончилась безъ плачевныхъ послѣдствій.

На другой день рано утромъ отрядъ нашъ, состоявшій къ этому времени изъ девяти ротъ, двухъ орудій и трехъ сотенъ съ ракетною командой, построился въ каре на мѣстѣ своего ночлега. За ночь люди обчистились и теперь выглядѣли такъ, какъ будто только-что вышли на парадъ прямо изъ своихъ казармъ; да и мы, офицеры, нарядились въ этотъ день особенно тщательно, чтобы не удариться въ грязь предъ Оренбуржцами, и просто блистали бѣлизной своего костюма... Генералъ Веревкинъ, въ сопровожденіи огромной свиты, въ которой галопировали между офицерами и разные почетные Киргизы и Туркмены, проѣхалъ по фронту нашихъ войскъ, поздоровался и благодарилъ каждую часть за молодецкій походъ...

Еще, говорятъ, наканунѣ было получено извѣстіе о томъ, что хивинскія войска, высланныя противъ насъ подъ начальствомъ Инака, дяди хана, уже дней двадцать тому назадъ сосредоточены въ укрѣпленномъ лагерѣ, верстахъ въ пятнадцати впереди Ходжали, и намѣрены защищать этотъ городъ. Численность ихъ опредѣляли въ 8.900 человекъ при четырехъ орудіяхъ: собственно Хивинцевъ 1.000 человекъ пѣхоты съ важнымъ сановникомъ ханства, Мехтеръ Медреимомъ, во главѣ; все остальное—конница, въ которой Узбековъ и Юматовъ по пятисотъ, Кипчакъ-Мангитовъ, Илалы и Алелы по триста и, наконецъ, шесть тысячъ Каракалпаковъ.

Вслѣдствіе этого извѣстія, наши соединенные отряды, составившіе силу въ семнадцать ротъ, десять орудій и одиннадцать сотенъ съ ракетною и саперною командами, тотчасъ послѣ объѣзда генерала тронулись съ мѣста двумя колоннами по направленію къ Ходжали: лѣвую колонну составили Оренбуржцы, которые направились по дорогѣ, а на полверсты правѣе и на одной высотѣ съ ними пошли Кавказцы. Верблюды и тяжести отряда двигались въ общей массѣ позади колоннъ подъ небольшимъ прикрытіемъ пѣхоты.

Съ часъ мы подвигались въ такомъ порядкѣ безъ особыхъ препятствій, но затѣмъ густые камыши, перемѣшанные съ колючимъ кустарникомъ и покрывающіе въ этомъ мѣстѣ весь лѣвый берегъ Аму, начали сильно затруднять движеніе нашей Кавказской колонны. Камышъ становился все выше и выше, въ немъ скрылись сначала штыки солдатъ, затѣмъ всадники, наконецъ и ихъ значки, и движеніе головныхъ сотенъ обозначалось цѣлыми рядами камыша, съ трескомъ валившагося подъ напоромъ массы лошадей... Движеніе въ этой обстановкѣ изъ самыхъ непріятныхъ и утомительныхъ: лошади и люди вязнутъ, сучья поминутно хлещутъ по лицу, и вы на каждомъ шагу рискуете остаться безъ глазъ или оставить безъ нихъ свою лошадь... Колонна наша подвигалась все тише и тише, пока не дошла до непроходимой чащи, предъ которою принуждена была свернуть на дорогу и очутиться въ тылу у Оренбуржцевъ...

Вѣроятно, мы нарушили покой не одного изъ

страшныхъ обитателей этихъ камышевыхъ чащъ, полосатыхъ тигровъ, если только справедливы рассказы Туркменъ о томъ, что ихъ здѣсь великое множество...

Проѣхавъ верстъ десять, мы наткнулись на укрѣпленный лагерь Хивинцевъ, о которомъ я говорилъ выше. Обширное пространство, обнесенное землянымъ окопомъ, было покрыто маленькими шалашами и многочисленными кучками еще горячей золы: это было все. Тѣхъ, кого намъ нужно, не было опять!.. Непріятель покинулъ свой лагерь и бѣжалъ предъ самымъ нашимъ приходомъ. Общее разочарованіе было самое полное, и среди нетерпѣливой молодежи слышались фразы въ родѣ того, что Хивинцы не больше, какъ недосыгаемый призракъ...

Нѣсколько далѣе хивинскаго лагеря, сквозь густую стѣгу высокихъ стеблей и перепутанныхъ листьевъ камыша, вдругъ засверкала поверхность точно стоячей воды, облитой солнцемъ; вслѣдъ затѣмъ дорога вышла на самый берегъ, и намъ въ полномъ своемъ блескѣ представилась средне-азіатская красавица Аму-Дарья!.. Съ самаго Кунграда мы двигались все время почти по побережью этой рѣки, но она, какъ стыдливая невѣста своей родины, таилась отъ глазъ нашихъ и только теперь первый разъ сняла предъ нами свое таинственное растительное покрывало: и въ самомъ дѣлѣ она была красавица!.. Широкою, въ добрую версту, серебряною лентой, какъ сплошную массу сверкающихъ звѣздъ, несла она молча безъ единого плеска свои мутныя воды, залитыя палящимъ солнцемъ. Было что-то при-

ковывающее въ этомъ спокойномъ величіи многоводной рѣки! Только послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвнаго созерцанія я вспомнилъ томившую меня жажду, слѣзъ съ коня и, наклонившись надъ берегомъ, сдѣлалъ нѣсколько жадныхъ глотковъ аму-дарьинской воды: послѣдовало нѣкоторое разочарованіе... «Только любоваться бы тобой и никогда не прикасаться!» невольно подумалъ я: такъ тепла, илиста и вообще грязна была эта восточная красавица, окрещенная даже арабскими писателями Джейхуномъ или грязною рѣкой...

Безжизненный противоположный берегъ тянулся узкою, песчаною полосой, слегка подернутый зеленью. Онъ казался колеблющимся отъ сильныхъ испареній, дрожавшихъ надъ рѣкой и мѣстами блисталъ на солнцѣ золотистымъ отливомъ...

Прямо противъ насъ виднѣлись на томъ берегу силуэты множества кибитокъ и шалашей, и между ними при нашемъ появленіи засуетились пѣшіе и конные люди. «Непріятель!» подумали мы... Три конныя орудія немедленно снялись съ передковъ и направили туда свои жерла... но въ то же время нѣсколько человѣкъ бросились съ того берега въ воду, достигли вплавь до ближайшихъ отмелей, остановились и начали кричать, что здѣсь кочевья мирныхъ Каракалпакъ... Колонны оставили ихъ въ покоѣ и тронулись далѣе, но арріергардъ, не зная въ чемъ дѣло, пустилъ въ нихъ нѣсколько десятковъ пуль и получилъ за это приличный нагоняй...

Около часа дорога тянулась по открытому берегу и затѣмъ опять повернула въ камыши. Здѣсь авангардъ нашъ снова увидалъ людей, но на этотъ разъ прямо противъ себя: по дорогѣ галопировали, удаляясь отъ насъ, отдѣльные всадники, а по сторонамъ въ камышахъ цѣлыми сотнями мелькали черныя туркменскія шапки... Наконецъ-то непріятель!

Нѣсколько сотенъ, бывшихъ во главѣ обѣихъ колоннъ, развернулись и пошли рысью. Остальныя войска прибавили шагъ. Оренбургскіе и Уральскіе казаки, по приказанію своего начальника полковника Леонтьева, бросили при этомъ въ Аму-Дарью всѣ свои пики, служившія только совершенно бесполезнымъ бременемъ...

Непріятельскіе всадники нѣсколько разъ исчезали въ камышахъ при нашемъ приближеніи и, выростая снова въ большемъ числѣ, разсыпались во всѣ стороны, или останавливались при замедленіи нашего хода. Пѣхота обѣихъ колоннъ выбивалась изъ силъ, но не могла подойти даже на дальній выстрѣлъ... Но вотъ камышъ сталъ мельче, сотни ринулись въ атаку; Хивинцы съ неимоверною быстротой отхлынули назадъ и невозможно было и думать, чтобы догнать ихъ свѣжихъ, прекрасныхъ коней... Сотни остановились и открыли огонь. Со страшнымъ шипѣніемъ полетѣла первая наша ракета, взвилась надъ камышами, рѣзнула спокойную гладь блиставшей за ними рѣки и скрылась... за нею другая... еще и еще ракета. Въ толпѣ непріятеля, тамъ и сямъ, мелькнули клубки дыма отвѣтныхъ выстрѣловъ, но ихъ пули и не приблизились къ намъ...

Сорвавшаяся въ это время лошадь нашего ракетнаго офицера помчалась по направленію къ непріятелю. Нѣсколько Хивинцевъ бросились ловить ее, но прежде чѣмъ схватили, наша кавалерія уже снова неслась на непріятеля и на этотъ разъ еще болѣе безуспѣшно, благодаря изрытой кочковатой мѣстности, едва позволявшей двигаться даже шагомъ, нѣсколько лошадей вмѣстѣ съ сѣдоками свалились въ глубокія ямы прежде чѣмъ успѣли остановить сотни, а Хивинцы счастливо завладѣли конемъ нашего офицера и одинъ изъ нихъ дерзко пересѣлъ на нее на нашихъ глазахъ.

Эти бесполезныя атаки повторялись еще нѣсколько разъ, пока мы не вышли на открытую поляну. Здѣсь огромныя толпы непріятеля повидимому рѣшились сразиться, — онѣ огласили воздухъ неистовыми криками «аламанъ! аламанъ!» *) охватили въ разсыпную наши фланги, сгустились къ центру и остановились... Три наши конныя орудія быстро вылетѣли впередъ и снялись съ передковъ.

— Первое! послышался звонкій голосъ лихаго командира конной батареи, есаула Горячева.

Грянулъ выстрѣлъ. Какъ отдаленные раскаты грома загрохотало эхо надъ молчаливою рѣкой... Граната угодила въ самую гущу непріятельскихъ всадниковъ; раздался трескъ и Хивинцы шарахнулись во всѣ стороны, какъ осколки самого снаряда...

Еще нѣсколько выстрѣловъ, и изъ-за обоихъ флан-

*) Воины! воины!

говъ батареи внезапно вынеслись казаки, сверкая въ облакахъ пыли обнаженными шашками, и устремились на непріятеля... Хивинцы какъ бы выжидали съ минутой; казалось, вотъ сойдутся и закипитъ рукопашная... Но нѣтъ, не выдержали и на этотъ разъ халатники!.. Ихъ тысячныя толпы повернули предъ нашими четырьмя сотнями и черезъ нѣсколько минутъ совершенно скрылись изъ виду...

Уже въ Ходжали намъ рассказывали, что въ этотъ день Хивинцы три раза собирались на отчаянную атаку, но каждый разъ въ самую рѣшительную минуту «не хватало пороху»...

Видя бесполезность дальнѣйшей погони, генераль Веревкинъ приказалъ ударить отбой и прекратилъ преслѣдованіе. Казаки и конно-иррегуляры, въ безсильной злобѣ на непріятеля, съ которымъ такъ жаждали сразиться въ этотъ день, остановились въ виду ходжалинскихъ садовъ и слѣзли со своихъ измученныхъ коней; къ нимъ стянулись остальные части отряда и послѣдовалъ общій привалъ...

Черезъ два часа отряды двинулись въ прежнемъ боевомъ порядкѣ. Оренбуржцамъ снова выпала дорога, ведущая прямо къ сѣвернымъ воротамъ ходжалинской ограды; они безпрепятственно двинулись впередъ, и вскорѣ мы видѣли только пыль отъ нихъ, извивавшуюся среди яркой зелени ходжалинскихъ садовъ и поствовъ. Кавказцы взяли, попрежнему, на полверсты вправо и очутились сразу предъ цѣлымъ лабиринтомъ препятствій: сады, огороды и всевозможные поствы,

испещренные густою сѣтью каналовъ, арыковъ, глиняныхъ стѣнокъ, земляныхъ насыпей и живой, колючей изгороди, сплошь покрывали все пространство, лежавшее предъ нами... Въ этой обстановкѣ пѣхота наша едва подвигалась впередъ, и поэтому бывшая во главѣ кавалерія отдѣлилась отъ колонны и скрылась за густою рощей, правѣ нашего общаго направленія...

На одной полянѣ я получилъ приказаніе догнать кавалерію и остановить ее до присоединенія пѣхоты. Тутъ я расскажу мои собственные приключенія при исполненіи этого приказанія для того, чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о ближайшихъ окрестностяхъ Ходжали, о хивинской агрикультурѣ и, между прочимъ, о тѣхъ преградахъ, которыя лежали на пути Кавказскаго отряда...

Мѣстность, конечно, была совершенно незнакомая, дороги не было; карта не могла служить пособіемъ, ибо на ней Ходжали обозначены обыкновеннымъ, небольшимъ кружкомъ, безо всякихъ топографическихъ подробностей, и, какъ я уже говорилъ, кавалерія скрылась изъ виду. При такихъ условіяхъ мнѣ ничего болѣе не оставалось какъ взять прямое направленіе къ упомянутой рощѣ и скакать...

Черезъ нѣсколько секундъ я наткнулся на арыкъ, аршина въ два ширины: шпоры—и я за арыкомъ, на прекрасной полянѣ люцерны, усѣянной фіолетово-голубыми цвѣтами. Перескочивъ снова черезъ невысокій глиняный парпетъ, окаймлявшій поляну съ противоположной стороны, я вышелъ на широкую поперечную

дорогу, покрытую слоем тончайшей пыли, до которой достаточно было прикоснуться ногой, чтобы поднять вокруг себя цѣлое облако; рядомъ тянулся и каналъ мутной, почти стоячей воды, съ крутыми насыпями по обоимъ берегамъ и шириной около пяти-шести сажень...

Я остановился въ недоумѣніи предъ этимъ препятствіемъ: моста не было, а бѣлыя рубашки нашихъ стрѣлковъ мелькали между деревьями по ту сторону канала,—какъ они переправились?.. Наугадъ, я поскакалъ по дорогѣ вправо, и вскорѣ увидѣлъ что-то чернѣвшее поперекъ канала,—то былъ мостикъ, вѣроятно, на низкихъ сваяхъ, но ихъ нельзя было видѣть, такъ какъ настилка изъ мелкаго хвороста лежала надъ самою водой и потонула еще болѣе подъ тяжестью моей лошади.

Обширное и обсаженное кругомъ деревьями рисовое поле, съ едва выглядывающими изъ воды ростками, лежало за мостикомъ какъ сплошное болото. Направо нельзя было ѣхать: два ряда молодыхъ тополей, возвышавшихся тамъ надъ двумя параллельными насыпями, показывали близкое сосѣдство еще новаго арыка; ѣхать налѣво по берегу канала—значило удаляться отъ цѣли. Я рѣшился пересѣчь рисовое поле, но только что лошадь опустила въ воду переднія ноги—онѣ завязли въ грязи по колѣно и бѣдное животное едва выкарабкалось обратно... Дѣлать было нечего и я понесся налѣво, по берегу большого канала. Миновавъ рисовое поле и перерѣзавъ нѣсколько посѣвовъ джугуры и пшеницы, я снова увидѣлъ

предъ собой бѣлыя рубашки солдатъ и сверкавшіе между деревьями штыки,—то была цѣпь, остановившаяся предъ арыкомъ. По гребню насыпи пробѣгалъ подполковникъ Гродековъ и, повидимому, отыскивалъ мѣсто, позволяющее перепрыгнуть на ту сторону...

— Чтѣ, братцы, стали? спросилъ я, придерживавъ коня предъ одною группой солдатъ.

— Да вотъ, ваше благородіе, арыкъ проклятый растянулся поперекъ... ничего съ нимъ не подѣлаешь... Ихъ мы съ десятокъ перешли сегодня, да тѣ все будто посходнѣе были...

Насыпные края арыка возвышались на цѣлую сажень, но на взглядъ они отстояли такъ близко другъ отъ друга, что, казалось, можно и перепрыгнуть на тотъ берегъ.

— Какъ «ничего не подѣлаешь»?..

Говоря это, я уже соскочилъ съ лошади и подбѣжалъ къ арыку. Ширина его, какъ я увидѣлъ теперь, могла быть нѣсколько болѣе одной сажени, но размышлять было некогда, и я сдѣлалъ прыжокъ... Едва ноги мои ударились о противоположную насыпь, она съ шумомъ обвалилась; я полетѣлъ въ арыкъ и мгновенно окунулся въ его мутной, расплескавшейся водѣ... Вынырнуть изъ воды, ухватиться за корни чинара, висѣвшіе надъ моею головой, и выбраться изъ арыка при помощи солдатскихъ ружей, было дѣломъ одной минуты, но, воображаю, какъ я былъ хорошъ въ это время въ своемъ «бѣломъ» кителѣ!.. Тогда, конечно, я объ этомъ не думалъ,—мнѣ только мерещи-

лась ускользящая кавалерія, я снова вскочилъ на лошадь и полетѣлъ искать счастья въ новомъ мѣстѣ...

Не прошло и трехъ минутъ, какъ два канала, встрѣчающіеся подъ прямымъ угломъ, загородили мнѣ дорогу: одинъ имѣлъ около шести сажень ширины; другой вытекалъ изъ перваго, былъ гораздо уже и лежалъ на моемъ пути. Что мнѣ дѣлать?.. Вернуться назадъ къ мостику предъ рисовымъ полемъ значило потерять слишкомъ много времени... «Авось не глубоко», подумалъ я, и, вскочивъ на береговую насыпь, подобралъ лошадь и началъ понукать ее шпорами; она только вздрагивала отъ боли, но наконецъ медленно, какъ бы ошупью, спустилась съ крутой насыпи. Переднія копыта погрузились въ арыкъ. Лошадь вытянула шею и обнюхивала почти стоячую воду. Но вотъ, она увидела тамъ свое отраженіе,—фыркнула и шарахнулась было назадъ, но копыта быстро скользнули внизъ по мокрой глинѣ. Еще мгновенье—и мы оба, какъ обвалившаяся глыба скалы, рухнули и погрузились въ воду...

Къ счастью, я не попалъ подъ лошадь и быстро вынырнулъ. Широкіе водяные круги, разбѣгаясь по поверхности взбаломученнаго арыка, одинъ за другимъ плескались о противоположный берегъ и туда же, кряхтя и какъ бы судорожно потряхивая красивою головой, плылъ мой конь съ распущеннымъ по водѣ хвостомъ. Я вцѣпился за этотъ хвостъ и, послѣ долгой возни, мы оба наконецъ выбрались на сушу...

Конь мой казался пѣгимъ отъ массы прилипшей къ нему желтой глины; онъ дрожалъ, вода съ него

струилась... Я должно быть тоже походилъ на какую нибудь глыбу земли подъ проливнымъ дождемъ, еле дышалъ отъ усталости и въ душѣ энергически проклиналъ и Хивинцевъ, и въ особенности ихъ ирригаціонную систему безо всякихъ средствъ для переправы... Выжавъ наскоро прилипшую къ головѣ фуражку, я взобрался на мокрое сѣдло и снова погналъ свою измученную лошадь...

Перескакивая черезъ мелкія оросительныя канавы, я несся теперь какъ бы по цвѣтнымъ коврамъ богатой растительности, удивляясь все болѣе и болѣе разнообразію и тщательной обработкѣ ходжалинскихъ полей. Чего только тутъ не было!.. Направо и налево, то и дѣло мелькали то нивы высокой, уже пожелтѣвшей пшеницы, то поля проса и чечевицы, и наконецъ подъ самымъ городомъ—цвѣтушія группы фруктовыхъ деревьевъ, плантаціи хлопчатника, табаку и правильныя зеленѣющія грядки со всевозможными овощами... На всемъ пространствѣ предъ глазами не было ни одной пяди необработанной земли!..

Въ этой обстановкѣ я проскакалъ около версты и, поднявшись на небольшой бугоръ, сразу увидѣлъ предъ собой всю нашу кавалерію. Она вышла сюда, сдѣлавъ огромное обходное движеніе по указанію проводниковъ, и теперь, спѣшившись на небольшой полянѣ, спокойно ждала прибытія остальнаго отряда. Такимъ образомъ всѣ мои труды и купанья оказались совершенно бесполезными и я съ досадой слѣзъ съ измученнаго, запыхавшагося коня.

Впереди насъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, лежалъ Ходжали. Но его глиняныя стѣны, прорѣзан-ныя бойницами, скрывались за деревьями и выгляды-вали безмолвно только мѣстами, какъ будто несчастныя прогалины среди зелени. Не было видно ни одной души, не раздавался ни одинъ выстрѣлъ, какъ будто городъ былъ брошенъ подобно Кунграду.

Съ бугра мы наблюдали нѣкоторое время за дви-женіемъ нашего отряда и видѣли какъ густыя облака пыли, удаляясь отъ насъ, медленно тянулись къ сѣ-вернымъ воротамъ города. Было ясно, что препятствія, лежавшія по первоначальному направленію Кавказцевъ, принудили ихъ свернуть на дорогу и идти въ тылу за Оренбуржцами... Мы сѣли на коней и рысью пошли вдоль городской ограды, наперерѣзъ своему отряду...

Оказалось, что въ полуверстѣ отъ города генерала Веревкина встрѣтила ходжалинская депутація изъ нѣ-сколькихъ десятковъ почетныхъ стариковъ, съ изъ-явленіемъ своей покорности и съ просьбой о пощадѣ. Съ этою депутаціей во главѣ, отряды и вступили въ городъ.

Кавалерія подошла къ воротамъ, когда главныя наши силы уже дефилировали по узкимъ улицамъ Ходжали. Крайняя, довольно широкая улица, на ко-торую мы вышли, проходила между городскимъ валомъ и глиняными мазанками съ наглухо запертыми воро-тами; она была буквально запружена повозками и и верблюдами оренбургскаго обоза, наперерывъ стре-мившимися впередъ среди шума, давки и цѣлыхъ

облаковъ поднятой пыли... Съ трудомъ пробравшись по этой улицѣ и не встрѣтивъ ни одного туземца, я переправился по мосту черезъ широкій городской каналъ и, выйдя за городъ, догналъ отряды, которые уже располагались въ многочисленныхъ садахъ по обѣимъ сторонамъ дороги...

День закончился кавказскимъ вечеромъ, на который мы пригласили оренбургскихъ офицеровъ. Въ саду на разостланныхъ буркахъ расположились приглашенные и хозяева, а вокругъ, при свѣтѣ гигантскихъ костровъ, попеременно гремѣли музыка, пѣсни и зурна и отхватывалась удалая лезгинка... Послѣ веселаго ужина, съ музыкой и пѣснями, мы проводили своихъ гостей до ихъ кибитокъ.

XX.

Поѣздка въ Ходжали. — Базаръ и туземная мельница. — Гробница ходжалинскаго святого и необыкновенное кладбище. — Мечеть и медресе. — Священный городъ и его привилегіи. — Дневки и сношенія съ жителями.

Вечеромъ, 17 мая. Ходжали.

Стоимъ уже второй день въ ходжалинскихъ садахъ. Пользуясь этимъ, постараюсь познакомить васъ какъ съ городомъ, такъ и съ исключительнымъ положеніемъ его населенія.

Нашъ кавказскій лагерь примыкаетъ къ главному ходжалинскому каналу, который имѣетъ здѣсь видъ глубокаго, извилистаго оврага, около десяти сажень ширины. Стофутовые вязы тянутся шпалерами по обѣимъ его сторонамъ, а фруктовыя деревья и роскошные карагачи, нависшіе съ береговъ высокимъ зеленѣющимъ сводомъ, превосходно осѣняютъ зеркальную поверхность почти неподвижной воды. Лучшаго мѣста для купанья трудно и придумать. Всѣ, кому нечего дѣлать, проводятъ у этого канала вотъ уже второй день: варятъ, стираютъ первый разъ за

весь походъ черезчуръ уже загрязнившіяся бѣлье и платье и сами полощутся въ водѣ чуть не поминутно, такъ какъ ослѣпительно-яркое солнце жжетъ нестерпимо...

Выкупавшись въ этомъ каналѣ, я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ осматривать Ходжали. Духота обуяла меня сразу, какъ только я выѣхалъ изъ сада на дорогу. Въ воздухѣ было необыкновенно тихо: ни одинъ листокъ не шевелился на деревьяхъ... Желтая, раскалившаяся пыль медленно носилась надъ дорогой, по которой сновали наши солдаты и казаки, проносились конные офицеры и изрѣдка, съ джугурой на продажу, тянулась въ лагерь скрипучая туземная арба, запряженная небольшимъ, но породистымъ конемъ, въ сопровожденіи группы загорѣлыхъ Ходжалинцевъ. Послѣдніе, въ своихъ полосатыхъ халатахъ и огромныхъ бараньихъ шапкахъ, останавливались рядкомъ при видѣ офицеровъ, молча отвѣщивали глубокій поклонъ со скрещенными на груди руками и, шлепая своими неуклюжими, желтыми сапогами, скрывались черезъ нѣсколько шаговъ въ густыхъ облакахъ пыли... Черезъ глиняныя стѣнки, по обѣимъ сторонамъ дороги, виднѣлись разбросанныя въ садахъ кибитки, группы дремавшихъ верблюдовъ, и въ коновязяхъ полусонныя лошади, едва оправившіяся отъ бесполезной гонки за трусливыми войсками Инака...

Свернувъ за мостомъ налѣво, я подвигался нѣкоторое время по берегу канала, а затѣмъ, проѣхавъ двѣ-три тѣсныя, безлюдныя улицы, застроенныя одно-

этажными глиняными саклями, очутился на базарѣ, почти въ центрѣ города. «Интересно побывать на базарѣ; здѣсь сосредоточивается вся жизнь среднеазиатскихъ городовъ», говорили мнѣ еще въ лагерь и я надѣялся увидѣть что-нибудь въ родѣ площади, застроенной лавками. Не тутъ-то было... Ходжалинскій базаръ,—та же тѣсная улица, въ которой не разѣхались бы двѣ арбы, но крытая плоскою кровлей. Задыхаясь отъ жара, я однако съ удовольствіемъ въѣхалъ въ прохладную, густую тѣнь этой улицы, и легкія мои сразу почувствовали сыроватый, освѣжающій воздухъ...

Улица была полна народу въ самыхъ пестрыхъ одеждахъ, между которыми преобладали однако бѣлыя рубашки нашихъ солдатъ. Шумъ и говоръ доносились еще издали; особенно бойко перекрикивали мальчики, разносившіе по базару пшеничныя лепешки и кислое молоко со льдомъ, любимый, прохладительный напитокъ туземцевъ. Лавки тянутся по обѣимъ сторонамъ улицы, но они ничто иное, какъ широкіе прорѣзы въ стѣнахъ, обвѣшанные и заваленные до крайности пестрымъ, разнообразнымъ товаромъ. Чаше другихъ встрѣчались фруктовыя лавки съ сушеными плодами, со свѣжими вишнями и абрикосами; преобладающій товаръ остальныхъ лавокъ—туземные халаты, огромные сапоги изъ верблюжьей кожи, конскій уборъ, посуда, табакъ, кирпичный чай и т. п. Не было ничего ни изящнаго, ни цѣннаго, такъ какъ все порядочное, говорятъ, припрятано изъ боязни грабежа. Многія лавки,

въ самомъ дѣлѣ, были заперты, а въ открытыхъ жалко было смотрѣть на трусливо озиравшіяся фигуры торговцевъ, сидѣвшихъ посреди своего товара...

— Должно быть, тоже за достопримѣчательностями города?.. Ну, что, много видѣли? обратился ко мнѣ въ концѣ базара одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ.

— Покамѣсть, ровно ничего.

— Мельницу видѣли?..

— И мельницы не видѣлъ.

— Ахъ, батюшка, непременно надо посмотрѣть... Просто умора, я вамъ скажу!.. Вотъ видите, отсюда третья дверь направо? Она тамъ, зайдите...

Подѣхалъ я къ этой двери направо, слѣзъ съ коня и вошелъ въ темную, сырую, но довольно просторную лавку ходжалинскаго лабазника и продавца пшеничныхъ лепешекъ; она вся была заставлена мѣшками муки, а въ одномъ изъ ея угловъ помѣщалась небольшая туземная пекарня. Черезъ открытую, противоположную дверь я спустился отсюда по нѣсколькимъ ступенямъ въ сосѣднюю комнату, еще болѣе темную и сырую, казавшуюся на первый взглядъ какимъ-то сказочнымъ подземельемъ. Свѣтъ едва проникалъ въ нее изъ небольшого отверстія подъ самымъ потолкомъ, и только черезъ нѣсколько секундъ я началъ съ трудомъ разглядывать посрединѣ комнаты какой-то широкий, бѣловатый цилиндръ и за нимъ громадную фигуру страшно исхудалаго верблюда... Прошло еще нѣсколько минутъ и только тогда я увидѣлъ предъ со-

бой крайне немудрую, но оригинальную, хивинскую мельницу.

На высотѣ одной сажени отъ земли деревянная воронка, въ которую насыпается зерно, вставлена въ каменный жерновъ, сидящій и вращающійся на стержнѣ другого такого же камня; этотъ послѣдній, въ свою очередь, лежитъ на цилиндрической мазанкѣ, которая вмѣщаетъ въ себѣ выдвижной деревянный ящикъ, приѣмникъ муки. Мельница приводится въ движеніе посредствомъ небольшого наклоннаго шеста, который однимъ концомъ прикрѣпленъ къ верхнему жернову, а другимъ къ большой деревянной дугѣ, въ которую впряженъ верблюдъ съ завязанными глазами. Бѣдное животное, обреченное на эту египетскую работу, останавливается или бѣжитъ вокругъ мельницы, повинувшись крику своего хозяина изъ сосѣдней комнаты...

Я проѣхалъ еще по нѣсколькимъ улицамъ, но не встрѣтилъ ни одного зданія, сколько-нибудь заслуживающаго вниманія. Многочисленные мечети отличаются отъ обыкновенныхъ сакель только нѣсколько большими размѣрами, ни одна изъ нихъ не имѣетъ даже минарета.

Мнѣ сказали, что при главной мечети есть гробница какого-то святого, родоначальника и патрона Ходжалинцевъ, и вотъ я предъ нею: вдоль улицы тянется высокая, глиняная ограда, изъ-за которой слѣва едва выглядываетъ вершина кирпичнаго купола. Маленькою дверью посрединѣ ограды я вошелъ въ квадратный, довольно просторный внутренній дворъ: направо рас-

положена высокая галлерея, ведущая въ главную мечеть; налѣво гробница, а между ними, прямо противъ входныхъ дверей, могилы.

Гробница ходжалинскаго святого—высокое четырехъугольное кирпичное зданіе, увѣнчанное небольшимъ куполомъ; всю его красоту составляетъ лицевая стѣна съ цвѣтными, изразцовыми украшеніями, которая, подобно вертикальному щиту, заслоняетъ собой все зданіе и куполь гробницы, и оканчивается широкимъ зубчатымъ карнизомъ. Черезъ маленькую дверь, медленно и какъ-то таинственно отворенную передо мной привратникомъ Ходжалинцемъ, я увидѣлъ внутренность гробницы или, вѣрнѣе, самую могилу одного изъ родственниковъ Магомета. Она возвышалась на нѣсколько футовъ посреди темной комнаты и сплошь была покрыта кусками парчи, шелковыхъ и бумажныхъ матерій...

Заплативъ за это удовольствіе серебряную монету, принятую съ глубокимъ поклономъ хранителемъ священныхъ останковъ, я обратилъ все свое возбужденное вниманіе на останки обыкновенныхъ смертныхъ, лежавшихъ *на поверхности земли*, на всемъ протяженіи между гробницей и мечетью. Представьте себѣ нѣсколько плотныхъ рядовъ досчатыхъ клѣтушекъ или ящичковъ служащихъ гробами, положенныхъ на землю и слегка засыпанныхъ сверху землей; надъ этими нижними рядами, второй и третій ярусы такихъ же гробовъ...

Подъ вліяніемъ времени, доски нижнихъ рядовъ

сгнили, верхнія обрушились на нихъ, и всѣ вмѣстѣ представляютъ теперь груды костей, земли, тряпья, прогнившихъ досокъ и череповъ, безобразно выглядывающихъ изъ этой хаотической массы. Казалось, я вижу предъ собой кладбище какихъ-то паріевъ, не нашедшихъ себѣ обыкновеннаго человѣческаго погребенія, но мой чичероне, хранитель святой гробницы, совершенно разсѣялъ эту догадку. Онъ объяснилъ происхожденіе такого страннаго конгломерата какимъ-то мѣстнымъ повѣріемъ, вслѣдствіе котораго каждый Ходжалинецъ еще при жизни добивается чести быть похороненнымъ подлѣ своего святого родоначальника. Хотя это удается не каждому и составляетъ нѣкоторымъ образомъ привилегію важнѣйшихъ родовъ, однако, съ теченіемъ времени, когда земля уже приняла достаточную массу покойниковъ, пришлось хоронить сперва на поверхности ся, а затѣмъ и надъ могилами...

Мечеть, какъ я уже говорилъ, не представляетъ ничего интереснаго. Это одна высокая и обширная комната, которая можетъ вмѣстить нѣсколько сотъ человѣкъ. Потолокъ упирается на нѣсколько рядовъ деревянныхъ столбовъ, а земляной полъ покрытъ цыновками. При слабомъ свѣтѣ, проникавшемъ изъ нѣсколькихъ отверстій подъ самымъ потолкомъ, я увидѣлъ въ глубинѣ мечети десятка три бѣлыхъ тюбановъ и столько же согнутыхъ спинъ въ цвѣтныхъ халатахъ: былъ часъ молитвы правовѣрныхъ.

Боковая дверь съ галлерей мечети ведетъ въ ходжалинское *медресе* или школу. Теперь въ ней былъ

только одинъ учитель, — подслѣповатый старикъ въ огромной чалмѣ, бѣжавшій изъ Самарканда при взятіи этого города нашими войсками. Сидя на цыновкѣ передъ *бухарой* или каминомъ, онъ подогрѣвалъ себѣ чай при мосмѣ появленіи, и увидя русскій костюмъ сразу притворился слѣпымъ...

Вотъ всѣ плоды моихъ скитаній по улицамъ Ходжали. Прибавлю къ этому, что довольно значительный городъ обнесенъ съ трехъ сторонъ глинобитнымъ валомъ со рвомъ впереди, а съ четвертой южной стороны оmyвается обширнымъ каналомъ, проведеннымъ изъ Аму-Дарьи. Очевидно, Хивинцы не думали оборонять и этотъ городъ, такъ какъ они не только не исправили сильныя поврежденія городской ограды, но даже не напустили воды въ ровъ, что потребовало бы весьма мало и труда, и времени. Ходжали лежитъ въ семи верстахъ на западъ отъ Аму-Дарьи и считается священнымъ городомъ Хивинскаго ханства. Жители его, которыхъ, по ихъ собственнымъ словамъ, отъ 8 до 9 тысячъ, слывутъ *ходжами* или *сеидами*, то-есть потомками Пророка, и потому не платятъ податей, не несутъ никакихъ повинностей и составляютъ нѣчто въ родѣ маленькаго государства въ государствѣ. По укоренившемуся обычаю, войска хана не имѣютъ права даже проходить чрезъ этотъ городъ, и между прочимъ года три тому назадъ, когда нынѣшній Мадраимъ-ханъ выѣхалъ въ сопровожденіи четырехъ тысячъ всадниковъ на соколиную охоту въ окрестностяхъ Ходжали, только онъ со своими министрами, диванъ-беги

и кушъ-беги, проѣхалъ по городу, а вся конница объѣхала его по дальнимъ садамъ... Ходжалинцы рассказываютъ, что на ихъ памяти этотъ обычай нарушенъ только третьяго дня Юмутами, которые, отступая предъ нами послѣ дѣла, не только прошли чрезъ священный городъ всею своею массой, но еще вдобавокъ ограбили жителей и угнали весь ихъ скотъ...

Чтобы сохранить свое привилегированное положеніе, ходжи выдаютъ дочерей и женятся только въ средѣ потомковъ Магомета и тщательно оберегаютъ свой городъ отъ всякаго посторонняго элемента. Несмотря на это, въ Ходжали есть нѣсколько сотъ и обыкновенныхъ смертныхъ, — потомки отпущенныхъ или откупившихся рабовъ, происшедшихъ отъ проданныхъ сюда плѣнныхъ Персіянъ. Эти послѣдніе, конечно, не пользуются привилегіями города, живутъ въ особомъ кварталѣ и ежегодно вносятъ въ ханскую казну около тысячи рублей...

Два дня подъ Ходжали мы провели очень весело. Въ первый день генералъ Вережкинъ отвѣтилъ на нашъ кавказскій вечеръ большимъ, даже превосходно сервированнымъ въ Ходжали обѣдомъ, на которомъ явилъ себя чрезвычайно простымъ и радушнымъ хозяиномъ. На слѣдующій день начальникъ оренбургской кавалеріи полковникъ Леонтьевъ устроилъ блестящій вечеръ. Все это не мало способствовало знакомству и установленію самыхъ дружескихъ отношеній между офицерами обоихъ отрядовъ.

Съ туземцами Ходжали мы также сошлись. Они

начали толпами посѣщать лагерь и приносить съ собою все, въ чемъ только встрѣчали нужду солдаты и офицеры. Нѣсколько разъ появлялся съ предложеніемъ услугъ и мѣстный губернаторъ, почтенный старикъ Муртаза-бей-ходжа.

Благодаря всему этому, продовольствіе нашего Кавказскаго отряда приняло наконецъ нѣсколько приличную фізіономію, и запасы возросли до такихъ почтенныхъ размѣровъ, что для поднятія ихъ пришлось нанять двѣсти ходжалинскихъ арбъ.

XXI.

Путь до Мангита. — Депутація Чоудуровъ. — Первыя извѣстія объ отрядѣ Туркестанскомъ и о возвращеніи полковника Маркова. — Свѣдѣнія о Турменахъ. — Ночная тревога у Аму-Дарьи. — Киргизы съ повинною. — Бентъ и причина осушенія Айбугира. — Мангитъ и „черная страница“.

20-20 мая. Лагерь подъ Мангитомъ.

... Тростникъ и тростникъ!.. Цѣлое тростниковое море, дѣйственное царство кабановъ и тигровъ, раскинулось на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, на разстояніи трехъ переходовъ между Ходжали и Мангитомъ. Онъ неизмѣнно тянется по обѣимъ сторонамъ дороги непроходимую чащей, то возвышаясь до тридцати футовъ, то снова падая какъ волны морскія, и только на тридцатой верстѣ отъ Ходжали попадаетъ здѣсь первый слѣдъ человѣка,—глубокій каналъ Якубъ-бай-ярганъ пересѣкающій это растительное море съ востока на западъ... 18 мая, соединенные отряды передвинулись къ этому каналу и, послѣ переправы по небольшому мостику, расположились въ камышахъ на ночлегъ.

Еще на пути къ Якубъ-баю насъ встрѣтила толпа

хивинскихъ всадниковъ, человѣкъ семьдесятъ, представители туркменскаго племени Чоудуровъ. Вѣсть о безостановочномъ движеніи Русскихъ и о занятіи ими Кунграда и Ходжали разошлась уже по всему оазису, и Чоудуры поспѣшили выслать депутацію съ изъявленіемъ покорности, чтобъ избавиться отъ тяжелыхъ послѣдствій непосильной борьбы...

При нашемъ приближеніи, депутація слѣзла съ коней и встрѣтила насъ, по средне-азиатскому обычаю, вытянувшись въ длинную линію предъ лошадьми. Высокіе, сухощавые и смуглые, съ кавказскимъ строеніемъ лица въ общихъ чертахъ, Чоудуры казались великанами, благодаря тремъ некрасивымъ и крайне неудобнымъ принадлежностямъ общаго костюма всего населенія Хивинскаго оазиса, состоящаго изъ огромныхъ бараньихъ шапокъ; изъ длинныхъ стеганыхъ халатовъ до земли, неизмѣнно коричневыхъ съ синими полосками, широко перепоясанныхъ бѣлою бязью и, наконецъ, изъ высокихъ и неуклюжихъ сапогъ изъ кожи верблюда, превосходно обработанной на подобіе желтой замши. Безъ страха, но пристально и съ крайнимъ любопытствомъ, глядѣли на насъ сухія точно у мумій фізіономіи, одѣтыхъ такимъ образомъ, Чоудуровъ, вытянутыхъ, жидкобородыхъ и съ маленькими, ввалившимися, но сверкающими глазами: Короткіе ножи за поясомъ и кривыя персидскія сабли составляли ихъ вооруженіе, да человѣкъ у десяти выглядывали изъ-за спины тульскія двустволки или длинныя фитильныя ружья. Ханъ Чоудурскій стоялъ отдѣльно, впереди

всѣхъ. Русая борода, шелковый халатъ, поверхъ котораго былъ надѣтъ еще другой изъ голубаго сукна и европейскій револьверъ за шелковымъ поясомъ, еще болѣе отличали отъ остальной толпы его довольно стройную фигуру, старавшуюся выразить нѣчто въ родѣ сознанія собственнаго достоинства... Но что дѣйствительно поразило насъ всѣхъ въ этой неожиданно выросшей передъ нами картинѣ, такъ это длинный рядъ высокихъ аргамаковъ подъ разноцвѣтными сѣдлами, осаженныхъ въ чашу тростника, изъ которой тамъ и сямъ выглядывали прелестныя, сухія, съ богатыми уздечками, головы на лоснящихся лебединыхъ шеяхъ, и тонкія, изящныя, словно выточенныя ноги.

Генераль Верекинъ остановился предъ Чоудурами и послѣ нѣсколькихъ словъ, выражавшихъ похвалу ихъ благоразумію, предложилъ имъ ѣхать съ собою къ мѣсту ночлега; тѣ вскочили на лошадей и, по своему обыкновенію, мелкимъ галопомъ разсыпались по дорогѣ впереди генерала.

Чоудуры сообщили намъ первое извѣстіе о Туркестанскомъ отрядѣ. По ихъ словамъ, генераль Кауфманъ находился, нѣсколько дней тому назадъ, въ Учъ-Уджахѣ, по ту сторону Аму-Дары; къ нему былъ посланъ изъ Хивы диванъ-беги или первый министр ханства, Матъ-Мурадъ, который уже возвратился назадъ и почему-то будто арестованъ по приказанію хана... Другое извѣстіе, привезенное Чоудурами, важное и вмѣстѣ съ тѣмъ прискорбное, состояло въ томъ, что отрядъ полковника Маркозова, шедшій изъ Красно-

водска, потерпѣлъ на пути сильную катастрофу: вслѣдствіе сильныхъ жаровъ и безводія, онъ потерялъ массу лошадей и верблюдовъ, и принужденъ былъ возвратиться назадъ, не дойдя колодцевъ Орта-кую, то-есть почти съ половины дороги... Къ этому Чоудуры прибавляли, что нѣкоторые проводники обманывали полковника Маркозова и, между прочимъ, навели его отрядъ на отравленные колодцы, за что и заплатились своими головами...

Подъ вечеръ, когда отряды уже расположились около канала Якубъ-бай, воздухъ сразу наполнился мелкими жужжащими мошками, точно онѣ слетѣли къ намъ со всего тростниковаго моря... Я завелъ къ себѣ Чоудурскаго хана, и за стаканомъ чаю старался выпытать у него возможно больше свѣдѣній о его племени. Но узналъ я весьма немногое: Чоудуры, какъ выразился ханъ, «пьютъ воду изъ Клычъ-Ніязъ-бая», то-есть живутъ по обѣимъ сторонамъ этого канала, и вмѣстѣ съ четырьмя другими родами, Игдырь, Бурунчикъ, Бозачи и Абдалъ, составляютъ одно изъ туркменскихъ племенъ, извѣстное подъ именемъ Хесенъ и насчитывающее у себя отъ десяти до двѣнадцати тысячъ кибитокъ полукочеваго населенія. Чоудуры, вмѣстѣ съ другимъ, самымъ сильнымъ, въ сорокъ тысячъ кибитокъ, Туркменскимъ племенемъ Юмутовъ, «пьющихъ» изъ Казавата, извѣстны какъ лучшіе воины Хивинскаго оазиса и составляютъ здѣсь нѣчто въ родѣ преторіанцевъ. Для того, чтобы держать ихъ въ повиновеніи или, вѣрнѣе,

пользоваться ихъ поддержкой, ханы Хивинскіе заставляютъ своихъ осѣдлыхъ, хотя и многочисленныхъ, но изнѣженныхъ выродившихся подданныхъ Узбековъ и Сартовъ, живущихъ по каналу Палванъ-ата, выставять ежегодно, бесплатно, двѣнадцать тысячъ человѣкъ для исполненія полевыхъ работъ и очистки каналовъ въ земляхъ Юматовъ и Чоудуровъ...

Перечисляя, затѣмъ, Туркменскія племена, кочующія по степямъ, окружающимъ Хивинскій оазисъ, Чоудурскій ханъ назвалъ мнѣ Салыръ, Сарыкъ Арсари, Гогленъ, Джемшитъ, Алили и Карадашли, изъ коихъ каждое подраздѣляется на болѣе или менѣе многочисленные роды. Но самымъ воинственнымъ и своевольнымъ между всѣми считаютъ племя Текинцевъ, которое подраздѣляется на Ахаль и Мервъ; оно насчитываетъ у себя болѣе пятидесяти тысячъ кибитокъ и имѣетъ сильно укрѣпленный городъ Мервъ, расположенный въ Текинскомъ оазисѣ...

Было за полночь... Спать хотѣлось страшно, но назойливыя мошки не давали сомкнуть глазъ. Наконецъ усталость превозмогла, я началъ засыпать... Вдругъ, точно у самыхъ ушей, раздался трескъ барабана и прежде чѣмъ я удостовѣрился, что это не во снѣ, грохотъ учащенной дроби смѣшался съ отрывистыми звуками сигнальныхъ рожковъ и полился по всему лагерю... Тревога!..

Лагерь всполошился.

«Въ ружье!.. Къ конямъ!.. Маршъ къ орудіямъ!.. Бѣгомъ!..» раздавались съ разныхъ сторонъ громкіе

голоса, пока я торопливо одѣвался, но вскорѣ все смолкло.

Высочивъ изъ кибитки, я прыгнулъ на лошадь, уже подведенную расторопнымъ Насибомъ. Луна разливала блѣдный свѣтъ на окружающія волны камыша, застилавшія весь горизонтъ, но лагерь скрывался за этими волнами и я не видѣлъ, что происходило даже въ двухъ шагахъ отъ меня...

— Что такое? раздался возлѣ меня заспанный голосъ Ломакина.

— Ничего не знаю, полковникъ, кромѣ того, что «тревога».

— Поѣзжайте, пожалуйста, къ генералу и узнайте, что такое?..

Я поскакалъ въ камыши по направленію оренбургскаго лагеря, но черезъ нѣсколько секундъ невозможно было двигаться даже шагомъ. Конь кряхтѣлъ, напирая грудью почти на сплошную стѣну тростника, но чаща становилась все выше и непроходимѣе... Куда выбраться? подумывалъ я, но въ это время слѣва донесся какой-то говоръ... Я повернулъ туда и съ трудомъ вылѣзъ наконецъ изъ этой чащи на болѣе открытую прогалину мелкаго камыша, изъ котораго выглядывали въ грозномъ молчаніи орудія Оренбургской конной батареи съ бѣлѣющею вокругъ прислугой. За ними, подобно бѣлымъ стѣнкамъ, едва высовывались изъ камыша пѣхотные фронты, а еще далѣе слышался сильный трескъ и шумъ, показалась масса

казаковъ, шедшая рысью и остановившаяся на флангѣ пѣхоты...

Пока я доѣхалъ до кибитки генерала, всѣ войска уже были на ногахъ, но тутъ дѣло разъяснилось и они разошлись... Оказалось, что нѣсколько халатниковъ подползли къ нашему пикету, дали залпъ по немъ и скрылись въ камышахъ. Наши послали вдогонку нѣсколько выстрѣловъ, и поднялась тревога.

Утромъ на слѣдующій день къ генералу явились съ повинною Киргизы, виновники мангышлакскаго возмущенія 1870 года, скрывавшіеся до сего времени въ предѣлахъ Хивинскаго ханства. Ихъ приняли весьма любезно и, подъ условіемъ добросовѣстной службы въ настоящемъ походѣ, обѣщали помилованіе и разныя милости...

Къ полудню, 19 мая, мы сдѣлали новый переходъ и расположились на берегу Аму-Дарьи, у урочища Ялангачъ-Чаганакъ. Дорога тянулась среди тѣхъ же камышей до самаго почти Бента. Здѣсь мы переправились черезъ огромную плотину, возведенную какимъ-то Назаръ-ханомъ для прегражденія доступа воды въ старый и въ свое время многоводный, а теперь совершенно сухой рукавъ Аму-Дарьи, Лауданъ, впадавшій нѣкогда въ Айбугирскій заливъ. Какъ рассказывалъ мнѣ Чоудурскій ханъ, эта плотина у Бента была единственною причиною осушенія Айбугира, и достаточно прорыть ее для того, чтобы снова наполнить водой тотъ обширный бассейнъ, по дну котораго мы прошли у Кара-Гумбета...

Аму-Дарья у Ялангачъ-Чаганака какъ бы стиснута между крутыми берегами, поросшими кое-какимъ кустарникомъ среди камыша, и имѣетъ не болѣе трехсотъ сажень ширины; она дѣлаетъ здѣсь почти крутой поворотъ на западъ, такъ какъ на противоположномъ берегу высятся, и чрезвычайно эффектно, коническія вершины пятиглаваго Бешъ-Тюбе.

Къ вечеру лазутчики предупредили насъ, что двѣ тысячи Хивинцевъ собираются сдѣлать на лагерь ночное нападеніе. Вслѣдствіе этого пикеты наши были выдвинуты впередъ на двѣ съ половиной версты, казакамъ приказано держать лошадей осѣдланными... Словомъ, отряды приготовились принять надлежащимъ образомъ незваныхъ гостей, но ночь прошла спокойно, и въ 4 часа утра мы выступили на Мангитъ.

Пройдя еще верстъ десять по камышамъ, мы наконецъ начали выходить на открытыя поляны, кое-гдѣ поросшія высокими кустами гребенщика и колючки. Показались группы непріятельскихъ всадниковъ. Появляясь со всѣхъ сторонъ, выростая точно изъ земли, толпы ихъ сгущались все болѣе и болѣе и вскорѣ окружили насъ со всѣхъ сторонъ почти непрерывными массами... Аламанъ хана гарцовали вокругъ насъ, угрожая издали обнаженными саблями и неимоверно длинными фитильными ружьями; неистовые крики наполняли воздухъ... Нѣкоторое время отряды спокойно продолжали движеніе, не обращая вниманія на непріятеля. Но вотъ дерзость его уже перешла мѣру: подсакивая все ближе и ближе съ лѣвой стороны, до-

вольно значительная толпа всадниковъ вдругъ рванулась впередъ и съ оглушительными криками врубилась въ средину нашего обоза... Настала минута умѣрить этотъ пылъ.

Оренбургскія сотни, шедшія въ головѣ колонны, выстроили фронтъ, заѣхавъ повзводно налѣво и спѣшились; къ нимъ примкнули слѣва Апшеронскія роты съ двумя орудіями 21-й бригады. Правѣе казаковъ, сталъ дивизіонъ конной батарси и развернулись: рота Самурцевъ, двѣ роты Ширванцевъ, 2-й Оренбургскій баталіонъ и Кавказскія сотни; остальные войска прикрывали обозъ.

Хивинцы точно не хотѣли видѣть этихъ приготовленій: они только воодушевились еще болѣе вслѣдствіе нашей остановки... Но вотъ по знаку генерала, гранаты, пули и ракеты посыпались дождемъ на непріятеля и ошеломили его въ одно мгновеніе: крики смолкли, толпы разорвались и понеслись назадъ съ неудержимою силой...

Послѣ этого урока отряды продолжали движеніе. Но немного погодя непріатель снова сосредоточился и охватилъ наши фланги, причемъ отдѣльные всадники подскакивали даже къ самому фронту пѣхоты, но пули и гранаты опрокинули его снова... Нападеніе на обозъ также было отбито. Но въ то время когда непріатель кинулся назадъ и на него было обращено все вниманіе прикрытія, съ противоположной стороны вдругъ выскочилъ изъ кустовъ одинъ туркменскій всадникъ и налетѣвъ на бывшаго при обозѣ старика-капитана

оренбургской пѣхоты, положилъ его на мѣстѣ выстрѣломъ въ упоръ изъ пистолета *). Проскакавъ затѣмъ между нашими арбами и верблюдами и предъ фронтомъ цѣлаго взвода пѣхоты, Туркменъ вышелъ на другую сторону обоза и помчался вдогонку за своими, потряхивая въ воздухѣ обнаженною саблей. Десятки нашихъ пуль полетѣли за этимъ смѣльчакомъ, но онъ ускорилъ цѣль и невредимъ.

Приливы и отливы хивинскихъ аламановъ повторились еще нѣсколько разъ прежде чѣмъ мы подошли къ садамъ маленькаго городка Кипчакъ, расположеннаго на самомъ берегу Аму-Дарьи. Здѣсь мы остановились для привала.

Послѣ отдыха войска тронулись двумя колоннами, прошли чрезъ кипчакскіе сады, оставивъ самый городъ по лѣвую руку, и безостановочно подвигались къ Мангиту... Непріятель уже не пытался переходить въ наступленіе, но изрѣдка отстрѣливаясь медленно отступалъ предъ нами, пока не показались вдали утопающія въ зелени садовъ глиняныя постройки Мангита. Тутъ онъ скрылся...

У городскихъ воротъ насъ встрѣтили аксакалы или старѣйшины Мангита, въ огромныхъ чалмахъ и въ полосатыхъ халатахъ, и на большихъ деревянныхъ лоткахъ поднесли генералу Веревкину сушеные фрукты, замѣняющіе здѣсь русскую хлѣбъ-соль. Затѣмъ съ музыкой впереди войска вступили въ Мангитъ, прошли

*) 2-го Оренб. линейн. баталіона капитанъ Кологривовъ.

по узкимъ и кривымъ его улицамъ и, выйдя за городъ, расположились лагеремъ по обѣимъ сторонамъ дороги... Благодаря хивинскимъ войскамъ, сегодня мы и не замѣтили какъ оставили за собой тридцать шесть верстъ, такъ какъ дѣла съ этими аламанами, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, представляютъ одно лишь развлеченіе...

Мангитъ — небольшой и плохо укрѣпленный городокъ аральскихъ Узбековъ, имѣющій до пятисотъ глиняныхъ сакель и около четырехъ тысячъ населенія. Онъ не имѣетъ ни одной выдающейся постройки и по характеру своему представляетъ то же, что и Ходжали, но еще въ миниатюрѣ...

Часа черезъ два послѣ нашего прихода я лежалъ въ своей джеломейкѣ, разбитой, по обыкновенію, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кибитки полковника Ломакина.

— Со стороны города слышатся какіе-то выстрѣлы, сказалъ князь М., входя и растягиваясь на своей постели. — Не разсѣялся ли нашъ сегодняшній противникъ по мангитскимъ садамъ?.. Вѣдь онъ какъ будто сквозь землю провалился...

— Не думаю, чтобы Хивинцы рѣшились на это... А впрочемъ...

Говоря это, я и самъ услышалъ нѣсколько глухихъ выстрѣловъ и вышелъ изъ джеломейки. Всѣ штабные были уже въ сборѣ предъ кибиткой начальника отряда и недоумѣвали вмѣстѣ съ нимъ о причинѣ этой загадочной пальбы, то умолкавшей, то разгоравшейся снова.

— Поѣзжайте, пожалуйста, и узнайте, что это такое? обратился ко мнѣ Ломакинъ.

Пока я скакалъ по дорогѣ къ городу, на встрѣчу попадались веселыя группы солдатъ и казаковъ, несшихъ оттуда—кто туземный войлокъ съ яркими узорами, кто пестрое одѣяло и мѣдную посуду, кто, наконецъ, подушку и крынку масла, коврикъ, цыплятъ, конскій уборъ и т. п. Нѣкоторые ѣхали на туземныхъ лошадяхъ, или вели ихъ въ поводу подъ вьюкомъ разнаго скарба. Каждый спѣшилъ продать, доставшееся ему, мангитское добро и обращался съ предложеніемъ къ каждому встрѣчному... Между тѣмъ выстрѣлы продолжали раздаваться попрежнему и надъ городомъ уже за клубились въ разныхъ мѣстахъ столбы черного дыма, прорѣзываемые огненными языками.

Къ одному изъ казаковъ я обратился съ вопросомъ о причинѣ стрѣльбы въ городѣ.

— Наши бьютъ Трухменовъ, ваше благородіе, отвѣчалъ казакъ и поскакалъ дальше...

Я погналъ лошадь во всю прыть, но у городскихъ воротъ долженъ былъ придержать ее, такъ какъ едва не налетѣлъ на молодаго солдата въ бѣлой рубахѣ, который несся ко мнѣ на встрѣчу на породистой туземной лошади, покачиваясь съ непривычки на сѣдлѣ и ведя въ заводѣ еще пару такихъ же коней. Его перегонялъ казакъ.

— Слышь, казакъ! кричитъ солдатъ.—Купи лошадь... цѣлковый—на выборъ!..

— Скоро разбогатѣешь эдакъ-то... Все равно велятъ бросить,—возьми пятиалтынный!

— Дай двѣ монеты за тройку!..

— Проваливай!.. Самъ саламаню... мало ли этого добра-то въ городѣ...

Вотъ я въ Мангитѣ. Среди раскиданнаго имущества, на улицахъ и дворахъ валялись трупы. Я видѣлъ какъ перебѣгалъ площадку какой-то растерявшійся Узбекъ съ выраженіемъ безнадежнаго отчаянія; въ него цѣлился казакъ... Несчастный упалъ на землю, а виновникъ возмутительнаго подвига бросился въ первый переулокъ, скрываясь при видѣ офицера...

Я встрѣтилъ нѣсколькихъ офицеровъ, которые скакали по улицамъ Мангита, стараясь остановить разошедшихся людей. Одинъ изъ нихъ сообщилъ мнѣ, что все дѣло начато, уже послѣ прохода войскъ черезъ городъ, разнымъ сбродомъ пьяныхъ деньщиковъ и вѣстовыхъ, остававшихся при обозѣ... Не хотѣлось вѣрить печальной дѣйствительности, еще разъ подтверждавшей старую истину, что ни одна армія въ мірѣ не можетъ считать себя свободною отъ нѣсколькихъ недостойныхъ отщепенцевъ...

Былъ въ Мангитѣ, между прочимъ, и такой случай: проѣзжаютъ по главной городской улицѣ два офицера въ сопровожденіи конно-иррегулярца. Въ сторонѣ отъ нихъ перебѣгаетъ черезъ переулокъ и, сильно шатаясь, кидается въ ближайшій дворъ высокій старикъ съ обнаженною головой, на которой явственно видны два удара шашки и съ которой струится кровь

на его лицо и широкую съдую бороду; за нимъ гонится пьяный казакъ въ бѣлой фуражкѣ съ окровавленной шашкой въ рукѣ... Офицеровъ покорило. Одинъ изъ нихъ бросается въ переулокъ и загораживаетъ казаку дорогу.

— Чтѣ ты дѣлаешь, мерзавецъ?!... Какъ тебѣ не стыдно трогать безоружнаго!

— А они, ваше благородіе, нешто мало били нашихъ?

— Вонъ, негодяй!... Иначе я тебѣ какъ собакѣ разможжу черепъ.

— Чаво?... черепъ?... А шашка для чего?...

Офицеръ выхватилъ револьверъ и уложилъ казака на мѣстѣ...

Обѣзжая Мангитъ, я случайно выѣхалъ на городской каналъ, и сердце у меня замерло при видѣ нѣсколькихъ женщинъ, искавшихъ здѣсь спасенія, стоя по горло въ водѣ, съ искаженными отъ страха лицами. Недалеко отъ нихъ, между прибрежными деревьями и небольшою стѣнкой, притаившись, стояли нѣсколько десятковъ болѣе или менѣе старыхъ мужчинъ и женщинъ, вѣроятно съ минуты на минуту ожидая своей смерти... Увидя меня, они бросились на колѣни и многіе зарыдали. Я подѣхалъ къ нимъ и для ихъ безопасности предложилъ слѣдовать со мной въ лагерь на время, пока въ городѣ не будетъ возстановленъ порядокъ. Богъ знаетъ, какія, можетъ быть, мрачныя мысли навѣяло на этихъ несчастныхъ мое предложеніе, и только послѣ нѣсколькихъ клятвъ

они подошли ко мнѣ и вмѣстѣ съ женщинами, вышедшими изъ канала, доверчиво обступили мою лошадь... Съ этою печальною свитой я возвратился въ лагерь.

Но пора закрыть эту случайную, черную страницу нашего похода, которая, вѣроятно, уже не повторится...

XXII.

Движеніе къ Китаю.—Первые перебѣжчики.—Профессія Текинцевъ и невольники Персіане.—Сосредоточеніе непріятеля у Горлена и оцѣнка русскихъ головъ.—Дѣло подъ Янги-Япомъ.—Письмо и посолъ Хивинскаго хана.—Извѣстіе о переправѣ черезъ Аму генерала Кауфмана и рѣшеніе военнаго совѣта.

Вечеромъ, 22 мая. Въ кишлакахъ Горлена.

Соединенные отряды оставили Мангитъ рано утромъ, 21 мая. Дорога тянулась среди невообразимаго лабиринта глиняныхъ стѣнъ всевозможныхъ размѣровъ, которыми разгорожены здѣсь безконечные кишлаки и сады, многочисленные поля и огороды. Канавы и мостики встрѣчались на каждомъ шагѣ, и по невозможности переправляться черезъ нѣкоторые изъ нихъ иначе какъ въ одну лошадь, войска и, въ особенности, обозы растянулись на нѣсколько верстъ. День былъ убійственно жаркій и вмѣстѣ съ облаками тончайшей пыли, носившейся надъ дорогой и затруднявшей дыханіе, дѣлалъ переходъ крайне тяжелымъ...

Пройдя въ этой обстановкѣ верстъ двѣнадцать и переправившись по длинному мостику черезъ глав-

ный каналъ Китайцевъ, мы остановились для привала на одной полянѣ между кишлаками, не доходя нѣсколько верстъ до хивинскаго городка Китай.

Мѣстность была довольно красивая. За Аму-Дарьей, скрытою густою зеленью китайскихъ садовъ, возвышались едва уловимые очерки Шейхъ-Джелинскихъ горъ и между ними—бѣлѣющая вершина Акъ-Тау... Поляна, занятая передовыми частями Кавказскаго отряда, замыкалась съ правой стороны небольшою глиняною стѣнкой, рядомъ съ которою тянулся узкій и глубокій водный арыкъ; по ту сторону этого арыка лежала незначительная равнина, оканчивавшаяся опушкой небольшого лѣса, а группа роскошныхъ карагачей, стоявшихъ надъ водоподъемною машиною на томъ берегу арыка, такъ и манила подъ густую тѣнь своего темно-зеленаго свода... И вотъ, пока войска стягивались, мы, состоящіе при штабѣ, вмѣстѣ съ начальникомъ своего отряда перебрались черезъ арыкъ и съ полнымъ кейфомъ расположились завтракать на разостланныхъ буркахъ, подъ широкою тѣнью карагачей...

Только что явился на сцену обычный нашъ шашлыкъ, какъ съ пикета примчался казакъ съ извѣстіемъ, что большая толпа хивинскихъ всадниковъ подкрадывается къ опушкѣ лѣса.

— Вѣроятно депутація изъ города, замѣтилъ Ломакинъ.

— Да еслибы были и Хивинцы, вставилъ «Ананасъ»,—стоить ли обращать на нихъ вниманіе...

— Скачутъ сюда, ваше высокоблагородіе... Вотъ они! крикнулъ въ ту же секунду казакъ.

И въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно не видя за стѣной отряда и принимая насъ за какой-нибудь пикетъ, нѣсколько сотъ Хивинцевъ сломя голову неслись по полюнѣ прямо на насъ... Мы вскочили и бросились къ своимъ за канаву, да такъ поспѣшно, что, между прочимъ, полковникъ Л. не успѣлъ захватить даже свой портмоне, туго набитый деньгами: такъ онъ и пропалъ.

«Въ ружье! къ конямъ!» раздавалось по бивуаку въ то время, когда мы, перебравшись за стѣнку, хохотали надъ неповоротливымъ «Ананасомъ», который, не размѣривъ прыжка въ суматохѣ, бухнулъ въ самую средину мутнаго арыка и, конечно, выкупался.

— Зачѣмъ вы беспокоились? шутили надъ нимъ, — помилуйте, «стоить ли обращать на нихъ вниманіе!..»

Между тѣмъ подлетѣвшая къ стѣнкѣ ранѣе другихъ Гребенская сотня Ракусы-Сушевскаго встрѣтила толпу дружнымъ залпомъ... Хивинцы повернули кругомъ и помчались быстрѣе прежняго, но прежде чѣмъ скрылись, вдогонку за ними полетѣли еще ракеты и пули подоспѣвшей пѣхоты...

Какъ бы въ отвѣтъ на эти выстрѣлы, перекаты горячей пальбы раздались и съ той стороны, откуда мы пришли и гдѣ еще продолжали двигаться части обоза и арріергарда. Оказалось, что на нихъ налетѣла въ это время трехтысячная масса Юматовъ подъ начальствомъ Якубъ-бая и даже прорвала въ нѣсколькихъ мѣстахъ и разъединила растянувшіяся части обоза,

прежде чѣмъ наши успѣли положить верблюдовъ и открыть огонь. Но это была лишь одна минута, послѣ которой учащенные залпы нашихъ скорострѣлокъ произвели свое обычное дѣйствіе: Юмуты быстро отхлынули и скрылись изъ виду, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько труповъ и лошадей.

Къ вечеру, безъ особыхъ приключеній, отряды передвинулись къ окрестностямъ Китая и расположились на ночлегъ въ кишлакахъ около канала Куланъ. Здѣсь явились къ намъ первые перебѣжчики Персіане.

Разбойническіе инстинкты всѣхъ вообще Туркменъ, которые грабятъ одинаково и чужихъ, и своихъ, пользуются въ Хивинскомъ оазисѣ громкою извѣстностью. Но Текинцы, кромѣ того, извѣстны здѣсь какъ спеціалисты, предпочитающіе всему торговлю живымъ товаромъ своего промысла—Персіянами. Ихъ набѣги въ Хорасанъ ежегодно лишаютъ эту провинцію нѣсколькихъ сотъ человѣкъ ея населенія и настоль же увеличиваютъ число невольниковъ Хивинскаго ханства... Мало-мальски зажиточный Хивинецъ считаетъ прежде всего необходимымъ избавиться отъ всякой работы, взваливъ всю тяжесть ея на раба Персіянина, и за это пожизненное ничего-недѣланіе, къ которому такъ располагаетъ и климатъ его родины, охотно даетъ Текинцу хорошую плату,—около тысячи рублей на наши деньги...

За послѣднія тридцать лѣтъ проданныхъ такимъ образомъ Персіанъ накопилось въ ханствѣ уже болѣе сорока тысячъ, и если вѣрить тѣмъ изъ нихъ, которые

явились къ намъ, безчеловѣчность американскихъ плантаторовъ прежняго времени блѣднѣетъ предъ тѣмъ, что приходится испытывать здѣсь злополучнымъ сынамъ Персіи... Понятно послѣ этого, что Персіане обрадовались намъ какъ своимъ избавителямъ. Они бѣгутъ отъ своихъ хозяевъ и массами являются въ нашъ лагерь, несмотря на то, что Хивинцы изъ предосторожности держатъ ихъ послѣднее время на цѣпи, подъ строгимъ присмотромъ.

Я взялъ къ себѣ одного изъ перебѣжчиковъ, «крѣпко сшитого, но плохо скроеннаго», почти совершенно чернаго Аббаса, который былъ до своего плѣна унтеръ-офицеромъ регулярной персидской пѣхоты и поэтому спѣшилъ показать намъ свое искусство въ «ружистикѣ»... Онъ рассказывалъ мнѣ, что восемь лѣтъ тому назадъ пробирался безо всякаго оружія, съ тремя сарбазами-односельцами, на сборный пунктъ своего фоджа (баталіона), въ Мешхедъ. На краю самаго города на нихъ напали среди бѣла дня шесть конныхъ Туркменъ съ саблями наголо и перевязали всѣхъ... Аббасъ былъ проданъ одному за 500 золотыхъ двухрублевыхъ *тени*. Черезъ мѣсяцъ онъ бѣжалъ отъ своего хозяина и дней пять скрывался въ камышахъ въ ожиданіи темной ночи, но луна свѣтила какъ нарочно, лепешки вышли, и мѣки голода заставили наконецъ бѣднаго Персіанина выйти на добычу... Онъ былъ схваченъ, избитъ и доставленъ хозяину... «Какъ я ни молилъ о пощадѣ, продолжалъ Аббасъ, какъ я ни клялся, что никогда не повторю своей несчастной попытки, что

тоска по семейству лишила меня разсудка... но проклятый Узбекъ,—чтобъ ему провалиться въ преисподнюю ада!—былъ неумолимъ. Онъ привязалъ меня къ дереву вверхъ ногами и до самыхъ костей прожегъ мои пятки раскаленнымъ желѣзомъ, такъ что пока не поправился, нѣсколько мѣсяцевъ я только молилъ Аллаха о смерти...»

Персіяне сообщили намъ, что хивинскія войска подъ начальствомъ Акубъ-бая, нападавшія на насъ на пути къ Китаю, простираются до пяти тысячъ и отступили къ Горлену; туда же направилась изъ Хивы другая пятитысячная масса Юматовъ, Гокленовъ и Узбековъ, съ которыми находятся и главнѣйшіе сановники ханства,—Инакъ, Абдурахманъ, Мехтеръ и кушъ-беги. Эти десять тысячъ аламановъ составляютъ, по словамъ Персіанъ, послѣднюю надежду Мадраимъ-хана, и въ случаѣ ихъ пораженія, онъ намѣренъ былъ немедленно бѣжать къ Мора или Мервъ-Текинцамъ. Но Юмуты, какъ видно, не допускаютъ возможности такого исхода: говорятъ, выступая въ походъ противъ насъ, они поклялись хану принести къ нему головы всѣхъ Русскихъ или лечь костями, пока не изсякнутъ всѣ ихъ сорокъ тысячъ кибитокъ... Ханъ, въ свою очередь, обѣщалъ имъ заплатить по 100 рублей за каждую русскую голову, столько же за хвостъ, какъ доказательство убитой подъ аламаномъ лошади, и по 300 за плѣннаго. Какъ ни обидна оцѣнка нашихъ головъ наравнѣ съ хвостами хивинскихъ лошадей,—мы однако собирались видѣть черту гуманности въ предпочтеніи, оказываемомъ плѣннымъ, но намъ объяснили,

что въ этомъ кроется только коммерческій расчетъ повелителя Хивы, который надѣется выгодно продать насъ наравнѣ съ персидскими рабами...

Съ этими извѣстіями мы выступили сегодня рано утромъ и направились на Горленъ въ боевомъ порядкѣ.

Около 7 часовъ показались большія партіи непріятельской конницы, гарцовавшія, какъ и въ предшествовавшіе дни, впереди по дорогѣ и по сторонамъ ея, въ пашняхъ и садахъ, наполняя воздухъ громкими криками.

Отряды получили приказаніе двигаться безостановочно, не обращая вниманія на непріятеля и не теряя напрасно патроновъ, но въ то же время стрѣлять навѣрняка, если къ этому представится случай.

Обстановка для движенія была самая неудобная. Кишлаки и засѣянные поля съ глиняными стѣнками покрывали вокругъ все пространство. Не говорю уже объ артиллеріи и обозѣ, — даже кавалерія и пѣхота принуждены были поминутно останавливаться предъ арыками и, чтобъ облегчить свою переправу, забрасывать ихъ вѣтвями или засыпать землей. Когда пѣхота проходила по этимъ импровизованнымъ насыпямъ, кавалерія для выигрыша времени перескакивала черезъ небольшія канавы; но при этомъ лошади и люди нерѣдко падали въ воду, — что случилось и съ самимъ начальникомъ нашего отряда, — и вытаскиваніе ихъ изъ глубокихъ арыковъ отнимало иногда значительное время...

Благодаря этой крайне пересѣченной мѣстности, войска наши подвигались сначала медленно, а около

Янги-Япа были вынуждены бросить всякій боевой порядокъ и вытянуться по единственной дорогѣ между высокими стѣнами... Непріятель показывался за каждою стѣной и арыкомъ, кишѣлъ въ садахъ и на пашняхъ, носился во всѣ стороны, обскакивалъ фланги, наѣдалъ на арріергардъ, и быстро удалялся какъ только мѣстность становилась открытѣе... Это продолжалось до полудня.

Послѣдній кишлакъ Янги-Япа, расположенный на бугоркѣ, имѣетъ довольно значительные размѣры и видъ глинянаго укрѣпленія, окруженнаго массой фруктовыхъ деревьевъ. Здѣсь непріятель, кажется, намѣревался задержать насъ....

Генераль Веревкинъ въ сопровожденіи штаба обоихъ отрядовъ приближался къ этому кишлаку по дорогѣ, а правѣе и на одной высотѣ съ нимъ двигалась по пашнямъ стрѣлковая цѣпь... Въ это время изъ-за стѣнъ кишлака вдругъ вылетѣли клубки дыма и раздался неожиданный залпъ. Цѣпь остановилась, пули съ визгомъ пролетѣли надъ нашими головами и шлепнулись въ нѣсколькихъ шагахъ о глиняную стѣну... Новые одиночные дымки...

— Выбейте ихъ, произнесъ генераль, обращаясь къ капитану Герингу.

Герингъ соскочилъ съ лошади, побѣждалъ къ сомкнувшейся цѣпи и съ крикомъ *ура!* бросился впередъ; за нимъ кинулись и бѣлыя рубашки, наполовину только высовываясь изъ густыхъ и высокихъ хлѣбовъ, но... кишлакъ смолкъ. Цѣпь обогнула его справа и скрылась...

— Орудія! орудія сюда! крикнулъ кто-то, появившись на томъ мѣстѣ, гдѣ только-что скрылись наши солдаты.

Князь Меликовъ полетѣлъ назадъ за орудіями, а мы всѣ поскакали за цѣпью. На самой дорогѣ, около кишлака, валялись трупы нѣсколькихъ Юматовъ, а одинъ изъ нихъ съ прострѣленною головой еще вздрагивалъ въ предсмертной агоніи. За кишлакомъ сразу открылась большая равнина, окаймленная со всѣхъ сторонъ садами и наполовину казавшаяся черною отъ тысячъ гарцовавшихъ на ней непріятельскихъ всадниковъ. Эта туча, казалось, была готова ринуться на насъ всею своею массою, но подбѣжавшія роты Кавказцевъ быстро развернулись и открыли частый огонь; два орудія Оренбургской батареи на полномъ карьерѣ вынеслись впередъ подъ прикрытіемъ конно-иррегулярцевъ, и не успѣла разсѣяться поднятая ими пыль, какъ двѣ гранаты разорвались въ самой гущѣ Хивинцевъ: было видно, какъ нѣсколько лошадей взвились на дыбы и опрокинулись вмѣстѣ со своими всадниками... Остальныя части отрядовъ также быстро явились на поляну и всѣ вмѣстѣ, не прекращая пальбы, двинулись впередъ вслѣдъ за непріателемъ, который началъ отступать медленно, какъ бы нехотя...

Вскорѣ послѣ этого мы подошли ко кладбищамъ Янги-Япа, и здѣсь одна часть Хивинцевъ совершенно скрылась изъ виду, а другая приняла вправо и, какъ оказалось послѣ, пошла въ обходъ и энергически напала на прикрытіе нашего обоза. Но тутъ успѣли во-

время положить верблюдовъ, и изъ-за этой живой баррикады встрѣтили такимъ огнемъ, что непріятель оставилъ на мѣстѣ около ста пятидесяти труповъ и уже болѣе не возобновлялъ своей попытки...

Послѣ небольшого привала мы подвинулись еще до кишлаковъ Горлена, гдѣ и расположились для ночлега.

Часа черезъ два, съ аванпостовъ привели къ намъ, въ кавказскій лагерь, посла Хивинскаго хана, съ провожавшимъ его молодымъ Юмутомъ. Оба они были хорошо одѣты и на превосходныхъ лошадяхъ съ богатою серебряною сбруей, украшенною бирюзой и сердоликомъ. Якубъ, довольно представительный, пожилой и нѣсколько полный человѣкъ, съ большою посѣдѣвшею бородой и съ довольно пріятнымъ умнымъ лицомъ.

По порученію полковника Л., я повелъ посла въ оренбургскій лагерь, къ генералу Веревкину. Генераль спалъ. Я вошелъ въ кибитку и разбудилъ его.

— Прикажете, пожалуйста, подать ему чаю, отвѣчалъ генераль, выслушавъ мой докладъ о прибытіи посла Хивинскаго хана, — и вообще займите его, пока я одѣнусь.

Посоль усѣлся на стулъ и ему подали чай и папиросы... Между тѣмъ вѣсть о его прибытіи разнеслась по лагерю, и въ нѣсколько минутъ человѣкъ тридцать офицеровъ уже толпились предъ кибиткой генерала въ ожиданіи его выхода... Но вотъ и онъ.

Посоль поднялся съ мѣста съ полнымъ сознаніемъ

своего достоинства, и съ легкимъ, вѣжливо-холоднымъ поклономъ, который при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ сдѣлалъ бы честь и любому европейскому дипломату, подошелъ къ генералу и протянулъ ему что-то завернутое въ листъ почтовой бумаги. Передавая это «что-то» офицеру-переводчику, генераль опустился на стулъ и пригласилъ посла сдѣлать то же самое... Водворилась мертвая тишина.

Переводчикъ развернулъ бумагу: въ ней оказалось посланіе Хивинскаго хана, зашитое въ бѣлый коленкоръ; подъ коленкоромъ былъ мѣшочекъ изъ пурпуроваго атласа, расшитаго золотыми узорами, и уже въ этомъ послѣднемъ листъ сѣрой бумаги съ одною исписанною страницей...

Началось чтеніе.

Добрыя семь восьмыхъ страницы были посвящены перечисленію разныхъ добродѣтелей «головы аламановъ Русскаго Акъ-Падишаха», и только послѣднія строки заключали въ себѣ просьбу «досточтимага, великодушнаго и т. д. падишаха Хоразма, Сейдъ-Мухаммадъ-Рахимъ-хана» о томъ, чтобы дали ему три дня на размышленіе и въ продолженіе этого времени приостановили дальнѣйшее движеніе нашихъ войскъ. Ханъ увѣдомлялъ при этомъ, что онъ обращался съ такою же просьбой и къ «ярымъ-падишаху» *), отъ котораго уже получилъ будто бы надлежащее согласіе.

*) «Поль-царя». Такъ называютъ въ Средней Азіи туркестанскаго генераль-губернатора.

Отвѣтъ генерала былъ такъ непривѣтливъ, что переводчикъ замялся.

— Передайте, повторилъ генераль,—другаго отвѣта отъ меня не будетъ, если не получу приказанія отъ генерала Кауфмана.

Послу сообщили отрицательный отвѣтъ и онъ уѣхалъ видимо взволнованный...

До сихъ поръ мы двигались по лѣвому прибрежью Аму-Дарьи, имѣя въ виду соединеніе съ Туркестанскимъ отрядомъ. Но вслѣдствіе полученнаго сегодня достовѣрнаго извѣстія о томъ, что часть войскъ генераль-адъютанта Кауфмана уже переправилась на лѣвый берегъ, на высотѣ Хивы, былъ собранъ военный совѣтъ, который рѣшилъ повернуть на юго-востокъ и двигаться прямо на столицу ханства, такъ какъ, продолжая движеніе по первоначальному направленію, мы можемъ прибыть къ мѣсту переправы Туркестанцевъ въ то время, когда послѣдніе по всей вѣроятности будутъ подъ стѣнами Хивы...

Выступаемъ завтра.

XXIII.

Извѣстіе о намѣреніи непріятеля и два конверта на имя Маркозова. — Неожиданная остановка. — Клычъ-Ніязъ-бай и кавалерійская экскурсія на его лѣвомъ берегу. — Неудачный мостъ. — Дальнѣйшее движеніе и старое русло Аму. — Каты-Кунградъ и его крѣпость.

24 мая, 9 часовъ вечера. Каты.

Утромъ, 23 мая было получено извѣстіе, что хивинскія войска, потерпѣвшія наканунѣ неудачу подъ Янги-Япомъ, отступили изъ окрестностей Горлена за нѣсколько верстъ, къ большому каналу Клычъ-Ніязъ-бай, у котораго собираются сжечь мостъ... Отряды получили приказаніе выступить немедленно, чтобы воспрепятствовать намѣренію непріятеля.

Мы еще были въ лагерѣ, когда пріѣхалъ Киргизъ съ двумя конвертами генерала Кауфмана, адресованными на имя начальника Красноводскаго отряда, полковника Маркозова. Одинъ изъ нихъ заключалъ въ себѣ приказъ по войскамъ, отъ 13 мая, по случаю прибытія Туркестанскаго отряда къ правому берегу Аму-Дарьи; другой, — требованіе отъ полковника Мар-

козова, который по всей вѣроятности уже въ Тифлисъ, донесенія о его предположеніяхъ по движенію Красноводскаго отряда и свѣдѣній объ отрядахъ Оренбургскомъ и Мангышлакскомъ.

Киргизъ, пріѣхавшій съ этими бумагами, ничего не могъ сообщить о Туркестанскомъ отрядѣ, такъ какъ, по его словамъ, конверты получены имъ въ Шахъ-Абасъ-вали отъ другаго Киргиза, не рѣшившагося переправиться на эту сторону Аму.

Мы подошли ко Клычъ-Ніязъ-баю около 9 часовъ утра. Это дѣйствительно самый большой изъ тѣхъ многочисленныхъ каналовъ, черезъ которые мы переправлялись до сего времени. Онъ имѣетъ отъ двадцати семи до тридцати сажень ширины, при двухъ съ половиной аршинной глубинѣ, съ общимъ направленіемъ на сѣверо-востокъ, подобно и всѣмъ остальнымъ каналамъ Хивинскаго оазиса; берега низкіе, безъ насыпей, и по обѣимъ сторонамъ голая песчаная равнина на значительномъ пространствѣ.

Какъ мы ни спѣшили къ этому каналу, но неприятель предупредилъ насъ и, къ сожалѣнію, успѣлъ сдѣлать свое дѣло: мостъ былъ сожженъ и изъ воды выглядывали только обгорѣлые остатки его деревянныхъ козелъ... На берегу валялся огромный хивинскій каикъ, опрокинутый вверхъ дномъ, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него отрубленная голова нашего лазутчика-Киргиза, брошенная, вѣроятно, для острастки его собратьевъ по ремеслу... Нѣсколько сотъ хивинскихъ всадниковъ, разсыпавшись въ почтительномъ отдаленіи

по противоположной равнинѣ, любовались оттуда нашею неожиданною остановкой. Но двѣ гранаты, вскорѣ разорвавшіяся между ними, вѣроятно, охладили ихъ любопытство: они скрылись и отрядъ приступилъ къ постройкѣ моста.

Прежде всего, при усилии нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, спустили на воду хивинскій каикъ, отъ котораго ожидали не малой помощи, но онъ оказался поврежденнымъ и затонулъ въ нѣсколько минутъ. Это, конечно, не остановило работы. Въ ближайшихъ кишлакахъ застучали топоры, къ берегу начали сносить всевозможный лѣсъ и хворостъ, въ водѣ закопошились десятки солдатъ въ костюмѣ прародителей, и къ одиннадцати часамъ мостъ началъ какъ бы выростать... Но въ это время на опушкѣ садовъ, которые окружали равнину на непріятельскомъ берегу, за клубился дымокъ и ядро фальконета съ визгомъ и свистомъ прилетѣло черезъ нашъ лагерь. Это повторилось нѣсколько разъ и вслѣдствіе этого полковникъ Леонтьевъ получилъ приказаніе взять четыре сотни кавалеріи и очистить или обезоружить всѣ ближайшіе кишлаки по ту сторону Клычъ-Ніязъ-бая.

Сотни, къ которымъ присоединился и я, поспѣшно вскочили на коней и, переправившись въ бродъ черезъ каналъ, понеслись, съ цѣпью наѣздниковъ впереди, прямо по направленію фальконетныхъ выстрѣловъ, но непріятеля и слѣдъ простылъ: въ кишлакахъ уже не оказалось ни одной души... Взявъ нѣсколько вправо, мы наткнулись на небольшое глиняное укрѣпленіе съ

высокими стѣнами, прорѣзанными бойницами и обнесенными маленькимъ рвомъ. Ворота укрѣпленія, забаррикадированныя нѣсколькими арбами, давали право думать, что здѣсь мы встрѣтимъ сопротивленіе и потому, остановивъ сотни въ нѣкоторомъ отдаленіи, полковникъ Леонтьевъ двинулъ къ воротамъ пятьдесятъ спѣшенныхъ казаковъ... Баррикада разнесена и мы въ укрѣпленіи. До ста пятидесяти ободранныхъ каракалпакскихъ семействъ тѣснились здѣсь вокругъ нѣсколькихъ десятковъ закопѣлыхъ кибитокъ; овцы, лошади и верблюды наполняли все остальное пространство между стѣнами. Нѣсколько стариковъ, встрѣтившихъ насъ у воротъ съ обнаженными головами, были, повидимому, ни живы, ни мертвы.

— Къ чему всѣ эти приготовленія?.. Кому вы думаете сопротивляться?

— Мы, Каракалпаки, рады вамъ... Мы ждали васъ, отвѣчали бѣдные старики, едва выговаривая слова отъ сильнаго волненія.—Бѣгушіе предъ вами Чоудуры и Юмуты нападаютъ по дорогѣ на всѣхъ, грабятъ, рѣжутъ... Мы только отъ нихъ укрылись здѣсь...

Слова эти хотя и дышали искренностью, но приказаніе нужно было исполнить. Мы вышли изъ укрѣпленія, забравъ предварительно все оружіе Каракалпаковъ, состоявшее изъ невообразимаго хлама разныхъ фитильныхъ ружей, никуда негодныхъ сабель и нѣсколькихъ тульскихъ пистолетовъ, по всей вѣроятности «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма».

Нѣсколько далѣе сотни остановились, переправивъ

шись по плотинѣ черезъ небольшое озеро, поросшее вокругъ камышомъ, а впередъ по двумъ расходящимся дорогамъ отправлены были разъѣзды, изъ коихъ одинъ поручика графа Шувалова возвратился вскорѣ съ извѣстіемъ, что видѣлъ невдалекѣ непріятельскую партію не менѣе ста всадниковъ... Вслѣдствіе этого я получилъ приказаніе взять сборную сотню Кавказскихъ и Оренбургскихъ казаковъ и прослѣдить непріятеля.

Пройдя нѣсколько верстъ между только-что заброшенными кишлаками, тонувшими въ густой зелени фруктовыхъ деревьевъ, я наткнулся, наконецъ, на огромный кишлакъ въ видѣ укрѣпленія, съ запертыми тяжелыми воротами; нѣсколько бараньихъ шапокъ зашевелились за его стѣнами и мгновенно скрылись... Спѣшивъ половину людей, я подошелъ съ ними къ воротамъ кишлака.

— Кто тутъ?.. Отворите!—крикнулъ Киргизъ-проводникъ,—не бойтесь, вамъ ничего не сдѣлаютъ... Скорѣе!.. Иначе разнесемъ ворота и вамъ будетъ плохо...

Слова Киргиза произвели дѣйствіе. Ворота отворились и я увидѣлъ предъ собой огромный дворъ полный людьми; между ними возвышались десятки арбъ, нагруженныхъ постелями, коврами, мѣдною посудой и всевозможнымъ домашнимъ скарбомъ. Болѣе двухсотъ осѣдланыхъ, еще потныхъ лошадей стояли вокругъ арбъ или вдоль стѣнъ кишлака, и онѣ не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что мы наткнулись на часть только-что дѣйствовавшей противъ насъ непріятельской конницы... Однако, чтобы не возиться съ

плѣнными, которые послужили бы только бесполезнымъ бременемъ, мы ограничились тѣмъ, что потребовали все оружіе. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ вынесли болѣе двухсотъ штукъ такого же хлама, какой былъ отобранъ предъ этимъ у Каракалпаковъ...

Мы уже собирались возвратиться съ этою добычей, когда за стѣной, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, услышали какіе-то раздирающіе крики нѣсколькихъ голосовъ...

— Кто это кричитъ? обратился я къ старику Узбеку, который стоялъ около меня и, повидимому, командовалъ всѣми въ кишлакѣ.

Старикъ замялся..

— Вѣроятно *догма* *), отвѣчалъ проводникъ.

Съ нѣсколькими казаками я подошелъ къ дверямъ, откуда неслись крики, и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ въ темной комнатѣ шесть человѣкъ Персіанъ, изъ коихъ одни стояли въ кандалахъ, съ искаженными отъ страха лицами, другіе валялись на землѣ, связанные веревками по рукамъ и ногамъ... Нужно было видѣть радость этихъ несчастныхъ, когда освобожденные, они выходили изъ кишлака, чтобы слѣдовать за нами въ русскій лагерь!..

Около воротъ Персіанъ окружили ихъ бывшіе хозяева и умоляли простить имъ, «если они въ чемъ-либо провинились». По религіи мусульманъ проклятiя раба влекутъ на голову его хозяина особыя муки на томъ свѣтѣ...

*) Такъ называютъ здѣсь всѣхъ Персіанъ-невольниковъ.

«Пусть Богъ проститъ...» повторяли одинъ за другимъ Персіяне, но тономъ, въ которомъ точно слышалась вся безконечная вереница испытанныхъ ими многолѣтнихъ страданій.

Къ 7 часамъ вечера я присоединился къ сотнямъ, а черезъ часъ мы всѣ уже были въ лагерѣ, на правомъ берегу Клычъ-Ніязъ-бая...

Мостъ, конечно построенный на живую нитку, былъ уже готовъ къ разсвѣту слѣдующаго дня, но его настилка изъ хвороста, возвышавшаяся надъ поверхностью воды на нѣсколько футовъ, начала понижаться при переправѣ головныхъ частей пѣхоты и совершенно погрузилась въ воду послѣ прохода двухъ-трехъ орудій. Къ довершенію неудачи, вода начала быстро прибывать. Хивинцы, чтобы затруднить переправу, запрудили всѣ развѣтвленія канала и пустили на насъ всю массу воды,—и большую часть отряда со всѣми верблюдами и колеснымъ обозомъ пришлось переправить въ бродъ, при условіяхъ, значительно ухудшившихся. Такимъ образомъ мы бесполезно потеряли сутки у Клычъ-Ніязъ-бая...

Провозившись у переправы нѣсколько часовъ, мы тронулись въ дальнѣйшій путь.

Хивинцы, наконецъ, отвязались и не беспокоили насъ въ теченіе цѣлаго дня. Затѣмъ, обстановка движенія такъ мало разнилась отъ той, къ которой мы привыкли за послѣдніе дни похода, хивинскій пейзажъ, съ его глиняными кишлаками и изобиліемъ растительности и воды, въ такой степени однообразенъ,

что, казалось, проходишь по знакомой уже мѣстности. Все разнообразіе сегодняшняго перехода состояло въ томъ, что недалеко отъ Кята мы переправились черезъ каналъ Ярмышъ, параллельно которому тянется сухое песчаное русло, имѣющее около двухъ верстъ ширины. По словамъ туземцевъ, это то самое старое русло, по которому Аму-Дарья вливалась нѣкогда въ Сары-Камышскія озера и далѣе въ Каспійское море...

Подъ вечеръ отряды остановились въ превосходныхъ садахъ за каналомъ Ярмышъ. Пока здѣсь разбивали лагерь, нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и я, поѣхали осматривать хивинскій городокъ Кятъ или Кятъ-Кунградъ, расположенный въ верстѣ отъ канала и, какъ говорили, замѣчательный по своей крѣпости...

Городокъ съ трехтысячнымъ населеніемъ разбросанъ нѣсколькими отдѣльными группами и ничего особеннаго не представляетъ, за исключеніемъ развѣ окружающихъ садовъ, въ которыхъ чистота и оконченность во всемъ поразили бы и самаго аккуратнаго изъ нѣмецкихъ садоводовъ. Обыкновенно, въ центрѣ сада, подъ тѣнью громадныхъ деревьевъ, ютится лѣтній домъ въ нѣсколько комнатъ, украшенный снаружи глиняными колоннами и небольшою верандой, предъ которою расположенъ бассейнъ. Отъ дома во всѣ стороны идутъ аллеи всевозможныхъ деревьевъ и между ними—грядки съ расколеными виноградными кустами, съ проведенными къ каждому изъ нихъ маленькими красиво отдѣланными оросительными канавками. Сады испремѣнно обнесены высокими глиняными оградами

со множествомъ такихъ же колоннъ и съ одними тяжелыми воротами, выходящими на пыльную дорогу. Такимъ образомъ, каждый садъ или кишлакъ является убѣжищемъ довольно безопаснымъ отъ посторонняго соблазна, условіе необходимое здѣсь при существующей повальной слабости ко всему плохоложащему, не только у Туркменъ, но и у самихъ Узбековъ...

За городомъ, на возвышеніи, имѣющемъ форму земляной пирамиды, усѣченной на высотѣ приблизительно ста футовъ, расположены высокія крѣпостныя стѣны, имѣющія около полутора саженъ по каждому фасу. Замѣчательно, что этотъ колоссальный, такъ-сказать, пьедесталъ крѣпости, обнесенный глубокимъ ровомъ, искусственный и, если вѣрить жителямъ самого Кята, насыпанъ изъ земли, извлеченной при проведеніи канала Ярмышъ...

На восточномъ фасѣ крѣпостной ограды расположены три полукруглыя башни. Надъ одною изъ нихъ еще на нѣсколько саженъ возвышается четырехъугольная деревянная вышка, а между двумя остальными расположены единственныя ворота. Все внутреннее пространство крѣпости, занятое прилипшими другъ къ другу мрачными, темными и полуразрушенными саклями съ одною мечетью, произвело на меня впечатлѣніе запустѣнія и ужасающей бѣдности. Но куда дѣлось это чувство, когда я взобрался на вышку крѣпости и взглянулъ съ высоты птичьяго полета на окрестности Кята!.. Зеленѣющія поля, темные сады съ желтоватыми пятнами кишлаковъ и сѣтъ блестящихъ на солнцѣ кана-

ловъ, по которымъ дробились и безъ плеска скользили мутныя воды великой рѣки, — развернулись предо мной, точно роскошные узорчатые ковры съ серебряными коймами... Какою-то нѣгой вѣялъ весь обширный кругозоръ, раскинувшійся предъ моими глазами; и природа, и люди млѣли въ неподвижности раскаленного воздуха. Только въ одномъ мѣстѣ, нарушая общую гармонію покоя, точно большой встревоженный муравейникъ, копошился нашъ лагерь, — лагерь далекихъ и незваныхъ сюда пришельцевъ...

XXIV.

Нѣмецкая записка. — Движеніе въ Кошъ-купыру и въ ханскому саду. — Авангардная стычка. — Ночное нападеніе и угонъ верблюдовъ. — Авангардные развлечения подъ Хивой.

Вечеромъ, 27 мая. Загородный ханскій садъ.

Утромъ, 25 мая, предъ выступленіемъ изъ Кята, въ отрядѣ была получена записка генераль-адъютанта Кауфмана, отъ 21 числа, написанная изъ предосторожности на нѣмецкомъ языкѣ и извѣщающая о томъ, что онъ благополучно переправился черезъ Аму, и съ частью Туркестанскаго отряда находится уже въ Хазаръ-аспѣ, въ семидесяти верстахъ отъ столицы ханства. Прося о скорѣйшемъ соединеніи съ нимъ нашихъ отрядовъ, генераль увѣдомлялъ далѣе, что отрядъ его, состоящій изъ десяти ротъ, шести сотень, восьми орудій и двухъ митральезъ, будетъ подъ Хивой 30 мая. Генераль Веревкинъ отвѣтилъ на томъ же языкѣ, что 26 числа будетъ ждать подъ Хивой дальнѣйшихъ приказаній...

«Итакъ, завтра подъ Хивой!» радостно восклицали

всѣ, выступая изъ Кята. Казалось, просто не дожدهшься этого «завтра»!.. Общее нетерпѣніе и солдатъ, и офицеровъ растеть по мѣрѣ приближенія къ цѣли въ такой степени, что всѣ опечалятся не на шутку, если объявятъ, что будетъ, напримѣръ, дневка сегодня или завтра. Между тѣмъ время за послѣдніе дни летитъ точно молнія: въ теченіе дня быстро мѣняющіяся по пути картины не дають и почувствовать, какъ остался за плечами цѣлый переходъ... Придя на мѣсто, уже чувствуешь и голодъ, и утомленіе, и не успѣешь подкрѣпить себя крайне немудрымъ произведеніемъ какого-нибудь православнаго Лепорелло, какъ наступаетъ вечеръ, клонить ко сну... А если еще пересилилъ на время этотъ сонъ и взялся за перо,—сразу чувствуешь все свое безсиліе передать бумагѣ и картины своеобразной природы съ ея культурными особенностями, мѣняющіяся предъ нами какъ въ калейдоскопѣ, и наши впечатлѣнія, мелькающія также быстро, какъ эти картины, но часы пролетаютъ какъ одна минута, прежде чѣмъ успѣешь набросать нѣсколько страницъ...

Верстахъ въ восьми отъ Кята отряды переправились черезъ каналъ Шахъ-Аббатъ, столь же значительный какъ Клычъ-Ниязь-бай, по деревянному мостику, имѣющему на восточной сторонѣ глиняную башню, исправляющую здѣсь должность предмостнаго укрѣпленія. Хивинцы уже перестали портить мосты, такъ какъ убѣдились, вѣроятно, что это совершенно бесполезно...

За каналомъ мы сразу вступили въ сыпучіе пе-

ски, которые въ этомъ мѣстѣ врѣзываются клиномъ въ Хивинскій оазисъ и почти раздѣляютъ его на двѣ части. Пройдя еще верстъ пятнадцать въ этой новой обстановкѣ, мы подошли къ Кошъ-Купиру и около 5 часовъ вечера остановились въ его пустыхъ, брошенныхъ кишлакахъ.

Кошъ-купирскіе кишлаки, съ окружающими ихъ садами, лежатъ по берегамъ также огромнаго канала Казаватъ, и принадлежатъ большею частью диванъ-бегу и другимъ вельможамъ Хивинскаго ханства. Они представляютъ нѣчто особенное по своимъ размѣрамъ: можно сказать, что это положительно цѣлыя отдѣльныя укрѣпленія, заключающія въ своихъ зубчатыхъ стѣнахъ лабиринты всевозможныхъ безоконныхъ построекъ изъ глины, съ нѣсколькими просторными дворами. Не знаю, была ли въ этомъ надобность, но вечеромъ многіе изъ кишлаковъ были преданы огню, и зарево ихъ пожара долго освѣщало лагери соединенныхъ отрядовъ...

Въ этотъ же вечеръ неожиданно прибылъ Киргизъ, который какимъ-то чудомъ одинъ прокрался черезъ все ханство и привезъ изъ Оренбурга почту.. Почти со времени оставленія Кавказа мы прервали всякія сношенія съ цивилизованнымъ міромъ и, конечно, не знаемъ, чтó въ немъ дѣлается. Сколько новаго, неожиданнаго, быть можетъ, произошло за это время въ политической и общественной жизни народовъ, невольно приходило въ голову, и съ этими мыслями мы бросились въ оренбургскій штабъ за свѣжими га-

зетами, но, увы! новѣйшія изъ нихъ были отъ 25-го марта...

Отъ Кошъ-Купира до Хивы всего около шестнадцати верстъ. Пройдя половину этого разстоянія и переправившись черезъ нѣсколько каналовъ, вчера, около 10 часовъ утра, мы подошли къ загородному ханскому саду, который отличается отъ кошъ-купирскихъ кишлаковъ развѣ только своими еще болѣе грандіозными размѣрами. Отряды расположились вокругъ садовой ограды, а генераль Веревкинъ со своимъ штабомъ въ самомъ саду.

Какъ только пришли сюда, подполковникъ Скобелевъ получилъ приказаніе продвинуться, если можно, впередъ еще на нѣсколько верстъ съ двумя сотнями Уральскихъ и Сундженскихъ казаковъ, обрѣкогносцировать мѣстность и затѣмъ, остановившись на удобномъ мѣстѣ, составить родъ авангарда. Скобелевъ пригласилъ меня примкнуть къ его поѣздкѣ, и мы тронулись по направленію Хивы...

Уже въ верстѣ отъ ханскаго сада начали показываться по сторонамъ дороги небольшія партіи непріятельскихъ всадниковъ, но продолжали подвигаться не обращая на нихъ вниманія. Держась въ почтительномъ отдаленіи, всадники медленно отступали предъ нами и скрывались за ближайшими садами... Отѣхавъ версты двѣ съ половиной, мы вышли на небольшую равнину, пересѣченную нѣсколькими арыками; на мостикѣ, переброшенномъ черезъ одинъ изъ нихъ, копошилась спѣшенная толпа въ нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Чтобы не дать испортить мостикъ, Скобелевъ вызвалъ наѣзтниковъ изъ обѣихъ сотень и приказалъ мнѣ атаковать толпу. Мы понеслись въ карьеръ съ мѣста. Хивинцы успѣли снять лишь нѣсколько досокъ мостовой настилки, но замѣтивъ насъ бросились къ своимъ конямъ и ускакали прямо по дорогѣ. Увлекаясь за ними, мы попали въ узкую улицу между двумя кишлаками и вынеслись отсюда на большую равнину, окаймленную со всѣхъ сторонъ садами и глиняными стѣнками. Здѣсь непріятель разсыпался вѣромъ и скрылся въ садахъ, а мы остановились посреди равнины, такъ какъ лошади были уже въ мылѣ, и за нами не въ первый разъ раздавались сигналы «шагомъ» и «стой». Вскорѣ къ намъ присоединился и подполковникъ Скобелевъ со своими сотнями.

Едва осѣла пыль, скрывавшая нашу малочисленность, какъ уже толпы непріятельскихъ всадниковъ начали показываться со всѣхъ сторонъ и сгущаться все болѣе и болѣе... Вскорѣ сплошныя массы Хивинцевъ заняли и кишлаки, оставшіеся у насъ въ тылу, и узкую дорогу между ними, по которой мы только что вынеслись на поляну: мы окружены, и путь отступленія отрѣзанъ...

Сотни спѣшили и открыли огонь, направляя его преимущественно на дорогу между кишлаками... Справа, изъ-за стѣнки одного сада, вдругъ вылетѣлъ плотный клубъ бѣлаго дыма, раздалось что-то въ родѣ пушечнаго выстрѣла, со свистомъ и визгомъ, потрясая воздухъ, пронеслось надъ нами ядро фальконета и шлеп-

нулось въ противоположной сторонѣ, въ толпѣ хивинскихъ же всадниковъ.

— Ловко! произнесъ есаулъ, стоявшій недалеко отъ меня на флангѣ сотни.— Жаль, что у нихъ мало этихъ пукалокъ; они бы этакъ скорѣе перебили другъ друга...

Перестрѣлка длилась уже четверть часа. Ожесточенные крики «аламанъ! аламанъ!», наполнявшіе воздухъ, раздавались все ближе и ближе. Пули визжали со всѣхъ сторонъ. Пролетѣли еще два-три ядра... Вдругъ Хивинцы съ саблями наголо хлынули на поляну со стороны нашего лагеря... Минута была не изъ особенно пріятныхъ, но встрѣченные градомъ нашихъ пуль, они понеслись мимо кишлаковъ вправо и влево подобно стаямъ испуганныхъ зайцевъ... Дорога между кишлаками очистилась, и за нею, движимые точно ураганомъ, за клубились облака желтой пыли, изъ которыхъ начала прорѣзываться масса мчавшихся къ намъ бѣлыхъ всадниковъ... Наши!..

Оказалось, что фальконетные выстрѣлы Хивинцевъ, не причинивъ никакого вреда, оказали намъ одну только услугу: они подняли въ лагерѣ тревогу, и вотъ на помощь къ намъ послали оттуда всю кавалерію. вмѣстѣ съ нею мы пошли впередъ, по слѣдамъ Хивинцевъ, но послѣдніе точно канули въ воду,—ни одного изъ нихъ не было уже видно. Не доѣзжая трехъ верстъ до Хивы, мы вернулись назадъ и подъ вечеръ прибыли въ лагерь. Въ авангардѣ снова остались двѣ сотни кавалеріи, къ которымъ вечеромъ по-

слали изъ лагеря еще по одной ротѣ Апшеронскаго и Ширванскаго баталіоновъ...

Сегодня на разсвѣтѣ неожиданная тревога подняла на ноги весь лагерь. Когда я выскочилъ изъ кибитки, пѣхота уже стояла подъ ружьемъ, артиллеристы запрягали орудія, казаки сѣдлали коней и, перегоняя другъ друга, проносились къ своимъ сотнямъ. Вдали слышалась ружейная трескотня... Въ этой боевой обстановкѣ священникъ въ полномъ облаченіи служилъ молебенъ предъ выстроившимися ротами Апшеронцевъ, у которыхъ сегодня полковой праздникъ...

Дѣло вскорѣ разъяснилось и войска были распущены. Ночью, на лѣвомъ флангѣ лагеря, далеко выдвинулись впередъ верблюды Оренбургскаго отряда. Юмуты замѣтили это, и налетѣвъ врасплохъ, отхватили болѣе 400 головъ, но въ то время, когда они возвращались съ этою добычей, авангардъ Скобелева перерѣзалъ имъ дорогу, отбилъ обратно верблюдовъ и положилъ на мѣстѣ до двухсотъ человѣкъ непріятелей. Говорятъ, что особенно отличилась при этомъ сотня Дагестанцевъ, которая хоть разъ наконецъ настигла Юмутовъ, но за то такъ, что рубила на выборъ и вернулась съ трофеями въ видѣ юмутскихъ лошадей и оружія...

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ тревоги, къ генералу пріѣхалъ подполковникъ Скобелевъ для доклада объ утреннемъ нападеніи Хивинцевъ и на возвратномъ пути завернулъ ко мнѣ въ кибитку.

— А лихое было дѣло сегодня! произнесъ онъ

между прочимъ съ довольною улыбкой.—Жаль, что у насъ мало конно-иррегулярцевъ. Вѣдь это золото!.. Они называютъ своего сотеннаго командира подполковника Квинитадзе, какъ принято у горцевъ, просто по имени, Иваномъ... Вотъ скачетъ Квинитадзе. Предъ нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, Лезгинъ настигаетъ Юмута и однимъ ударомъ раскроилъ ему черепъ. Юмуть полетѣлъ съ коня, а Лезгинъ, догоняя слѣдующаго, оборачивается на всемъ скаку къ своему командиру: «Иванъ!.. видѣлъ?»—Молодецъ! видѣлъ,—отвѣчаетъ тотъ... Лезгинъ наноситъ новый ударъ и новый Юмуть валится съ коня: «Иванъ!.. видѣлъ?»—Молодчина!—повторяетъ командиръ... Лезгинъ не могъ уже догнать третьяго Юмута на превосходной лошади и выхватилъ пистолетъ; раздался выстрѣлъ и новая жертва грохнулась на землю вмѣстѣ съ конемъ, тотъ же вопросъ и тотъ же отвѣтъ... Да что вы тутъ коптите, поѣдьте въ авангардъ. Тамъ у меня по крайней мѣрѣ развлеченіе... Кстати, мой Мишка собирается дать сегодня генеральный шашлыкъ... Поѣдьте.

Отправились.

Двѣ сотни, составлявшія авангардъ, стояли попрежнему въ четырехъ верстахъ отъ Хивы, на той самой полянѣ, на которой насъ выручило вчера неожиданное появленіе кавалеріи... До полудня время прошло въ безплодной перестрѣлкѣ съ мелкими непріятельскими партіями. Но къ этому времени Хивинцы высыпали въ столь значительныхъ силахъ и начали насѣдать на насъ такъ энергично, что пришлось дать знать въ ла-

геръ... Не прошло и часа какъ оттуда снова прискакала кавалерія, а вслѣдъ за нею подошла и часть пѣхоты съ генераломъ Веревкинымъ.

По обыкновенію, держась почти внѣ выстрѣловъ, толпы непріятеля гарцовали до изнуренія лошадей и скрылись изъ виду послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ нашихъ орудій. Послѣ этого и генералъ отвелъ войска въ лагерь, обѣщавъ усилить насъ на ночь двумя ротами...

Оставшись снова съ двумя сотнями, мы расположились отдыхать подъ тѣнью фруктовой рощи, на берегу небольшого арыка. Но недолго продолжалось наше спокойствіе...

— Ну, Мишка, давай-ка теперь свой шашлыкъ! крикнулъ Скобелевъ, опускаясь на бурку.

Но прежде чѣмъ онъ окончилъ свою фразу, жикъ! жжикъ! шлепнули двѣ пули о стволъ дерева надъ нашими головами, и толпа непріятельскихъ всадниковъ ринулась на поляну изъ ближайшихъ садовъ съ хивинской стороны.

— Къ конямъ!.. Садись!..

Едва мы вскочили на лошадей, Хивинцевъ и слѣдъ простылъ... Подобныя выходки повторялись нѣсколько разъ и выводили всѣхъ изъ терпѣнія...

— Ишь, проклятые, какъ разгулялись! слышалось между казаками.— Мало ихъ потрепали сегодня утромъ... Надо бы еще маленько почесать...

— Въ самомъ дѣлѣ, надо бы ихъ еще разъ про-

учить, подхватилъ Скобелевъ, —но вѣдь не подойдутъ, каналы...

Въ это время солнце уже скрывалось за хивинскими садами, и со стороны лагеря показались двѣ роты съ орудіемъ, которыя шли къ намъ на подкрѣпленіе.

— Теперь, если хотите, мы можемъ и проучить хивинскихъ наѣздниковъ, обратился я къ начальнику авангарда. — Стоитъ только заложить эти роты за арыкъ, а какому-нибудь взводу казаковъ выѣхать впередъ въ видѣ разъѣзда и затѣмъ обратиться во мнимое бѣгство по направленію засады. Навѣрно партія Хивинцевъ бросится преслѣдовать и нарвется.

Предложеніе было принято. Роты залегли за арыкомъ, по обѣимъ сторонамъ орудія, а кавалерія, оставивъ на мѣстѣ одинъ взводъ, начала медленно удаляться назадъ. Оставшись вести «приманку», я объяснилъ казакамъ цѣль движенія и мы тронулись.

Предъ арыкомъ широкая полоса равнины была затоплена водой, выпущенной Хивинцами для затрудненія нашего движенія. Далѣе черезъ четверть версты дорога пошла между глиняными стѣнками садовъ и вскорѣ выбѣжала на новую небольшую поляну. Какъ только мы доѣхали до ея середины, изъ всѣхъ окружающихъ садовъ вылетѣли дымки, завизжали пули и начали выскакивать толпы всадниковъ... Сдѣлать залпъ изъ всѣхъ ружей и повернуть назадъ было для казаковъ дѣломъ одного мгновенія. Мы помчались что есть мочи. Вся масса Хивинцевъ, выхватывая сабли, съ торжествующими криками ринулась за нами... Вотъ мы

уже на равнинѣ предъ нашимъ арыкомъ... уже подъ ногами лошадей расплескалась и забрызгала вода затопленной мѣстности. Послышалось отрывистое «пли». Насыпь арыка точно дохнула дымомъ и треснула залпъ... Теперь Хивинцы повернули въ свою очередь и помчались назадъ во весь духъ, но не всѣ: нѣкоторые изъ нихъ барахтались въ водѣ вмѣстѣ съ лошадьми, другіе корчились на сухой полянѣ...

— Ваше благородіе, казакъ у насъ раненъ въ плечо, подлетѣлъ ко мнѣ урядникъ, когда мы уже остановились.

— Ты не видѣлъ? обратился съ другой стороны Насибъ.

— Чего?..

Онъ указалъ на мою лошадь, которая дрожала какъ въ лихорадкѣ. Съ правой стороны по ея ребрамъ и задней ляшкѣ струилась кровь: она была ранена тремя ружейными картечинами... Благословляю судьбу, что несмотря на эти раны бѣдное животное не свалилось во время нашей бѣшенной скачки предъ Хивинцами, иначе... я бы навѣрно не писалъ теперь этихъ строкъ...

XXV.

Движеніе къ Хивѣ и общее настроеніе.—Первыя трофеи-пушки.— Неудачная погоня за третьимъ орудіемъ и мои впечатлѣнія.— На перевязочномъ пунктѣ.—Оригинальныя пули и хивинская депутація.—Революція въ городѣ, новый ханъ и бѣгство стараго.—Отвѣтъ генерала и пересуды офицеровъ.—Письмо генерала Кауфмана.

5-го іюля. Лагерь подъ Хивой.

Много прошло дней и еще болѣе пронеслось событій и впечатлѣній со времени послѣдняго моего письма. Но вы, вѣроятно, уже знаете причину прерыва моихъ разсказовъ на самомъ, такъ-сказать, пикантномъ мѣстѣ... Во всякомъ случаѣ не буду забѣгать впередъ, и какъ ни трудно мнѣ писать лежа на спинѣ, постараюсь пополнить этотъ пробѣлъ насколько возможно...

Остановившись въ восьми верстахъ отъ Хивы, отряды Мангышлакскій и Оренбургскій ждали Туркестанцевъ единственно изъ военной деликатности, чтобы преждевременнымъ взятіемъ столицы ханства не поставить ихъ въ то непріятное положеніе, котораго такъ боялись сами въ теченіе похода, и которое непременно

должны испытывать рвущіяся въ дѣло войска, перенесшія массу гигантскихъ трудовъ, если опоздають нѣсколькими часами и придуть къ шапочному разбору... Но Хивинцамъ, конечно, были недоступны эти тонкости. Стали, нейдуть. Значить не могутъ, подсказывала имъ азіатская логика. Дерзость ихъ возрастала съ каждымъ днемъ. Они стали назойливы до такой степени, что не давали намъ покоя ни днемъ, ни ночью...

Съ утра 28 мая тысячи хивинскихъ всадниковъ начали настѣдать на авангардъ, заскакивать въ тылъ и подлетать къ самому лагерю. Опрокинутые и отброшенные нѣсколько разъ, они появлялись снова... Въ виду этого, генералъ Вережкинъ счелъ необходимымъ приступить, такъ-сказать, къ началу конца...

Около 12 часовъ утра онъ явился со всѣми войсками соединенныхъ отрядовъ къ мѣсту расположенія авангарда, и приказавъ подполковнику Скобелеву слѣдовать со своими войсками въ арріергардъ за кавалеріей, двинулся впередъ въ направленіи къ Хивѣ. Пѣхота пошла въ головѣ общей колонны.

Войска были въ самомъ радужномъ настроеніи и шли въ смутномъ ожиданіи чего-то важнаго, какъ будто на давно обѣщанный праздникъ. Объ офицерахъ ужъ я и не говорю: трудно себѣ представить болѣе праздничный, болѣе счастливый видъ, чѣмъ былъ у нихъ. Они были почти въ томъ состояніи, когда человѣка такъ и подмываетъ плясать или обниматься... Я увѣренъ, что никто изъ насъ не сѣмѣлъ бы объяснить, чему собственно мы радовались? Родные,

друзья, или даже нормальныя условія жизни насъ не ждали въ Хивѣ. Мы знали, что пройдутъ еще многіе мѣсяцы, прежде чѣмъ насъ вернуть на родину. Мы даже не обманывали себя насчетъ тѣхъ затрудненій, которыя могутъ вырости подъ стѣнами Хивы и, въ плохомъ случаѣ, поставить вверхъ дномъ всѣ достигнутые до сего времени результаты нашихъ жертвъ и усилій. Но тѣмъ не менѣе, таково было наше безотчетное настроеніе...

Дорога все время тянулась въ неизмѣнной хивинской обстановкѣ, между садами и кишлаками, черезъ канавы и арыки. Она то расширялась, пробѣгая по небольшимъ полямъ, то снова извивалась, стиснутая между глиняными стѣнками... Придерживаясь по обыкновенію бессмысленной своей тактики, непріятельскія массы неслись предъ нами сломя голову, безжалостно загоняя превосходныхъ своихъ коней, или разсыпались по окружающимъ садамъ и оглашали ихъ своими криками. Только изрѣдка, и то безплодно, не нанося намъ никакого вреда, Хивинцы пукали изъ своихъ фитильныхъ ружей въ то время, когда мѣстность на каждомъ шагу благопріятствовала самымъ смертоноснымъ засадамъ...

На одной полянѣ Хивинцы столпились въ большую массу и остановились... Къ головнымъ частямъ потребовали орудія.

— Эхъ-ма!.. Жги!.. жги, ребята! кричалъ на всемъ скаку есаулъ Горячевъ, выстая впередъ со своими орудіями.

Грянулъ выстрѣлъ. Бѣлое кольцо его дыма еще расширялось въ воздухѣ, какъ ужъ послѣдовали другой и третій... Толпа дрогнула и быстро очистила поляну. Рассказывали ужъ послѣ сами Хивинцы, что въ то время самъ ханъ находился во главѣ этой толпы, и что одна изъ нашихъ гранатъ оторвала голову его лошади и разорвалась между окружавшими его. Ханъ повалился на землю, но быстро вскочивъ на ноги, сѣлъ на подведенную лошадь и ускакалъ за своими войсками...

Продвинувшись еще немного, мы очутились на большой площадкѣ между кишлакомъ и нѣсколькими кирпичными заводами. Войска начали здѣсь сгущаться, такъ какъ впереди узкая дорога между двумя глиняными стѣнками, въ которую уже вступили головныя части, позволяла проходить только вытянувшись въ длинную походную колонну... Впереди слышалась трескотня ружейной пальбы, загремѣли пушечные выстрѣлы и ядра одно за другимъ начали визжать черезъ наши головы... Впечатлѣніе было, конечно, не особенно пріятно. Киргизы, стоявшіе вмѣстѣ съ нами въ свитѣ полковника Ломакина, соскочили съ лошадей и спрятались подъ воротами сосѣдняго кишлака. Туда же направился и одинъ изъ нашихъ эскулаповъ, но вскорѣ онъ какъ бомба вылетѣлъ оттуда обратно на дорогу, какъ оказалось, выпертый Киргизами, такъ какъ подъ воротами ужъ не было мѣста...

Что дѣлалось впереди — никто не зналъ. Между тѣмъ все могло кончиться въ одну минуту... Мнѣ такъ хотѣлось быть хоть очевидцемъ происходящаго,

и любопытство поджигало меня въ такой степени, что минуты нашей остановки казались часами. Наконецъ, я не выдержалъ и хотя зная, что это не нравится Л., подѣхавъ къ нему, попросилъ его разрѣшенія и поскакалъ впередъ... Черезъ минуту я уже вынесся на открытое мѣсто и очутился около моста, переброшеннаго черезъ большой каналъ Палванъ-Ата, пересѣкавшій дорогу. По ту сторону моста, на дорогѣ стояли дуломъ ко мнѣ два брошенные хивинскія орудія, а нѣсколько правѣ ихъ, за глиняною стѣнкой, двѣ Апшеронскія роты. За каналомъ дорога скатывалась нѣсколько книзу, и не далѣе 400 шаговъ отъ моста она упиралась въ хивинскую крѣпостную ограду, зубцы и бойницы которой внушительно выглядывали изъ-за разныхъ мелкихъ построекъ... Ограда точно курилась. Дымки перебѣгали по ея бойницамъ, а пули насквозь пронизывали дорогу къ каналу...

Оказывается, что шедшіе во главѣ отряда Апшеронцы были уже недалеко отъ канала, когда за мостомъ раздались первые пушечные выстрѣлы Хивинцевъ... Роты прибавили шагу и, приближаясь къ каналу, неожиданно увидали предъ собой непріятельскую батарею изъ трехъ орудій. Въ ту же секунду грянуло дружное *ура!* и 4-я стрѣлковая рота съ капитаномъ Бекузаровымъ во главѣ, а за нею и 9-я, бросились черезъ мостъ на непріятельскую батарею... Хивинцы не ожидали Русскихъ такъ скоро и были поражены ихъ внезапнымъ появленіемъ предъ самымъ носомъ. *Ура* и стремительный напоръ Апшеронцевъ довершили ихъ

панику: они побѣжали, успѣвъ оттащить назадъ только одну изъ своихъ пушекъ. Скучившись вокругъ хивинскихъ орудій, Апшеронцы очутились подъ сильнымъ огнемъ крѣпостной ограды и укрылись на время за ближайшею глиняною стѣнкой... Въ такомъ положеніи я засталъ эти двѣ роты, когда подъѣзжалъ къ каналу Палванъ-Ата.

Едва я приблизился къ мосту, какъ услышалъ недалеко отъ себя громкій голосъ, окликавшій меня по фамиліи. Оглянувшись, я увидѣлъ начальника штаба Оренбургскаго отряда, полковника Саранчова; онъ сидѣлъ на насыпи по сю сторону канала, укрываясь отъ выстрѣловъ тою же самою стѣной, за которой на противоположномъ берегу стояли Апшеронцы.

— Скажите, пожалуйста, къ генералу, произнесъ онъ,—и передайте, что здѣсь можно поставить орудія.

Я поскакалъ обратно. Пѣхота уже приближалась къ каналу. Но вмѣстѣ съ ней по узкой дорогѣ между двумя стѣнками двигались такія тучи пыли, что въ трехъ шагахъ солдаты исчезали въ нихъ точно призраки... За пѣхотой въ такой же обстановкѣ ѣхалъ генералъ Веревкинъ со свитой. Онъ былъ неузнаваемъ: загаръ исчезъ, а бѣлоснѣжные усы казались свѣтлорусыми,—все было покрыто желтою пылью...

Выслушавъ мой докладъ, генералъ приказалъ начальнику артиллеріи, полковнику Константиновичу, послать впередъ дивизіонъ конной батареи, а мнѣ—вести этотъ дивизіонъ куда слѣдуетъ. Мы понеслись... Черезъ минуту орудія уже стояли предъ мостомъ на

Палванъ-Атѣ и громили городскую ограду. Но Апшеронцевъ уже не было на прежнемъ мѣстѣ...

Послѣ первыхъ же выстрѣловъ нашихъ орудій подѣхалъ къ мосту и генералъ Веревкинъ. Какъ только мы остановились нѣсколько лѣвѣе дороги, возлѣ большаго дерева, стоявшаго по сю сторону канала, новое непріятельское ядро пролетѣло черезъ наши головы. Но гдѣ стрѣляли Хивинцы, внутри или внѣ крѣпостной ограды, не было видно. Говорили со всѣхъ сторонъ, что пушка, которую успѣли оттащить Хивинцы, стоитъ предъ городскими воротами, прямо противъ насъ, и то же самое подтвердилъ подѣхавшій къ генералу полковникъ Саранчовъ... Въ это время къ мосту подходила голова одной изъ Ширванскихъ ротъ, и я пришелъ въ такое состояніе, точно хивинская пушка ускользала изъ моихъ собственныхъ рукъ... Ужъ именно охота пуще неволи!..

— Ваше превосходительство, позвольте мнѣ взять это орудіе, невольно вырвалось у меня, какъ только я услышалъ слова начальника штаба.

— Возьмите! отвѣтилъ генералъ, указывая на подходившую роту.

Бываютъ чересчуръ сильныя радости, какъ громомъ поражающія человѣка. Въ эту минуту меня охватила именно такая радость, но я увѣренъ, что пойметъ ее только тотъ изъ военныхъ, кто самъ испытывалъ нѣчто подобное... Соскочивъ съ лошади, я бросился къ Ширванцамъ и съ крикомъ *ура!* побѣжалъ впередъ.

Ура! ура!! подхватили бѣлыя рубашки и хлынули за мной...

Судя по подробному плану Хивы съ ближайшими ея окрестностями, который я досталъ еще на Кавказѣ, наша дорога должна была привести прямо къ сѣвернымъ воротамъ города, съ лѣвой стороны расположеннаго предъ воротами большаго зданія медресе Бекъ-Ніяза. Но вотъ, пробѣжавъ въ одно мгновеніе разстояніе около 400 шаговъ, мы очутились предъ этимъ зданіемъ. По лѣвую руку, нѣсколько не доходя до медресе, мимо меня точно мелькнула огромная баррикада, состоявшая изъ нѣсколькихъ сотъ арбъ, наваленныхъ другъ на друга. Она закрывала дорогу къ городскимъ воротамъ, но тогда на бѣгу это мнѣ не пришло въ голову и на баррикаду я не обратилъ никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что размышлять было некогда: пули летѣли на насъ цѣлымъ дождемъ, солдаты валились на землю одинъ за другимъ...

Продолжая бѣжать по свободной дорогѣ, проходившей правѣе медресе, мы очутились на кладбищѣ, гдѣ за каждымъ памятникомъ уже лежали группы Апшеронцевъ. Прямо противъ насъ, шагахъ въ двѣнадцати, возвышалась зубчатая стѣна городской ограды съ двумя полукруглыми башнями по сторонамъ. Воротъ не было. Къ лѣвой башнѣ примыкало зданіе медресе, въ правую почти упиралась глиняная стѣнка. На кладбищѣ между этими тремя стѣнами скучились три наши роты подъ безнаказанными выстрѣлами Хивинцевъ... Солнце обливало ослѣпительными лучами

желтоватую стѣну крѣпостной ограды и только узкія бойницы чернѣли на этомъ нестерпимо яркомъ фонѣ. Едва я остановился, какъ вдругъ изъ одной крайней бойницы мелькнулъ огонекъ, грянулъ выстрѣлъ и рядъ сосѣднихъ бойницъ скрылся въ облакъ бѣлесоваго дыма... Еще выстрѣлъ.

«А!» раздалось за мной въ то же мгновеніе чье-то громкое восклицаніе.

Быстро обернувшись назадъ, я увидѣлъ предъ собой на разстояніи одного шага капитана Бекузарова. Онъ стоялъ съ маленькою сабелькой въ рукѣ противъ самаго входа въ медресе Бекъ-Ніяза. За дверьми, внутри медресе, я увидѣлъ въ ту же минуту дорожнаго Туркмена въ огромной бараньей шапкѣ и въ полосатомъ халатѣ, уже замахнувагося кривою саблей. Еще мигъ, сверкнуло подобно молніи стальное лезвіе... и капитанъ, конечно, палъ бы на мѣстѣ, но, къ счастью, Туркмень со всего размаха хватилъ саблей о притолку двери. Насъ обоихъ обдало мелкою глиной въ то время, когда я почти инстинктивно уже спустилъ курокъ револьвера. Раздался выстрѣлъ, сабля выпала изъ рукъ Туркмена, онъ схватился за лѣвый бокъ и крикнулъ «аманъ!» *).

— Вотъ тебѣ «аманъ!» произнесъ я совершенно безсознательно и, съ грустью признаюсь, выстрѣлилъ вторично.

Теперь мнѣ тяжело и вспоминать это. Но въ то

*) Пощади.

время, опьяняющій запахъ пороха, огоньки непріятельскихъ выстрѣловъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ и кровь своихъ привели меня въ такое остервенѣніе, о которомъ раньше я не имѣлъ и понятія. Туркменъ покачнулся, сдѣлалъ шага два назадъ и грохнулся на полъ. Я вскочилъ за нимъ въ медресе, а за мной капитанъ и десятка два солдатъ. Но въ моментъ, когда я заносилъ ногу на ступеньку предъ его дверьми, я почувствовалъ какъ будто кто стегнулъ меня бичомъ по голой икрѣ правой ноги и точно ударилъ палкой около чашки лѣвой. Въ первую минуту я не сознaвалъ происшедшаго со мною и, остановившись возлѣ трупa Туркмена, невольно прислонился къ стѣнѣ, чтобы только перевести духъ, такъ какъ съ непривычки задыхался отъ сильнаго бѣга.

Медресе Бекъ-Ніяза—квадратное зданіе съ открытымъ дворикомъ въ срединѣ и со множествомъ дверей, ведущихъ съ этого двора въ отдѣльныя комнаты хивинскихъ бурсаковъ. Комнаты теперь были заняты верблюдами въ оригинальной упряжи и прислугой тѣхъ орудій, которыя около моста попали въ руки Апшеронцевъ. Солдаты Бекузарова разсыпались по двору и начали колоть хивинскихъ артиллеристовъ. Вскорѣ изъ разныхъ комнатъ донеслись до меня крики и стоны и я уже собирался уйти отъ этой потрясающей музыки, какъ къ дверямъ медресе подбѣжалъ князь Мелниковъ.

— Чортъ знаетъ куда наши попали! торопливо воскликнулъ князь, въ одинъ прыжокъ очутившись

рядомъ со мной.—Меня прислали съ приказаніемъ отступить отсюда... Что вы здѣсь дѣлаете?

— Право не знаю... Я, кажется, раненъ въ ноги.

— Гдѣ? Покажите.

И онъ нагнулся, чтобы посмотрѣть. Но странно, мнѣ самому даже не пришло въ голову сдѣлать то же самое, хотя я простоялъ почти полминуты до прихода князя и уже чувствовалъ, какъ что-то жидкое расплзается подъ голенищами моихъ сапогъ. Князь отыскалъ на моихъ рейтузахъ три круглыя отверстія: два около праваго колѣна и одно около лѣваго.

— Пойдемте, пойдемте... пока вы въ состояніи ходить, заторопился Меликовъ и направился къ двери.— Я попробовалъ двинуться за нимъ, но остановился на первомъ же шагѣ, боль была страшная и я не могъ становиться на лѣвую ногу. Наконецъ, сильно прихрамывая и опираясь на шашку, я началъ медленно подвигаться, вышелъ изъ медресе и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по дорогѣ. Роты все еще лежали за могилами, но бойницы уже молчали и зловѣщее ихъ безмолвіе нарушали только выстрѣлы нашей батареи у канала, да гранаты, пролетавшія оттуда черезъ наши головы за хивинскую ограду. Но вдругъ всѣ наши поднялись разомъ изъ-за своихъ закрытій и хлынули назадъ къ каналу сплошною толпой, наполнявшею дорогу. Въ то же мгновеніе крѣпостная стѣна и обѣ башни опоясались дымомъ, грянулъ дружный точно по командѣ залпъ изо всѣхъ бойницъ и пули цѣлымъ снопомъ провизжали по дорогѣ.

Нѣсколько солдатъ упали, другіе остановились среди бѣгущихъ. Послышались разныя восклицанія.

«Ой, батюшки!.. оой!!..» какъ-то особенно громко крикнулъ предо мной майоръ Буравцовъ, раненый сразу въ лѣвую руку, въ спину и выше праваго локтя съ раздробленіемъ кости.

Тотъ же залпъ свалилъ съ ногъ раненыхъ болѣе или менѣе сильно майора Аварскаго, князя Аргутинскаго и задѣлъ въ щеку Ширванскаго офицера Ѳедорова.

Хивинцы продолжали безнаказанно посылать въ насъ пулю за пулей, и вокругъ меня все спѣшило поскорѣе выбраться изъ-подъ этихъ выстрѣловъ. Между тѣмъ, силы мои уже истощались; я принужденъ былъ останавливаться послѣ каждаго шага, а до моста еще оставалось около ста шаговъ. Въ это время два Лезгина выбѣжали ко мнѣ на встрѣчу, подняли меня на руки и понесли за ту стѣнку около канала, за которой стояли вначалѣ Апшеронцы *). Здѣсь меня положили на землю предъ докторомъ Мешвеловымъ, который въ одно мгновеніе разодралъ въ клочки мои рейтузы, такъ что отъ нихъ уцѣлѣлъ только поясъ и затѣмъ осмотрѣлъ раны: правая нога была прострѣлена навывлетъ, въ лѣвой около колѣнныхъ суставовъ засѣла пуля.

Черезъ минуту раны были наскоро перевязаны

*) Этимъ двумъ Лезгинамъ я обязанъ сохраненіемъ жизни. Не будь ихъ помощи, я бы свалился и тогда, неминуемо, подвергся бы участи остальныхъ неподобранныхъ раненыхъ, которые оказались на другой день съ отрубленными головами и съ распоротыми животами...

клочками моего же окровавленного бѣлья, я перенесенъ за мостъ и положенъ въ ожиданіи носилокъ за то дерево, около котораго стоялъ генераль Веревкинъ, когда мы бросились за третьимъ орудіемъ. Нѣсколько правѣ меня на берегу канала стояла батарея нашихъ орудій и, подъ руководствомъ самого начальника артиллеріи, посылала въ городъ снарядъ за снарядомъ. Другихъ войскъ я не видѣлъ. Генерала уже не было, онъ отбѣжалъ назадъ, будучи раненъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я лежалъ теперь подъ защитой дерева; шальная хивинская пуля попала старику прямо въ лобъ, но къ счастью, не пробивъ черепа, застѣла подъ кожей и была вскорѣ вырѣзана. У этого же дерева былъ раненъ саперный подпоручикъ Саранчовъ, братъ начальника штаба.

Не пролежалъ я и минуты подъ этимъ несчастливомъ деревомъ, какъ пули завизжали снова... Откуда-то взялся въ это время и подбѣжалъ ко мнѣ Имеретинъ, человекъ подполковника Гродекова.

— Ахъ, ваши благодороди!.. бѣдни ваши благодороди!.. началъ онъ, разводя руками отъ удивленія или соболенія.

— Отойди отсюда, прервалъ я,—тебя могутъ...

— Ай! крикнулъ Имеретинъ на половинѣ моей фразы, быстро поднося ко рту прострѣленный палецъ лѣвой руки.

— Ты ра...

— Ай! вторично и какъ-то глухо прервалъ онъ мою фразу, хватаясь обѣими руками за правый бокъ.

Поблѣднѣвъ въ одно мгновеніе какъ полотно, Имеретинъ свернулся на бокъ и повалился какъ снопъ... Вторая пуля угодила несчастному подъ самыя ребра.

Вслѣдъ за этимъ ко мнѣ подошелъ полковникъ Константиновичъ и, узнавъ, что я валяюсь въ ожиданіи носилокъ, которыхъ, кстати, и не имѣлось при Кавказскомъ отрядѣ,—былъ такъ любезенъ, что отправился распорядиться этимъ лично. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ явился молодой офицеръ одного изъ Оренбургскихъ баталіоновъ и съ нимъ восемь человѣкъ солдатъ съ носилками. Подняли и понесли меня... но куда? Гдѣ перевязочный пунктъ, гдѣ даже отряды? Никто изъ насъ не зналъ и не у кого было спросить...

Пока солдаты, чередуясь между собой и отыскивая пристанище, наугадъ несли меня назадъ черезъ разные поля и сады, натываясь на каждомъ шагѣ на арыки и стѣнки, мысли мои перелетѣли однимъ взмахомъ черезъ степи и море, къ родному уголку за снѣжными вершинами далекаго края. Предо мной въ живыхъ картинахъ пронеслись и беззаботное дѣтство, и лучшіе годы юности; вокругъ меня тѣснились живые образы близкихъ сердцу людей; надо мной какъ-то особенно привѣтливо встала свѣтлая лазурь родного неба; мнѣ слышались и вечернее журчаніе знакомаго ручья, и шумъ отдаленнаго водопада; я замиралъ, прислушиваясь къ нимъ, всматриваясь въ дорогія лица... Но вотъ все это точно задерживается туманною пеленой, мракомъ, начинаетъ ускользать отъ меня какъ при-

зракъ, какъ дорогое видѣніе... и мнѣ стало невыразимо грустно!..

Съ нынѣшнимъ днемъ, думалъ я, должны были окончиться, хотя на время, всѣ невзгоды и лишенія тяжелаго похода. Казалось, насъ уже ждетъ своеобразная, заманчивая Хива, къ которой два мѣсяца подрядъ и днемъ, и ночью стремились наши мысли... Неужели меня здѣсь ждали только пули и нынѣшній день будетъ только началомъ неизвѣданныхъ еще и, быть можетъ, безконечныхъ мукъ!.. Да еще муки ли только ждутъ меня? Увижу ли я все то, съ чѣмъ не легко было разстаться и на время, или долженъ сказать безвозвратно прости и сраженной молодости, и излюбленнымъ мечтамъ, и надеждамъ многихъ лѣтъ?.. Неужели такъ скоро... вѣдь я не жилъ еще! И двѣ слезы готовы были скатиться съ моихъ рѣсницъ, но я поспѣшилъ оправиться, такъ какъ мы подходили въ это время къ конно-иррегулярцамъ, стоявшимъ на небольшой прогалинѣ между садами. Солдаты остановились здѣсь на минуту и я былъ окруженъ Лезгинами, которые наперерывъ другъ предъ другомъ спѣшили принести мнѣ свои *поздравленія*, даже не спрашивая какъ я раненъ, точно дѣло было не въ этомъ. Таковъ, оказывается, военный обычай этого племени...

По указанію Лезгинъ, солдаты отыскиали вскорѣ превосходный садъ, гдѣ и помѣстили генерала Веревкина. Этотъ же садъ былъ назначенъ перевязочнымъ пунктомъ, и вотъ, наконецъ, принесли меня сюда и положили возлѣ широкаго пруда, подъ тѣнью раски-

дистыхъ карагачей. Ко мнѣ бросаются доктора, снимають съ ногъ окровавленное тряпье, одинъ за другимъ зондируютъ раны и хозяйничаютъ въ моемъ тѣлѣ, и наконецъ, перевязываютъ какъ слѣдуетъ и оставляють меня въ покоѣ, придя къ тому убѣжденію, что извлечь пулю невозможно, такъ какъ она застряла въ опасномъ мѣстѣ между колѣнными суставами, на глубинѣ почти двухъ вершковъ... Утѣшительно!.. Не правда ли?..

Между тѣмъ около меня уже раздаются стоны и крики,—число раненыхъ быстро растетъ вокругъ пруда: однихъ приводятъ, другихъ приносятъ, а наиболѣе счастливые подходятъ сами и, усаживаясь гдѣ-нибудь въ тѣни, молча и сосредоточенно ждутъ своей очереди стать подъ немилосердные скальпели и зонды...

Нѣкоторые изъ раненыхъ страдали ужасно. Между прочими особенно врѣзался въ моей памяти одинъ несчастный, котораго поддерживали два солдата. Его бѣлая рубашка была окрашена кровью противъ самой груди; онъ не могъ ни сидѣть, ни лежать, стоналъ какъ-то отрывисто и глухо, и такъ его ломали корчи, что я не могъ смотрѣть и отвернулъ свою голову... Иногда казались даже странными ужасныя страданія нѣкоторыхъ, при относительно весьма незначительныхъ ранахъ. Но дѣло вскорѣ разъяснилось...

— Посмотрите, господа, чѣмъ стрѣляютъ эти каналы! произнесъ одинъ изъ врачей, только-что вынувшій пулю,—вѣдь это хуже всякихъ разрывныхъ пуль!..

Офицеры, стоявшіе около меня, обернулись, чтобы

посмотрѣть на хивинское изобрѣтеніе, и вскорѣ одинъ изъ нихъ принесъ показать и мнѣ оригинальную, ужъ нѣсколько сплюснутую, пулю, состоявшую изъ толченаго стекла, обернутаго въ свинцовую оболочку... Впослѣдствіи я слышалъ отъ самихъ Хивинцевъ, что подобныя пули въ большомъ ходу у всѣхъ Туркменъ.

Послѣ пуль общее вниманіе было привлечено толпой хивинскихъ стариковъ, человѣкъ въ десять, чинно проходившихъ мимо перевязочнаго пункта въ огромныхъ бѣлыхъ тюрбанахъ и въ цвѣтныхъ халатахъ. Это была депутація города Хивы, пробиравшаяся къ генералу Веревкину для передачи ему просьбы о прекращеніи нашей канонады, производящей въ городѣ страшныя опустошенія...

По словамъ этой депутаціи, вслѣдъ за первыми извѣстіями о намѣреніи Русскихъ предпринять настоящую экспедицію, вліятельные люди Хивы раздѣлились на двѣ политическія партіи, изъ коихъ одна проповѣдывала сопротивленіе во что бы то ни стало, а другая—безусловное исполненіе всѣхъ требованій Россіи. Во главѣ первой партіи сталъ главный сановникъ ханства Матъ-Мурадъ, диванъ-беги, сынъ раба-Персіянина, а второю руководилъ 20-тилѣтній юноша, родной братъ хивинскаго хана, Сеидъ-Ахметъ или Атаджанъ-тюря. Нужно замѣтить, что, какъ бывшій воспитатель хана и какъ человѣкъ рѣшительный и энергическій, Матъ-Мурадъ имѣлъ на него огромное вліяніе, и благодаря этому почти неограниченно управлялъ всѣмъ ханствомъ.

При такихъ условіяхъ борьба партій была немыслима. Матъ-Мурадъ не только навязалъ хану свою политику, но еще сумѣлъ увѣрить, что его братъ подкупленъ Русскими и добивается престола во что бы то ни стало... Немилость встревоженнаго деспота, конечно, не замедлила обрушиться на голову Атаджана: мѣсяцевъ за восемь до нашего появленія подъ Хивой онъ попалъ подъ строгое заключеніе, въ которомъ томился въ ежедневномъ ожиданіи своей казни вплоть до 28 мая, когда неожиданное обстоятельство измѣнило судьбу несчастнаго хивинскаго принца...

28 мая, какъ я уже рассказывалъ, Мадраимъ-ханъ рѣшился лично попытать счастья и встрѣтилъ насъ во главѣ своихъ войскъ въ двухъ верстахъ отъ города Хивы. Въ то время, когда ханъ былъ еще за стѣнами, въ городѣ уже распространилось извѣстіе о томъ, что войска его разбиты и обращены въ бѣгство, а онъ самъ едва спасся отъ плѣна послѣ убитой подъ нимъ лошади... Въ Хивѣ тотчасъ же вспыхнуло возмущеніе: огромная партія недовольныхъ жестокимъ и корыстолюбивымъ управленіемъ Матъ-Мурада немедленно освободила молодаго Атаджана и провозгласила его ханомъ... Вскорѣ послѣ этого къ городскимъ воротамъ подъѣхалъ и отступавшій предъ нами низверженный владѣтель Хивы, но его не впустили въ городъ. Говорятъ, что ханъ совершенно растерялся при извѣстіи о переворотѣ, совершенномъ въ его отсутствіи. Матъ-Мурадъ, напротивъ, точно ждалъ его, спокойно предложилъ бѣжать немедленно къ Іомутамъ, «такъ какъ

размышлять нѣкогда, Русскіе могутъ настигнуть каждую секунду»...

Такъ и сдѣлали: Мадраимъ-ханъ и его руководитель, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ преданныхъ имъ всадниковъ, обскакали городскую ограду и удалялись отъ ея южныхъ воротъ въ то самое время, когда предъ сѣверными уже показались бѣлыя рубашки...

— Итакъ, партія мира восторжествовала въ Хивѣ и Атаджанъ немедленно откроетъ городскія ворота, какъ только будутъ изгнаны Юмуты, которые только и продолжаютъ сопротивляться, говорила депутація, присоединяя къ этому просьбы населенія о прекращеніи канонады.

— Наши пушки не замолчатъ до тѣхъ поръ, коротко отвѣтилъ генералъ,—пока ворота Хивы не будутъ отворены. Поспѣшите сдѣлать это, если хотите спасти свой городъ. Иначе завтра я разнесу его!..

Съ этимъ отвѣтомъ депутація повернула назадъ и медленно потянулась снова мимо перевязочнаго пункта...

Солнце уже приближалось къ горизонту... У Палванъ-аты все еще гремѣли по временамъ наши орудія... Только небольшая часть пѣхоты, подъ начальствомъ Скобелева, оставалась еще у канала и, прикрывая артиллерію, устраивала ей въ то же время земляную батарею; остальные войска соединенныхъ отрядовъ были уже отведены нѣсколько назадъ и расположены двумя группами, въ двухъ большихъ садахъ, недалеко другъ отъ друга...

Наконецъ, и я перенесенъ съ перевязочнаго пункта въ Кавказскій лагерь, гдѣ уже ожидали меня джеломейка, разбитая подъ тѣнью деревьевъ, чистая постель и чай,—все, о чемъ только можно было мечтать здѣсь въ моемъ новомъ положеніи... Знакомые офицеры обоихъ отрядовъ наполнили вскорѣ мое жилище, и я съ удовольствіемъ вспоминаю то дружеское участіе, которое они выражали мнѣ одинъ предъ другимъ. Въ особенности я никогда не забуду братьевъ Бекузаровыхъ, ухаживавшихъ за мной такъ, какъ это дѣлаютъ только самые близкіе люди...

Разговоръ собравшихся у меня вращался, конечно, вокругъ событій все еще переживаемаго дня.

— Сегодня, надо отдать справедливость, говорилъ одинъ,—мы «сунулись въ воду, не спросясь броду», и поэтому глупѣйшимъ образомъ попали въ хивинскую ловушку... Помилуйте! лѣзть на незнакомую крѣпость, какъ кто хотѣлъ, безъ общаго плана атаки, безо всякой рекогносцировки, не имѣя лѣстницъ, не удостовѣрившись есть ли ворота, гдѣ они и въ какомъ состояніи, — на что это похоже!.. Положимъ, мы въ Средней Азіи и имѣемъ предъ собой противника, съ которымъ очень часто можно шутить, но Хива же все-таки не Мангитъ и не Ходжали, а мы и къ нимъ подходили съ бѣлымъ военнымъ смысломъ, чѣмъ сегодня... Досаднѣе всего, что не подумали о лѣстницахъ! По крайней мѣрѣ, разъ уже сунулись, полѣзли бы на стѣну и сегодня же блистательно покончили бы съ Хивой...

— Совершенно вѣрно, подтвердилъ другой, — и къ сожалѣнію, въ военномъ дѣлѣ всякая ошибка непременно влечетъ за собой и другую: еслибы храбрые Апшеронцы, попавшіе на кладбище и подъ перекрестный огонь въ упоръ, догадались отойти назадъ послѣ перваго же безнаказаннаго залпа съ крѣпостной ограды, ошибка дня обошлась бы не такъ дорого... А то они прождали за могилами ровно столько времени, сколько нужно Хивинцамъ для того, чтобы вновь зарядить свои допотопныя ружья... Одна эта ошибка стоила сегодня нѣсколькихъ офицеровъ и болѣе двадцати нижнихъ чиновъ...

Разсужденія въ такомъ родѣ длились у меня до поздняго вечера, пока одинъ изъ вошедшихъ не далъ новое направленіе разговору, сообщивъ, что получено письмо отъ генерала Кауфмана, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что находится вмѣстѣ съ Туркменскимъ отрядомъ у Янги-арыка, въ семнадцати верстахъ отъ Хивы, и соединится съ ними завтра, то-есть 29 мая...

Было за полночь. Огни погасли и глубокая тишина давно уже царила въ Кавказскомъ лагерѣ. Бодрствовали среди этого всенаполняющаго безмолвія ночи только на батарее у Палванъ-аты, откуда доносился по временамъ гулъ орудіянаго выстрѣла, вслѣдъ за которымъ огненная полоска, точно вылетая изъ-за садовой ограды, направлялась къ Хивѣ и разсѣкала на мгновенье темное небо... Опять тишина на нѣсколько минутъ... новый гулъ и новый огненный слѣдъ на темномъ фонѣ беззвѣздной ночи... Бодрствовалъ и я, при-

кованный къ постели, и среди окружающей тишины безучастно прислушивался къ гулу, безучастно взиравъ на зрѣлище ночнаго полета снарядовъ, чувствуя и лихорадочную слабость, и боль, и утомленіе, но напрасно стараясь заснуть, пока, измученный, я не принялъ предъ разсвѣтомъ почти опасную дозу морфія...

XXVI.

Прибытіе туркестанцевъ, встрѣча генерала фонъ-Кауфмана и его условія. — Последнія дѣйствія генерала Верекина. — Свита главнаго начальника экспедиціи и его торжественное вступленіе въ Хиву. — Обращеніе къ войскамъ и къ депутаціи. — Телеграмма Государю. — Достопримѣчательности Хивы.

Нужно ли говорить, что, на долго прикованный къ постели, я не только не могъ быть непосредственнымъ свидѣтелемъ дальнѣйшихъ эпизодовъ нашей экспедиціи, но пролежавъ съ лишнимъ два мѣсяца въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ ограды Хивы, мнѣ даже не пришлось быть въ этомъ городѣ и лично познакомиться съ его достопримѣчательностями. Тѣмъ не менѣе, полагаю не лишнимъ хоть бѣгло коснуться происходившаго въ городѣ и въ оазисѣ за время моего тоскливаго лежанія...

28 мая, когда кавказцы и оренбуржцы бились подъ стѣнами Хивы, главный начальникъ экспедиціи, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, вмѣстѣ съ турке-

станскими войсками, прибылъ къ селенію Янги-арыкъ и, расположившись здѣсь, въ 20 верстахъ отъ столицы ханства, просилъ запиской генерала Веревкина соединиться съ нимъ на слѣдующій день, около 8 часовъ утра, на берегу канала Палванъ-ата, верстахъ въ шести отъ города.

Веревкинъ не могъ исполнить это требованіе: онъ и самъ былъ раненъ, да и перевозка другихъ раненыхъ представила бы большія затрудненія. Поэтому на встрѣчу туркестанцамъ онъ отправилъ на другой день рано утромъ изъ обоихъ отрядовъ 2 роты, 4 сотни и 2 конныхъ орудія съ полковниками Ломакинымъ и Саранчовымъ. Колонна эта соединилась съ туркестанскимъ отрядомъ около моста Сари-кепри, верстахъ въ двухъ отъ города.

Еще ранѣе и нѣсколько дальше отъ города, Кауфманъ былъ встрѣченъ депутаціею Хивинцевъ, съ которою явились также вновь избранный ханъ Атаджанъ-тюря и его престарѣлый дядя, Сеидъ-Омаръ. Послѣдній обнажилъ голову передъ генераломъ и съ большимъ волненіемъ въ голосъ произнесъ нѣсколько привѣтственныхъ фразъ, на которыя Кауфманъ отвѣтилъ требованіемъ безусловной покорности.

— Только въ немъ, добавилъ генераль, — вы можете обрѣсти спасеніе города, населенія и имущества. Извольте поэтому немедленно раскрыть Хазаръ-аспскія ворота, черезъ которыя я желаю вступить въ городъ, свезти къ нимъ всѣ ваши орудія и очистить путь къ дворцу хана. Даю два часа времени на это.

Люди Атаджана поскакали въ городъ, чтобы исполнить эти требованія, а наступающіе войска, остановившись въ виду города, ожидали истеченія назначеннаго срока, какъ вдругъ со стороны лагеря Кавказцевъ послышалась цѣлая канонада. Наши орудія пробивали въ это время брешь въ оградѣ, черезъ которую около 11 часовъ утра и ворвалась въ городъ часть Кавказцевъ со Скобелевымъ.

Полагая, что быть можетъ канонада вызвана враждебными дѣйствіями неугомонныхъ Туркменъ, Кауфманъ послалъ узнать объ этомъ въ городъ и въ оренбургскій лагерь и получилъ отъ Веревкина такое разъясненіе:

«Въ Хивѣ двѣ партіи: мирная и враждебная. Послѣдняя ни чьей власти не признаетъ и дѣлала въ городъ всякія безчинства. Чтобы разогнать ее и имѣть хотя какую-нибудь гарантію противъ вѣроломства жителей, я приказалъ овладѣть съ боя одними изъ городскихъ воротъ (Шахъ-абадскими), что и исполнено. Войска, взявшія ворота, заняли оборонительную позицію около нихъ, гдѣ и будутъ ожидать приказанія в-пр-ства».

Мотивированное такимъ образомъ занятіе Шахъ-абадскихъ воротъ, у насъ объясняютъ желаніемъ Веревкина закрѣпить этимъ фактомъ, что честь занятія столицы ханства, какъ и покореніе всей населенной ея территории на 275-верстномъ протяженіи отъ устья Аму-Дарьи, принадлежитъ ввѣреннымъ ему отрядамъ, Кавказскому и Оренбургскому, а не Туркестанскому,

что было совершенно вѣрно. Многіе однако сомнѣвались въ необходимости такого дѣйствія.

Но какъ бы то ни было, получивъ записку Вревкина и извѣщеніе изъ города, что тамъ уже исполнены всѣ требованія относительно воротъ и орудій, генераль Кауфманъ вступилъ въ Хиву весьма торжественно. Колонна, предназначенная для этого, состояла изъ частей всѣхъ трехъ отрядовъ *) и двинулась съ музыкой Апшеронцевъ и съ развернутыми знаменами. Въ огромной свитѣ генерала, простиравшейся до 300 всадниковъ, слѣдовали Великій Князь Николай Константиновичъ, герцогъ Лейхтенбергскій Евгений Максимиліановичъ, генералы Головачевъ, Троцкій, Пистолькорсъ и Бордовскій, посланникъ при Японскомъ дворѣ Струве, медицинскій инспекторъ Суворовъ, американскій корреспондентъ Макъ-Гаханъ, уполномоченные «Краснаго Креста», множество адъютантовъ и чиновниковъ, офицеры всѣхъ родовъ оружія, представители Бухарскаго эмира и Коканскаго хана съ своими свитами, депутація Хивы съ молодымъ Атаджаномъ во главѣ и наконецъ казаки конвойной сотни и масса всякихъ переводчиковъ и джигитовъ въ своихъ разнохарактерныхъ, яркихъ костюмахъ. Въ сопровожденіи этой блестящей массы всадниковъ, въ которой развѣвались цвѣтныя значки разныхъ отрядныхъ и другихъ начальниковъ, генераль Кауфманъ вступилъ въ Хазаръ-аспскія ворота, у которыхъ уже были выставлены всѣ

*) 9 ротъ, 7 сотенъ и 8 орудій.

снятыя со стѣнъ орудія и гдѣ ожидали его старикъ Сеидъ-Омаръ съ обнаженной головой и за нимъ громадная толпа горожанъ, сельскаго люда, пригнаннаго сюда для обороны города и плѣнныхъ персовъ. Все это и особенно персы, видѣвшіе въ солдатахъ своихъ избавителей отъ тяжелой неволи, громко привѣтствовали войска...

Торжественное шествіе продолжалось затѣмъ черезъ городъ къ цитадели, по единственной, наскоро расчищенной улицѣ, по сторонамъ которой всѣ переулки и площади все еще были забарикадированы тысячами аробъ, нагруженныхъ разнымъ скарбомъ; на нихъ же ютились массы женщинъ и дѣтей,—семьи сельчанъ, пригнанныхъ со всѣхъ окрестностей для обороны столицы.

Вступивъ въ цитадель, войска остановились на площади передъ дворцомъ хана. Здѣсь генераль Кауфманъ объѣхалъ ихъ и, остановившись затѣмъ въ срединѣ карре, произнесъ громко и внятно:

— Братцы! Презирая неимоверныя трудности съ героическимъ самоотверженіемъ, вы блистательно исполнили волю нашего возлюбленнаго Царя-Батюшки. Цѣль наша достигнута: мы—въ стѣнахъ Хивы. Поздравляю васъ съ этимъ молодецкимъ подвигомъ, съ побѣдой, и именемъ Государя Императора благодарю за ваши труды и славную службу дорогому отечеству!

Отвѣтомъ на это было, говорятъ, столь оглушительное «ура!» что толпы Хивинцевъ, тѣснившіяся за войсками и не ожидавшія такого взрыва, въ первую минуту шарахнулись въ стороны...

Послѣ этого Кауфманъ вошелъ во дворецъ, который уже занимала одна изъ нашихъ ротъ и гдѣ его ожидали депутаціи отъ города и окрестнаго населенія, и, поднявшись на одну изъ его галлерей,—гдѣ стояло какое-то подобіе трона, сидя на которомъ ханъ чинилъ обыкновенно свой судъ,—обратился къ присутствующимъ туземцамъ съ такими словами:

— Вѣдайте сами и передайте всѣмъ, что теперь вражда наша кончена и что отнынѣ вы встрѣтите въ насъ только своихъ покровителей. Пусть народъ пребываетъ въ полномъ спокойствіи и обратится къ своимъ мирнымъ занятіямъ: войска великаго Акъ-Падишаха *) не только сами не обидятъ никого, но и никому не дадутъ ихъ въ обиду, пока мы находимся въ предѣлахъ ханства. За это я вамъ ручаюсь. Но помните и передайте также и то, что не будетъ никакой пощады тѣмъ, которые въ точности не исполняютъ моихъ приказаній и послѣдуютъ наущеніямъ людей безразсудныхъ и зловредныхъ. Ваше благополучіе, слѣдовательно, будетъ зависѣть отъ вашего благоразумія и покорности.

Войска послѣ этого остались въ цитадели, а Кауфманъ выѣхалъ изъ города въ сопровожденіи своей конвойной сотни и посѣтилъ лагеря Кавказцевъ и Оренбуржцевъ, гдѣ также поздравлялъ и благодарилъ всѣ части. Послѣ этого онъ навѣстилъ генерала Веревкина, а затѣмъ и насъ, раненыхъ офицеровъ. Въ моей ки-

*) Бѣлаго Царя.

биткѣ онъ провелъ съ четверть часа, усѣвшись на единственный складной табуретъ и весьма любезно разспрашивалъ о состояніи моихъ ранъ и о дѣлѣ, въ которомъ они были получены. Второму посѣтителю, вошедшему въ мое жилище вмѣстѣ съ генераломъ, сѣсть было не на что и онъ прослушалъ мой рассказъ стоя. Между тѣмъ оказалось, что это былъ Великій Князь Николай Константиновичъ, котораго походный загаръ измѣнилъ въ такой степени, что я не узналъ его и принялъ, по погонамъ, за капитана генеральнаго штаба изъ обыкновенныхъ смертныхъ. Его Высочество, какъ и герцогъ Лейхтенбергскій, посѣщали насъ, раненыхъ, и въ послѣдствіи.

Въ тотъ же день вечеромъ генераль Кауфманъ отправилъ съ двумя джигитами въ Ташкентъ, для передачи въ Петербургъ, телеграмму такого содержанія:

«Войска Оренбургскаго, Кавказскаго и Туркестанскаго отрядовъ, мужественно и честно одолѣвъ неимовѣрныя трудности, поставляемыя природою на тысячеверстныхъ пространствахъ, которыя каждому изъ нихъ пришлось совершить, храбро и молодецки отразили всѣ попытки непріятеля заградить имъ путь къ цѣли движенія, къ городу Хивѣ, и разбивъ на всѣхъ пунктахъ туркменскія и хивинскія скопища, торжественно вошли и заняли 29 сего мая павшую предъ ними столицу ханства. 30 мая, въ годовщину рожденія императора Петра I, въ войскахъ отслужено молебствіе за здравіе Вашего Императорскаго Величества и панихида за упокой Петра I и подвижниковъ, убіен-

ныхъ въ войнѣ съ Хивою. Ханъ Хивинскій, не выждавъ отвѣта отъ меня на предложеніе его полной покорности и сдачи себя и ханства, увлеченный воинственною партіею, бѣжалъ изъ города и скрывается нынѣ въ средѣ юмудовъ, неизвѣстно въ какой именно мѣстности. Войска Вашего Императорскаго Величества бодры, веселы, здоровы».

Такъ завершился день паденія Хивы. Чувствую, что здѣсь было бы уместно болѣе или менѣе обстоятельное описаніе своеобразныхъ достопримѣчательностей этого издревле невольничьяго рынка Средней Азіи. Но, какъ я уже говорилъ, мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось видѣть Хиву и могу поэтому подѣлиться только тѣми скудными свѣдѣніями о ней, которыя я собиралъ лежа на носилкахъ...

Столица древняго Ховаразма не такой въ сущности значительный и многолюдный городъ, какъ это можно было думать, судя по протяженію его внѣшней ограды. Она простирается до семи верстъ, имѣетъ грушевидное очертаніе и по своей профили довольно внушительна, если хотите, но только для противника, не имѣющаго артиллеріи. Она представляетъ глинобитную, чрезвычайно массивную зубчатую стѣну, имѣющую 5 сажень высоты, прорѣзанную густо расположенными бойницами и черезъ каждыя 20 сажень полукруглыми башнями. Вдоль всей ограды тянется ровъ, которымъ большею частью служатъ весьма значительные ирригаціонные каналы. Воротъ одиннадцать и по сторонамъ каждаго изъ нихъ — двѣ высокія башни. Но

внутреннее пространство, охваченное этой оградой и представляющее гладкую равнину, только на половину занято постройками 25 тысячнаго населенія города; остальное — обширные пустыри среди нѣсколькихъ большихъ садовъ и кладбищъ. Въ центрѣ города, по восточному обыкновенію, расположенъ такъ называемый *аркъ* или цитадель. Онъ представляетъ правильный четырехугольникъ въ 200 и 300 сажень по сторонамъ, тѣсно застроенный и обнесенный оградой еще болѣе высокой, чѣмъ внѣшняя, но съ такой же массой башенъ, между которыми особенно выдѣляются своими размѣрами четыре угловыя. Въ аркѣ расположенъ ханскій дворецъ, — обширное кирпичное зданіе съ нѣсколькими дворами, въ архитектурномъ отношеніи не представляющее ничего особеннаго. То же самое можно сказать о мечетяхъ и медресе, разбросанныхъ въ городѣ и въ цитадели, объ обширномъ караванъ-сараѣ изъ жженого кирпича и о крытомъ базарѣ. Затѣмъ, всѣ остальные постройки города и сго *арка* представляютъ въ общемъ невообразимый лабиринтъ глинобитныхъ сакель, обращенныхъ внутрь своими фасадами и тѣсно скученныхъ по сторонамъ кривыхъ и узкихъ улицъ. По городу проходитъ и развѣтвляется въ немъ многоводный каналъ Палванъ-ата. Вообще, воды и зелени масса какъ въ самой Хивѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ «*Ховафрезмъ — цвѣтущая столица отъ вѣка*», какъ гласитъ надпись на одной изъ хивинскихъ пушекъ, отбитыхъ Кавказцами 28 мая.

XXVII.

Размѣщеніе отрядовъ и первые дни подъ Хивою. — Возвращеніе хана, уничтоженіе рабства и судьба освобожденныхъ. — Двѣ тревоги. — Юмутскій походъ и дѣло близъ Чандыра. — Служи, толки, военный совѣтъ и движеніе всѣхъ отрядовъ къ Юмутамъ.

Черезъ день послѣ занятія Хивы послѣдоваль приказъ о новомъ размѣщеніи всѣхъ отрядовъ. Кауфманъ съ своимъ штабомъ и съ Туркестанцами расположился въ двухъ верстахъ отъ города, Оренбуржцы — на разстояніи одной версты, а Кавказцы — возлѣ самаго города, противъ Шахъ-абадскихъ воротъ. Наша пѣхота и артиллерія размѣстились здѣсь, въ обширномъ саду дяди хана, старика Сеидъ-Омара, куда перенесли и насъ, раненыхъ, а кавалерія заняла ближайшія сакли, брошенные жителями.

Первые дни нашего пребыванія подъ Хивой были днями всеобщаго оживленія и радости.

Недавніе еще труды и лишенія какъ-то сразу и безслѣдно отошли у всѣхъ въ область точно далекаго прошлаго, и бодрость, здоровье и беззаботное довольство собой, казалось, брызжетъ изъ каждой пары тѣхъ

самыхъ глазъ, въ которыхъ еще вчера можно было прочесть и физическое и нравственное утомленіе. Люди словно переродились и выросли въ собственномъ мнѣніи. И понятно: всякій сознавалъ, что участвовалъ въ тяжеломъ, но блистательномъ походѣ; что преодолѣлъ пустыню, являющуюся наиболѣе грозною изъ всѣхъ преградъ встрѣчаемыхъ войсками; что представлялъ собою единицу въ той, въ сущности, горсти людей, на долю которой выпала честь оказать нѣкоторую услугу Россіи, сломивъ сопротивленіе и приведя къ покорности врага многочисленнаго и гордаго недоступностью своего притона; наконецъ, всякій видѣлъ въ перспективѣ награды совершенно не обычные: было уже приказано представить офицеровъ къ двумъ наградамъ, а участниковъ такъ называемаго Туркменскаго похода, о которомъ рѣчь впереди, — еще и къ третьей.

Настроеніе, словомъ, было самое радужное и дни большинства проходили въ посѣщеніи сосѣднихъ лагерей, или въ поѣздкахъ въ Хиву, гдѣ покупали, на память о походѣ, мѣстные ковры, оружіе, посуду и разныя бездѣлушки. Хивинцы съ этимъ же оригинальнымъ товаромъ на первыхъ порахъ просто наводняли нашъ лагерь, и, къ чести ихъ будь сказано, оказывались торговцами весьма добросовѣстными. По вечерамъ гремѣли музыка и пѣсни, устраивались пикники съ туземнымъ оркестромъ и съ плясками такъ называемыхъ бачей и т. д. Но все это продолжалось недолго. Съ приближеніемъ середины лѣта немилосердное солн-

це давало себя чувствовать все болѣе и болѣе. Цѣлыя тучи мошекъ надъ арыками и нестерпимый жаръ днемъ и ночью приковали офицеровъ къ ихъ немудрымъ жилищамъ и вскорѣ бивачная жизнь вступила въ колею довольно тоскливую...

Въ первыхъ числахъ іюня въ Хиву возвратился ся законный повелитель, бѣжавшій 28 мая къ Туркменамъ, Сеидъ-Мухаммедъ-Рахимъ или, какъ народъ его называетъ, Мадраимъ-ханъ. Онъ явился къ генералу Кауфману съ повинною и былъ утвержденъ имъ въ достоинствѣ хана. На другой день онъ присутствовалъ на парадѣ всѣхъ отрядовъ.

— Какъ вамъ нравятся наши войска? обратился къ нему генералъ.

— Они напоминаютъ мнѣ камень, отвѣчалъ ханъ, — тогда какъ мое войско представляетъ собою только хрупкое стекло...

Для управленія страню до возвращенія нашихъ отрядовъ, при ханѣ учрежденъ совѣтъ изъ трехъ русскихъ штабъ-офицеровъ, и ему объявлено, что вступая во власть, онъ прежде всего долженъ провозгласить объ уничтоженіи навсегда рабства въ его предѣлахъ, что и было исполнено...

Говорятъ, что число рабовъ или плѣнныхъ Персовъ, разновременно проданныхъ сюда Туркменами, простиралось въ оазисѣ до 40 тысячъ. Цифра эта, быть можетъ, и преувеличена; но ихъ, во всякомъ случаѣ, должно было быть не менѣе 20 или 25 тысячъ, такъ какъ въ одномъ только 1861 году персидскій отрядъ

принца Султанъ-Мурада, при его движеніи на Мервѣ, оставилъ въ рукахъ мѣстныхъ текинцевъ не менѣе 20 тысячъ своихъ воиновъ, и главная ихъ масса была продана въ Хиву. Какъ бы то ни было, но вслѣдъ за объявленіемъ свободы, Персы начали соединяться въ большія партіи для совмѣстнаго возвращенія на родину. Двѣ такія партіи, въ 700—800 душъ каждая, уже двинулись изъ оазиса и вступили въ пустыню, гдѣ, какъ говорятъ, были поголовно вырѣзаны бѣжавшими изъ Хивы Туркменами... Въ виду такихъ слуховъ, несчастные Персы уже не спѣшатъ на родину, а сосредоточиваются возлѣ нашего отряда,—гдѣ число ихъ уже простирается почти до полуторы тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей,—чтобы слѣдовать до берега Каспія при обратномъ движеніи Кавказцевъ...

Сосѣдство этого персидскаго табора иногда разнообразило монотонную жизнь нашего отряда самымъ неожиданнымъ образомъ. Такъ, однажды, въ тихую ночь, спустя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ погасли бивачные огни и все вокругъ уже погрузилось въ глубокій сонъ, вдругъ изъ-за садовой ограды слышались страшные крики... гдѣ-то грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой... задрезжалъ сигнальный рожокъ, за которымъ вскорѣ залились и другіе въ разныхъ концахъ сада... Тревога!

«Что за дьяволъ... неужели нападеніе!» — подумалъ я, разбуженный этимъ шумомъ, торопливо зажигая свѣчу и выхватывая револьверъ изъ-подъ подушки.

Между тѣмъ всполошился весь лагерь. «Вставать живѣ!.. Бѣги къ орудіямъ!.. Девятая рота!» несутся отрывочные крики съ одного конца сада; «въ ружье!.. что такое?! Сѣдай скорѣе, скотина!..» раздается на другомъ. Шумъ и бѣготня усиливаются, и черезъ нѣсколько минутъ между деревьями уже начали выростать и обрисовываться при лунномъ свѣтѣ бѣлыя стѣны выстраивавшихся ротъ.

Шумъ затихъ, наступило грозное, какъ передъ бурей, молчаніе, и, чтобы оно разразилось вокругъ цѣлымъ адомъ кромѣшнымъ, не доставало только одного магическаго слова «пли!» Вотъ, вотъ, казалось, оно раздастся, и въ этомъ ожиданіи я уже чувствовалъ всю непріятность своего одиночества, такъ какъ сосѣди мои, штабные, уже побѣжали къ ротамъ. Въ это время, точно угадавъ мои мысли, ко мнѣ въ кибитку влетѣлъ блѣдный и взволнованный нашъ докторъ.

— Вы слышали... тревога, произнесъ онъ почти растерянно.

— Какъ не слышать... Скажите, что такое?

— Не знаю... вѣроятно, Туркмены... Уже нѣсколько дней носились слухи объ ихъ намѣреніи напасть...

Тревога, какъ вскорѣ выяснилось, была принята и сосѣдними отрядами, но оказалась фальшивою. Пока докторъ и я перекидывались словами, штабные начали возвращаться и сообщили намъ ся романическую, противъ всякаго ожиданія, причину: одинъ изъ нашихъ ловеласовъ, постѣ нѣкотораго возліянія, прельстился ча-

рами какой-то феи изъ персидскаго табора, и, какъ подобаетъ сыну Марса, пустилъ въ ходъ силу, чтобы оттащить ее... Персы взбудоражились и подняли крикъ. Стоявшее вблизи стадо верблюдовъ шарахнулось въ сторону лагеря. Озадаченные часовые дали по нимъ одинъ и другой выстрѣлъ, а горнистъ, съ просонья, затянулъ тревогу и... пошла потѣха! Но Зевсъ-громовержецъ не покаралъ однако виновника этой продѣлки, вѣроятно, въ виду заступничества трехъ такихъ сильныхъ Олимпа, какъ Венера, Марсъ и Бахусъ...

Нѣсколько дней спустя послѣ этого, мы имѣли еще одно такое развлеченіе, но на этотъ разъ безъ романической подкладки. Выстрѣлы и новая ночная тревога были вызваны какой-то ссорой между персами и джигитами...

Наступилъ затѣмъ періодъ полнаго затишья подъ Хивой; потянулись дни однообразные и скучные, и во всѣхъ заговорило желаніе поскорѣе вернуться въ Россію. Это и удалось нѣкоторымъ. Еще въ срединѣ іюня выѣхали изъ отряда Великій Князь Николай Константиновичъ и генералъ Веревкинъ съ нѣсколькими офицерами. О возвращеніи же отрядовъ пока не могло быть и рѣчи, такъ какъ обратное ихъ движеніе предстоитъ по тѣмъ же пустынямъ, безусловно непроходимымъ во время лѣтняго жара. Да и кромѣ того, въ концѣ іюня, неожиданно для всѣхъ, созданъ у насъ, такъ называемый, Юмутскій или Туркменскій походъ, къ которому я и обращаюсь теперь...

Въ числѣ разныхъ мѣропріятій относительно населенія Хивинскаго оазиса генераль Кауфманъ нашелъ необходимымъ наказать своевольное племя Туркменъ—Юматовъ, которые не только упорно сопротивлялись нашему оружію до самаго занятія столицы ханства, но и послѣ этого, удалившись въ свои предѣлы, не выказали никакого желанія изъявить покорность, не смотря на примѣръ, поданный имъ въ этомъ отношеніи ихъ соплеменниками Чоудурами, Узбеками, Каракалпаками и другими. Съ этою цѣлью отъ Юматовъ была потребована, къ извѣстному сроку, контрибуція въ 300 тысячъ рублей, которую они не пожелали внести. Тогда, для понужденія ихъ, въ началѣ іюля былъ отправленъ, подѣ начальствомъ генерала Головачова, отрядъ изъ 8 ротъ туркестанскихъ стрѣлковъ, 4 Семирѣченскихъ и 2 Кавказскихъ сотенъ, при 6 орудіяхъ и 2 митральзахъ. На угрозу Головачова, что прибѣгнетъ къ оружію, если контрибуція не будетъ внесена немедленно, Юматы возразили лаконически: «Дратся не хотимъ, платить не можемъ». Тогда отрядъ началъ жечь ихъ кишлаки и отбирать стада и имущество...

Въ отвѣтъ на это, Юматы собрались и, 13 іюля, напали на Русскій отрядъ, стоявшій близъ Чандыра, но были отбиты. Какъ рассказываютъ, эта неудача возбуждала въ нихъ только жажду мести и еще бѣольшую энергію. Черезъ день, 15 іюля, они возобновили свое нападеніе при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Разсвѣтало. Убравъ свои аванпосты, отрядъ Голо-

вачова снимался съ лагеря, чтобы двинуться въ кочевья Юматовъ. Обычная передъ выступленіемъ возня была еще въ полномъ разгарѣ и только кавалерія, назначенная въ авангардъ, начала вытягиваться на дорогу. Но не успѣли головныя сотни продвинуться и на полверсты, какъ вдругъ увидѣли передъ собой густыя облака пыли, несущіяся на нихъ подобно степному урагану. Въ то же мгновеніе воздухъ огласился неистовыми криками многихъ тысячъ людей, земля загудѣла отъ топота и подъ облаками пыли зачернѣли громадныя массы Туркменъ, мчавшихся на казаковъ во всю прыть. Не успѣли послѣдніе опомниться, какъ уже былъ изрубленъ одинъ изъ офицеровъ. Еще нѣсколько мгновеній... и сотни должны быть неминуемо раздавлены этой страшной лавиной, состоявшей, какъ увѣряють, почти изъ 10 тысячъ всадниковъ, за спинами которыхъ сидѣло еще около 6 тысячъ пѣшаго люда. Но сотни повернули во-время и поскакали въ лагерь; на ихъ плечахъ туда же влетѣли и Туркмены. Быстро ссадивъ съ коней свою пѣхоту, они принялись рубить, прежде чѣмъ успѣли взяться за оружіе наши роты, озадаченные скачущими обратно казаками. Но замѣшательство длилось не долго... Со всѣхъ сторонъ загремѣли учащенные залпы стрѣлковъ, посыпалась картечь, затрещали митральезы, и ошеломленные степняки хлынули назадъ быстрѣе прежняго, оставивъ на мѣстѣ груды своихъ тѣлъ и павшихъ коней...

Туркмены почти не стрѣляли въ этотъ разъ, и благодаря этому, лихой налетъ ихъ, окончившійся ко-

роткой свалкой, не причинилъ отряду большихъ потерь. «Но эти пять или десять минутъ были по истинѣ адскими», говорили участники, что, впрочемъ, видно и изъ того, что самъ Головачовъ и начальникъ его штаба, Фриде, были ранены холоднымъ оружіемъ въ срединѣ лагеря. Тамъ же одинъ изъ Туркменъ налетѣлъ съ поднятой саблей на герцога Лейхтенбергскаго, но случившійся вблизи офицеръ предупредилъ его выстрѣломъ изъ револьвера и уложилъ смѣльчака на мѣстѣ...

До середины іюля дѣла наши въ ханствѣ, казалось, идутъ какъ нельзя лучше. Но вотъ, точно въ воздухѣ **запахло** вдругъ какимъ-то неблагополучіемъ... Еще до полученія **извѣстія** о Чандырскомъ дѣлѣ, у насъ разнесся слухъ, что съ Головачовымъ прерваны сообщенія, и что его, менѣе чѣмъ двухтысячный отрядъ, окруженъ 30 тысячами Іомутовъ, поклявшихся погибнуть или истребить Русскихъ. Говорили также, что смѣлое поведеніе Туркменъ уже вызвало и въ Хивѣ какое-то броженіе, которое, въ виду нашей малочисленности, легко можетъ отразиться на настроеніи всего ханства... Извѣстія изъ отряда дѣйствительно прекратились какъ-то сразу, и при этомъ ханъ сообщилъ Кауфману, что все пространство между Хивой и кочевьями Іомутовъ наводнено шайками этихъ Туркменъ, которые перехватываютъ и убиваютъ Русскихъ нарочныхъ... Все это повело къ тому, что приказано было усилить караулы и вообще соблюдать крайнюю осторожность. Въ отрядахъ же пошли толки.

— Дай Богъ, приходилось слышать, — чтобы этотъ туркменскій походъ не оказался крупной ошибкой... Россія не нуждается въ какихъ-то юмутскихъ 300 тысячахъ, чтобы изъ-за нихъ утомлять и раздроблять, и безъ того не сильные, наши отряды... Да, наконецъ, и собрать эту грошевую контрибуцію съ полуголоднаго населенія, если она уже необходима, едва ли не благо-разумнѣе было бы путемъ мирнаго и ласковаго обращенія съ туркменскими старшинами. А то, не дай Богъ, но вѣдь при энергичномъ сопротивленіи, на которое, какъ говорятъ, способны эти Юмуты, мы можемъ потерять сотню-другую людей... изъ-за чего? Стоитъ ли свѣчъ эта игра?..

Я не берусь судить, на сколько было правды въ подобныхъ философствованіяхъ... Кончилось тѣмъ, что главный начальникъ экспедиціи собралъ военный совѣтъ, который и рѣшилъ идти всѣмъ на соединеніе съ Головачовымъ, а подѣ Хивой оставить только раненыхъ, больныхъ и слабыхъ, подѣ небольшимъ прикрытіемъ...

Это было тяжелое для всѣхъ рѣшеніе, и на остающихся оно произвело удручающее дѣйствіе. Непоступить иначе нельзя было... Утромъ 15 іюля Кауфманъ, съ отрядами Кавказскимъ и Туркестанскимъ, оставилъ Хиву и двинулся въ сторону Ильялы, куда еще ранѣе выступили Оренбуржцы. Въ то же время насъ перенесли въ одинъ изъ садовъ Туркестанскаго лагеря, гдѣ сосредоточилась, подѣ начальствомъ подполковника Бумскаго, вся наша, какъ говорили, «брошенная команда»

XXVIII.

Положеніе оставшихся подъ Хивой. — Послы Бухарскій и Коканскій. — Свиданіе съ Хивинскимъ ханомъ. — Письма Кауфмана и возвращеніе отрядовъ въ Хиву.

Дни, проведенные нами подъ Хивой до возвращенія отрядовъ изъ Юмутакаго похода, едва ли когда-либо изгладятся изъ нашей памяти... Мы, небольшая горсть больныхъ и раненыхъ, представляли въ это время обреченныхъ на жертву. Отряды ушли и точно канули въ воду: въ первое время объ нихъ не было никакихъ извѣстій. Изъ Хивы, между тѣмъ, доносились упорные слухи о враждебномъ настроеніи ея населенія, и туда никто не рѣшался ѣздить, за исключеніемъ джигитовъ, которые то-и-дѣло возвращались съ извѣстіемъ, что Хивинцы на базарѣ уже начали коситься даже на нихъ и почти не скрываютъ своего намѣренія напасть и вырѣзать насъ. И мы этого ждали днемъ и ночью, въ теченіе трехъ недѣль, имѣя только 200-штыковъ и двѣ пушки въ то время, когда протяженіе нашей садовой ограды требовало для своей обороны по

крайней мѣрѣ нѣсколько баталіоновъ, а Хивинцы могли нагрянуть на насъ въ числѣ не менѣе 10 тысячъ... Не трудно понять, каковы были при этомъ наши затаенныя чувства... Говорю—*затаенныя* потому, что всѣ старались казаться спокойными, но на самомъ дѣлѣ всѣхъ томило пассивное состояніе при страшномъ напряженіи нервовъ, неизвѣстность и ожиданіе... «Хотя бы скорѣе напали эти халатники!» — иногда вырывалось у нѣкоторыхъ. Но это былъ, конечно, не вопль отчаянія, а понятная жажда выясненія опасности, желаніе, если она уже неизбежна, стать лицомъ къ лицу съ нею, не расходуясь физически и нравственно на безплодный анализъ, разрушительному дѣйствию котораго не поддаются только исключительныя или закаленные натуры...

Но всему бываетъ конецъ... И наше возбужденное состояніе постепенно смѣнилось какимъ-то фаталистическимъ равнодушіемъ, а тамъ, съ проясненіемъ политическаго горизонта въ оазисѣ, отлетѣли въ область прошлаго и всѣ тревоги.

Извѣстіе о паденіи Хивы произвело, оказывается, глубокое впечатлѣніе на всю Среднюю Азію. Какъ первое послѣдствіе этого, въ нашъ лагерь прибылъ и расположился здѣсь, въ ожиданіи Кауфмана, новый посолъ Бухарскаго эмира, Мирахуръ Исамеддинъ. Двойная его миссія заключалась въ принесеніи «Ярымъ-Падышаху» поздравленія съ побѣдой отъ имени своего повелителя и въ доставленіи, въ качествѣ его дружественнаго подарка, скрывавшагося въ Бухарѣ Киргиза Уатилау,—того изверга, если помните, который былъ

главнымъ виновникомъ вѣроломнаго избіенія, около Кунграда, одиннадцати нашихъ моряковъ, и который будетъ, конечно, повѣшенъ... Съ такимъ же порученіемъ, но безъ живого подарка, явился вскорѣ и другой посолъ, — отъ хана Коканскаго. Появленіе этихъ господъ, съ ихъ пестрыми и многочисленными свитами, внесло нѣкоторое оживленіе въ монотонную жизнь нашего лагеря.

Маленькое разнообразіе представилъ также пріѣздъ къ намъ Хивинскаго хана... «Государь Ховарезма» возбуждалъ, конечно, всеобщее любопытство. Но послѣ своего возвращенія изъ бѣгства, онъ жилъ въ Хивѣ почти затворникомъ, оставляя свой дворецъ только для рѣдкихъ посѣщеній «Ярымъ-Падышаха». Его и видѣли только во время этихъ проѣздовъ, а многимъ не представлялся даже и такой случай. Поэтому, какъ только стало извѣстно, что пріѣхалъ ханъ, всѣ наши устремились въ центръ сада, гдѣ на открытой террасѣ, въ тѣни громаднаго карагача, Буюмскій принималъ этого интереснаго гостя. Для меня лично это былъ единственный случай взглянуть на побѣжденнаго нашего противника, и вотъ я — тоже на террасѣ, куда перенесенъ на походномъ креслѣ.

Сеидъ - Мухаммедъ - Рахимъ - ханъ — молодой чело-вѣкъ, лѣтъ двадцати семи или восьми, средняго роста и сложенія. По типу, складу и всей вообще внѣшности, это — самый ординарный, нѣсколько сутуловатый и неуклюжій Узбекъ, въ которомъ хана я узналъ только потому, что онъ сидѣлъ отдѣльно на складномъ стулѣ, тогда какъ вся его свита, — состоявшая изъ довольно

пожилыхъ сановниковъ ханства, какъ диванъ-беги, за-
каатчи, мехтеръ *) и другіе,—группировались прямо на
полу и нѣсколько позади хана. Скромный его костюмъ
также не представлялъ ничего особеннаго: большая
черная шапка изъ мерлушки, полосатый шелковый ха-
латъ, поверхъ котораго надѣтъ еще другой изъ голу-
бого сукна и, наконецъ, огромные сапоги изъ толстой
верблюжьей замши. Никакого оружія, никакихъ укра-
шеній. Лицо смуглое и нѣсколько скуластое, съ до-
вольно правильнымъ носомъ, окаймлено жидкой чер-
ной бородкой съ едва пробившимися усиками надъ
толстыми чувственными губами. Маленькіе безстраст-
ные глаза хана не лишены проницательности. Но вся
фізіономія выражала какую-то усталость, или апатію,
и невольно наталкивала на мысль, что, по всей вѣро-
ятности, этотъ деспотъ произноситъ съ такимъ же не-
невозмутимымъ спокойствіемъ фразу «перерѣзать ему
горло», съ какимъ онъ нѣсколько разъ обращался къ
своей прислугѣ съ лаконическимъ приказаніемъ: «чи-
лимъ» **).

Буюмскій представилъ меня хану какъ адъютанта
«брата Акъ-Падишаха» и офицера-мусульманина. Въ
устахъ переводчика слово «адъютантъ» превратилось
въ «помощника» и, вѣроятно, благодаря этой ошибкѣ,
я привлекъ на себя особое вниманіе хана, относивша-
гося вообще довольно безучастно...

*) *Диванъ беги*—нѣчто въ родѣ министра внутреннихъ дѣлъ, *закаатчи*—
главный сборщикъ податей, *мехтеръ*—шталмейстеръ.

**) *Чилимъ*—аппаратъ для куренья, въ родѣ кальяна.

— Съ которыми изъ войскъ вы прибыли сюда? спросилъ меня ханъ послѣ двухъ-трехъ вопросовъ о моей странѣ и племени.

— Съ тѣми, которыя шли со стороны Бахри-Хазара *), по Усть-Юрту.

— Эти войска пробрались къ намъ болѣе неожиданно, чѣмъ всѣ другія, замѣтилъ ханъ.—Я былъ увѣренъ, что Русскіе не пройдутъ черезъ Усть-Юртъ. Когда же это случилось и вашъ отрядъ соединился около Кунграда съ Оренбургскимъ, я лишился 12 тысячъ хорошо вооруженныхъ и храбрыхъ киргизъ-кайсаковъ всадниковъ: они дали мнѣ слово драться, но не сдержали его въ виду соединенія двухъ отрядовъ... Не будь этого, продолжалъ онъ, слегка улыбаясь,—быть можетъ, мнѣ удалось бы не впустить васъ сюда или не выпустить... хотя трудно бороться съ такимъ устроеннымъ войскомъ, да еще съ такимъ оружіемъ. Ваше войско—камень, а мое—стекло...

«И стрѣляетъ со стекломъ», чуть не вставилъ я, вспомнивъ хивинскія пули, но ограничился вопросомъ:

— Вѣроятно Юмуты думаютъ иначе о русскихъ войскахъ, если рѣшились на борьбу съ ними?

— Юмуты ничего не думаютъ, отвѣчалъ ханъ,—это народъ очень храбрый, но безразсудный...

Остальная бесѣда съ ханомъ не представила ничего выдающагося. Онъ сообщилъ въ заключеніе, что,

*) Бахри Хаваромъ или моремъ Хазарскимъ до сего времени называютъ въ Средней Азіи Каспій.

по послѣднимъ извѣстіямъ, Іомуты удалились въ степь, а затѣмъ удалился и самъ.

О положеніи дѣлъ въ отрядахъ мы узнавали только изъ слѣдующихъ шести записокъ, которыя разновременно были присланы генераломъ Кауфманомъ на имя Буюмсака:

„16 іюля 1873 г. 9 ч. вечера. Ночлеги у Хазавата, на правомъ берегу арыка.

Идемъ благополучно. Сегодня сдѣлали 30 слишкомъ верстъ. Слуховъ изъ отряда генерала Головачова въ нашу пользу много. Донесенія нѣтъ. Завтра идемъ дальше; ночевать будемъ на половинѣ дороги къ Змукширу. Что у васъ дѣлается? Пишите. Ген.-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й».

„17 іюля 73 г. 7 ч. утра, на переходѣ отъ Хазавата, въ 5 верстахъ отъ ночлега.

Сейчасъ получилъ донесеніе отъ ген. Головачова. Утромъ, 15 іюля, Туркмены, въ огромномъ числѣ конныхъ и пѣшихъ, напали на отрядъ его, готовившійся выступить къ ихъ кочевьямъ. Непріятель отбитъ съ огромной потерей. Это уже второе такое дѣло, послѣ котораго едва ли они опомнятся.

Саранчовъ *) въ 6 верстахъ отъ Головачова. Я иду, можетъ быть поспѣю, если Туркмены не убѣгутъ въ пески... Головачовъ раненъ саблей въ руку, Фриде—въ голову. Кауфманъ 1-й».

*) Вступилъ въ командованіе Оренбургскимъ отрядомъ послѣ отъѣзда ген. Веревкина.

„18 іюля 73 г. Змукширъ, 8 ч. вечера.

Отрядъ идетъ благополучно. Погода свѣжая и даже сырая. Завтра—въ Ильяллы. Получилъ донесеніе ген. Головачова отъ 17-го. Туркмены признали себя разбитыми. Кавалерія наша настигла Юматовъ отдѣленія Ушакъ; отбила весь скотъ и все имущество; множество труповъ оставлено на мѣстѣ. Юмуты остались одни; прочіе роды,—по разсказамъ нѣсколькихъ чело-вѣкъ, возвратившихся въ Змукширъ, — убрались на свои мѣста.

Оренбургскій отрядъ вошелъ въ связь съ отрядомъ ген. Головачова и оба стоятъ невдалекѣ другъ отъ друга. Кауфманъ 1-й».

„20 іюля 73 г. Бивуакъ близъ Ильяллы.

Я вчера прибылъ благополучно въ Ильяллы, около котораго нашелъ расположенными въ лагеряхъ оба отряда: ген.-м. Головачова и Оренбургскій. Оба отряда въ благополучномъ состояніи.

Юмуты и вообще Туркмены признали себя окончательно пораженными. Отдѣленія Юматовъ въ паникѣ разбрелись въ разныя стороны въ пески, но куда именно—точныхъ свѣдѣній я не имѣю. Остальные роды Туркменъ разошлись по своимъ мѣстамъ; я потребовалъ къ себѣ ихъ старшинъ и сегодня объявлю имъ мою волю. Письмо такого же содержанія я вмѣстѣ съ симъ пишу хану. Все ли у васъ благополучно? Будьте

спокойны и, главное, здоровы. Ген.-адъют. фонъ-Кауфманъ 1-й».

„22 июля 73 г. Лагерь у Ильялы.

Здѣсь все благополучно. Вчера объявилъ Туркменамъ всѣхъ родовъ, кромѣ Юматовъ, которые разбѣжались послѣ разгрома, уплату контрибуціи, половину деньгами, половину верблюдами. Старшины обѣщались уплатить въ назначенный имъ 12 дневный срокъ съ сего числа.

Чтобы слѣдить за ходомъ этого дѣла и на всякій случай, я остаюсь на нѣсколько еще дней здѣсь. Пишите каждый день о томъ, что у васъ дѣлается. Будьте здоровы.

Оренбургскій отрядъ сегодня выступилъ въ Кызылъ-такирь, въ 23 верстахъ отсюда, гдѣ и будетъ стоять во время взноса контрибуціи. Прочія войска остаются пока въ Ильялы. Скажите Атаджану, что, быть можетъ, дня черезъ три или четыре, я ему разрѣшу ѣхать *). Ген.-адъют. фонъ-Кауфманъ 1-й».

„26 июля 73 г. Лагерь у Ильялы 10 ч. вечера.

Здѣсь все благополучно. Сборъ пени, хотя и медленно, но идетъ. Завтра кончается 6-ти дневный срокъ, въ который назначенъ взносъ первой половины денеж-

*) Какъ уже было говорено, послѣ бѣгства Мадраима Хивинцы провозгласили ханомъ его брата, Атаджана. Это обстоятельство еще болѣе усилило вражду къ нему возвратившагося впоследствии хана. Опасаясь ея послѣдствій послѣ ухода Русскихъ, Атаджанъ просилъ Кауфмана разрѣшить ему отправиться въ Мекку.

ной пени. Я не остановился еще на рѣшеніи, къ ка-
кимъ прибѣгну мѣрамъ взысканія, если таковая не бу-
детъ вся представлена. Слухи о томъ, что Юмуты
очень пострадали отъ дѣйствій отряда ген.-м. Голова-
чова, постоянно подтверждаются. Ген.-адъют. фонъ-
Кауфманъ 1-й».

Затѣмъ, извѣстій уже не было почти двѣ недѣли,
но прошелъ слухъ, что войска возвращаются въ Хиву,
сбравъ съ Юмутовъ, взамѣнъ контрибуціонныхъ де-
негъ, все, что только было возможно, начиная отъ
верблюдовъ, и кончая серебряными слитками изъ жен-
скихъ уборовъ... И дѣйствительно, въ полдень 6 авгу-
ста прибыли отряды Кавказскій и Туркестанскій, и въ
садъ нашъ вступилъ генералъ Кауфманъ съ своей
огромной свитой, въ которой среди массы бѣлыхъ ки-
телей рѣзко выдѣлялась неуклюжая фигура Хивинскаго
хана, въ ярко-зеленомъ атласномъ халатѣ... Раздались
пѣсни, загремѣла музыка и общей радости не было
конца...

Подъ вечеръ насъ посѣтилъ Кауфманъ. Мы по-
здравили его съ Георгіемъ 2-й степени, а онъ, въ свою
очередь, порадовалъ насъ извѣстіемъ, что черезъ три
дня тронемся, наконецъ, обратно въ Россію, куда
Оренбуржцы уже двинулись прямо изъ Змукшира...

XXIX.

Мирный договоръ, новое политическое положеніе ханства и обратное выступленіе войскъ. — Головачовъ и Кауфманъ. — Недѣля на каюкахъ и заложеніе Петро-Александровска. — Финалъ.

Какими политическими или иными соображеніями руководилось наше правительство въ своемъ отношеніи къ покоренной нами странѣ, — мнѣ не приходилось слышать. Но говорили, что генералъ Кауфманъ имѣетъ повелѣніе не присоединять Хивинское ханство, а только поставить его въ вассальныя отношенія къ Россіи. Въ этихъ видахъ онъ заключилъ съ ханомъ договоръ, по которому послѣдній является отнынѣ безусловнымъ исполнителемъ всѣхъ требованій Россіи; обязанъ выплатить ей въ теченіи десяти лѣтъ военную контрибуцію въ два милліона рублей, и, наконецъ, уступить ей дельту Аму и всѣ свои владѣнія на правомъ берегу этой рѣки, часть которыхъ будетъ передана Бухарѣ, въ вознагражденіе услугъ, оказанныхъ эмиромъ въ теченіе настоящаго похода.

За этимъ договоромъ, завершившимъ дѣла наши въ ханствѣ, послѣдовалъ приказъ о выступленіи отрядовъ въ свои округа, за исключеніемъ больныхъ и

раненныхъ, которые не могли слѣдовать при войскахъ и были предназначены поэтому къ отправленію на лодкахъ по Аму-Дарьѣ до Аральскаго моря и далѣе, на пароходѣ, въ Казалинскъ. Въ эту категорію изъ Кавказскаго отряда были выдѣлены 14 нижнихъ чиновъ и три офицера, вмѣстѣ со мною. Приказъ о выступленіи вызвалъ положительный энтузіазмъ въ войскахъ и его не раздѣляли только мы: тяжело было разставаться со своимъ отрядомъ, да и завидно, что товарищи будутъ дома, пройдя только тысячу верстъ до Каспія, тогда какъ мы должны проѣхать для этого, кружнымъ путемъ черезъ Оренбургъ и Астрахань, безъ малаго пять тысячъ... Но нѣтъ худа безъ добра: мы избѣгнемъ за то вторичную прогулку по пустынѣ Усть-Юрта и совершимъ путешествіе по новымъ незнакомымъ мѣстамъ...

Наступило, наконецъ, давно желанное утро 9 августа, дня нашей разлуки съ Хивою. Кавказскій отрядъ выстроился въ саду для напутственнаго молебствія и потянулся затѣмъ съ пѣснями мимо моей кибитки. День былъ сырой и пасмурный, но всѣ лица сіяли. Помимо радости понятной, люди видимо потѣшались и своимъ оригинальнымъ видомъ: всѣ были въ бѣлыхъ французскихъ кепи съ назатыльниками и... въ полосатыхъ хивинскихъ халатахъ, купленныхъ для всего отряда въ виду осеннихъ холодовъ на Усть-Юртѣ и взамѣнъ полушубковъ.

Въ тотъ же день, около полудня, насъ перенесли къ берегу Палванъ-ата, громаднаго канала, проведеннаго изъ Аму-Дарьи и снабжающаго водою Хиву и

ея окрестности. Здѣсь была собрана цѣлая флотилія большихъ хивинскихъ каюковъ, въ которыхъ почти до вечера то устанавливали артиллерійскій паркъ и разныя казенныя тяжести, то размѣщали съ лишнимъ 200 человѣкъ самаго пестраго военного люда, но большею частью больныхъ и раненыхъ. На обоихъ берегахъ канала толпились, кромѣ того, сотни хивинскихъ бурлаковъ, которые должны потянуть наши лодки на лямкахъ противъ теченія.

Возня съ этой посадкой окончилась только къ вечеру, и тогда явился проститься съ отъѣзжающими начальникъ Туркестанскаго отряда, генераль Головачовъ. Здѣсь я видѣлъ его первый разъ. Это не старый еще человѣкъ, съ длинными шелковистыми бакенбардами и съ симпатичной вообще наружностью, украсившійся всего нѣсколько дней передъ тѣмъ Георгіемъ на шеѣ и прошедшій свою военную школу на Кавказѣ, гдѣ до генеральскаго чина командовалъ Куринскимъ полкомъ и былъ одновременно начальникомъ Ичкеринскаго округа. Простившись съ своими Туркестанцами, онъ вошелъ и въ нашъ кавказскій каюкъ, гдѣ съ видимымъ удовольствіемъ вспоминалъ свою службу въ Чечнѣ и въ горахъ Дагестана.

— Я такъ люблю этотъ край, говорилъ онъ, — что питаю совершенно родственное чувство ко всѣмъ Кавказцамъ, и буду, господа, весьма доволенъ, если вы мнѣ позволите быть чѣмъ-нибудь вамъ полезнымъ.

Едва мы успѣли поблагодарить любезнаго генерала, какъ подошелъ другой старый кавказецъ, ген.

адъют. К. П. фонъ-Кауфманъ, командовавшій тоже полкомъ на передовомъ пунктѣ Дагестана, въ Аймаки, во время самага разгара муридизма. Онъ обратился къ намъ съ нѣсколькими любезными вопросами о нашемъ снаряженіи на предстоящій далекій путь, и простился затѣмъ въ такихъ выраженіяхъ:

— Прощайте, господа, и не поминайте насъ лихомъ! Кавказцамъ, если они даже забыли меня, и Кавказу, которому принадлежатъ лучшія воспоминанія моей жизни, передайте мой сердечный привѣтъ. Счастливой дороги, съ Богомъ!..

Послѣ этого напутствія послѣдовалъ наконецъ сигналъ къ отплытію. Хивинскіе бурлаки пришли въ движеніе и, вскорѣ, флотилія наша, медленно и безконечно-длинной вереницей, потянулась вверхъ по каналу...

Путешествіе было въ высшей степени оригинальное и представляло богатый матеріалъ для кисти художника. На протяженіи всѣхъ семидесяти верстъ отъ Хивы до Аму-Дарьи оба берега Палванъ-ата утопали въ роскошной зелени непрерывныхъ садовъ, между которыми разбросаны отдѣльные кишлаки и цѣлыя деревни, эффектно выдѣлявшіяся изъ общаго растительнаго фона. При появленіи нашей флотиліи все населеніе этихъ ауловъ высыпало обыкновенно на самый берегъ, образуя собою самыя характерныя группы мужчинъ, женщинъ и дѣтей... Палванъ-ата, какъ магистральный каналъ, развѣтвляется на своемъ пути на массу глубокихъ оросительныхъ арыковъ; черезъ нихъ переброшены неуклюжіе, но оригинальные мосты; возлѣ

нихъ то-и-дѣло ютятся то крошечныя мельницы, то скрипучія водоподъемныя сооруженія, приводимыя въ движеніе безконечнымъ круженіемъ верблюдовъ съ завязанными глазами...

Въ этой обстановкѣ мы подвигались цѣлую недѣлю до Аму-Дары, останавливаясь на ночь возлѣ ауловъ и днемъ, по нѣскольکو разъ, для отдыха Хивинцевъ. Насъ нерѣдко задерживали, кромѣ того, и разныя приключенія.

— Стой, стой! раздаются вдругъ неистовые крики среди медленно ползущихъ каюковъ. — Дуръ, дурунъ хоу!—ревомъ подхватываютъ со всѣхъ сторонъ Хивинцы. Пробуждается полусонный людъ, млѣющій подъ открытымъ солнцемъ. Останавливаемся. — Что случилось?!—Оказывается, что каюкъ сорвался съ лямки и быстро пошелъ обратно по теченію, кружась и ударяясь по пути о встрѣчныя лодки... Бурлаки съ цѣлымъ гвалтомъ бѣгутъ сначала по берегу, не раздѣваясь кидаются затѣмъ по горло въ воду, вызываютъ общій смѣхъ на всѣхъ каюкахъ, и, наконецъ, при помощи людей изъ прибрежнаго аула, бросившихся на перерѣзъ бѣглеца, ловятъ его и влекутъ обратно, отдѣлавшись только двумя-тремя папахами, упавшими въ суматохѣ въ воду...

Но не всегда однако приключенія обходились такъ дешево. Разъ, на большой глубинѣ, свалился въ воду артиллеристъ и его вытащили полумертвымъ. Въ другой разъ пошелъ на дно со всѣми людьми сильно перегруженный каюкъ парка; людей спасли, а каюкъ остался на мѣстѣ. Были остановки и боляе печальныя,

вызванные похоронами четырех солдатъ, умершихъ въ теченіе нашего плаванія по арыку. Это были, по словамъ сопровождавшихъ насъ врачей, прямыя жертвы постоянного вліянія сырости и громадной разницы въ температурѣ дня и ночи, причинъ, которыя за то же время значительно ухудшили состояніе больныхъ и увеличили число ихъ...

Послѣдніе три дня до выхода на Дарью, наша флотилія представляла еще болѣе своеобразную картину. Дѣло въ томъ, что Палванъ-ата изъ узкаго и глубокаго канала превращается въ своихъ верховьяхъ въ быструю, широкую и крайне мелководную рѣку, но съ фарватеромъ по срединѣ. Двигаясь по берегу, Хивинцы уже не могли тянуть здѣсь наши каюки. Въ нихъ запрягли поэтому гуськомъ по пяти лошадей, выставленныхъ по приказанію изъ Хивы, но которыхъ хватило только на часть каюковъ; остальныхъ потянули саміи Хивинцы, человѣкъ по 12 каждую, идя по поясу въ водѣ и оставшись въ однихъ только бараньихъ шапкахъ.

Эта оригинальная конная флотилія, сопровождаемая непрерывными криками погонщиковъ и тѣмъ не менѣе двигавшаяся еще медленнѣе прежняго, потянулась на слѣдующій день мимо города Хазаръ-аспа, расположеннаго нѣсколько въ сторонѣ отъ арыка, а еще черезъ день, — вышла на Дарью... Разставшись здѣсь съ конями и Хивинцами, мы понеслись, наконецъ, по теченію широкой и многоводной рѣки, раскинувшейся версты на три, и флотилія наша сразу разсѣялась благодаря неумѣлости солдатъ, неожиданно попавшихъ

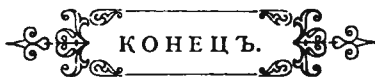
въ незнакомыя роли лоцмановъ и матросовъ: однихъ понесло вправо, другіе врѣзались въ камыши лѣваго берега, нѣкоторые сѣли на мель... Приключенія эти повторялись довольно часто, но къ вечеру мы все же добрались до Ханки, небольшого городка, расположеннаго ровно въ 30 верстахъ отъ столицы ханства. Вышло, такимъ образомъ, нѣчто неожиданное, никѣмъ не предусмотрѣнное: потративъ цѣлую недѣлю на плаваніе въ 110 верстъ, мы снова очутились въ разстояніи одного перехода отъ Хивы, который мы могли бы совершить безъ особеннаго утомленія въ одинъ день, хотя бы на хивинскихъ арбахъ, не подвергаясь ни сырости, ни безконечному утомленію... Но такова была судьба!

Въ Ханки мы застали весь Туркестанскій отрядъ, приготовлявшійся къ переправѣ. Генераль Кауфманъ съ своимъ штабомъ былъ на правомъ берегу рѣки, и здѣсь, въ 10 верстахъ отъ Ханки, въ обширныхъ садахъ, раскинувшихся между каналами Бузь-япъ и Дортъ-гуль, избралъ уже мѣсто для новаго укрѣпленія, предназначеннаго наблюдать за Хивою и служить административнымъ центромъ Аму-Дарьинскаго района. Въ укрѣпленіи останутся изъ Туркестанскаго отряда 10 ротъ, 4 сотни и 8 орудій, и оно будетъ называться *Петро - Александровскъ*, чтобы увѣковѣчить на этой далекой окраинѣ имена двухъ Государей, изъ коихъ второй блистательно осуществилъ завѣтную мечту перваго о нѣкогда славномъ «Ховаразмѣ»...

Въ Ханки, гдѣ насъ продержали почти цѣлую недѣлю въ ожиданіи сбора всѣхъ отправляющихся въ

Россію, къ намъ присоединились разныя команды нижнихъ чиновъ, и десятка два офицеровъ, между которыми были генералы Бордовскій, вступившій въ роль адмирала нашей флотиліи, Пистолькорсъ, Колокольниковъ, флигель-адъютантъ графъ Милютинъ, американецъ Макъ-Гаханъ и т. д. Флотилія, вслѣдствіе этого наплыва, превратилась въ цѣлую армаду и въ жаркій полдень 21 августа двинулась наконецъ въ сторону Арала, при звонкой пѣснѣ юнкеровъ, отправлявшихся въ Оренбургское училище и неожиданно огласившихъ широкое раздолье новой русской рѣки роднымъ мотивомъ «Внизъ по матушкѣ...»

Дальнѣйшее наше путешествіе было интересно во многихъ отношеніяхъ. Но слишкомъ 700-верстное плаваніе по Аму, Аральскому морю и Сыръ-Дарьѣ до Казалинска,—гдѣ всѣ мы распростились, быть можетъ на вѣки, и разбрелись по разнымъ концамъ Россіи,—и мое личное слѣдованіе затѣмъ на Кавказъ, черезъ Оренбургъ, Самару и Астрахань, уже не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ Хивинскому походу, впечатлѣнія котораго составляли единственную цѣль настоящихъ записокъ. Оставляя, поэтому, все это въ сторонѣ, скажу въ заключеніе, что 9 ноября, ровно черезъ три мѣсяца послѣ разлуки съ Хивой, я вернулся въ Тифлисъ.

Цѣна 1 р. 50 к.